

Внуети Любовь

МЕЛИССА КОЛЛИНЗ

Что случится, если ты потеряешь все? Если людей, которые должны были всегда тебя любить, просто не оказалось бы рядом, как сильно изменился бы твой мир? Мадлен Бэкер потеряла все в десять лет, когда ее родители погибли. Вырванная из дома и всего, что так было дорого, она вынуждена начать жить заново. Но единственный способ двигаться дальше — выстроить вокруг себя стену и держать всех на безопасном расстоянии от своего сердца. Она думала, что если никогда не влюбится, то защитит себя от боли. Эта теория разбивается вдребезги, когда она встречает Рида Конелли во время первого года в университете. Он прекрасен, загадочен и в тоже время слишком хорошо понимает боль Мэдди. Но поделиться своими тайнами означает разрушить стену вокруг собственного сердца. Разрываясь между своей любовью к Мэдди и темными тайнами своего прошлого, Рид старается по-новому взглянуть на мир. Внутренняя сила Мэдди, ее элегантность и невероятная красота помогают ему обрести мир и наконец-то смириться со своим прошлым. Вместе они узнают, что случается, когда выпускаешь в сердце любовь.

Глава 1

Мои родители мертвы. Не поймите меня неправильно, это сильно на меня повлияло. Я стараюсь идти дальше, но, если честно, вероятно, никогда полностью не исцелюсь. Они умерли, когда мне было десять, то есть восемь лет назад. Я никогда не забуду день, когда их потеряла, потому что вместе с ними я потеряла всё. Их забрала авария — автопоезд, если быть точнее. Так как мне было всего лишь десять, *больших* деталей мне не потребовалось. Их не стало, вот и всё. У меня нет ни братьев, ни сестёр, мои бабушки и дедушки с обеих сторон умерли много лет назад. Я никогда не знала их — они умерли ещё до моего рождения. Казалось, что вся моя жизнь отравлена смертью, а ведь я была только в четвёртом классе.

Но у жизни есть странное свойство продолжаться, не смотря ни на что. У тебя просто нет выбора. Ты просыпаешься, заставляешь себя одеться, тащишь свою задницу в школу, улыбаешься и киваешь, точно по команде, делаешь достаточно, чтобы не привлекать к себе внимания — короче говоря, ты справляешься. Ты справляешься с тем фактом, что в десять лет у тебя отняли единственную жизнь, которая была тебе знакома, что в одну ночь не стало ни любви, ни тепла. Они собирались всего лишь пойти на свидание — ужин и кино. Похороны уж точно не входили в их планы на вечер.

Но вот мои планы — мертвые родители и переезд. Меня забрали из моего милого маленького дома на Лонг-Айленде и перевезли к чёрту на рога. Так я люблю называть это место, хотя на самом деле, отсюда всего лишь пара часов езды до Манхэттена. На севере штата Нью-Йорк нет абсолютно ничего привлекательного — я обнаружила это в свою первую зиму здесь. Есть коровы и снег — и то, и другое в достатке. Тётя моего отца, сестра его матери, и, по совместительству, моя тётя Мэгги удочерила меня. Она милая и заботливая, но давайте посмотрим правде в глаза — шестидесяти шестилетняя старая дева, которая заботится о десятилетней девочке — не самая лучшая комбинация для них обоих.

Но, как уже сказала, я была — а может, и сейчас нахожусь — в режиме выживания. Я плохо помню первые пару лет с ней. Я находилась как в тумане. Не было пресловутого света в конце тоннеля, но была уверенность, что я обречена прожить серую, ничем не

примечательную жизнь. Снег и коровы только укрепили этот пейзаж.

Первый всплеск цвета в этом городе явился мне в виде взбалмошной рыжеволосой девочки. Она сидела рядом со мной в течение седьмого класса, когда нас рассадили по алфавиту. Так она, Мелани Крейн, оказалась сразу за мной — Мадлен Бэккер. Её лицо было сплошь усыпано веснушками, а широкая улыбка никогда не сходила с её губ. Было сложно не заметить Мелани — не проявлять к ней доброту, не открыться ей. Я до сих пор помню наш первый разговор.

— Какой твой любимый цвет? Мой — пурпурный. Не слишком тёмный, скорее ближе к лавандовому или сиреневому. Он такой красивый. И мой любимый цветок — сирень, он *так* волшебно пахнет. Вся моя комната пурпурная. Это так на меня похоже!

Хорошо, это было не разговором, а скорее монологом, но когда она со мной заговорила, что-то внутри меня немного приоткрылось. Та часть, которая помнила, что я была просто маленькой девочкой, и что вечность была слишком долгим временем для путешествия по морю серого одиночества, которое поглощало и тянуло меня ко дну.

Мои губы тронула чуть заметная улыбка, и этого хватило, чтобы она поняла, что я была рядом. Возможно, у неё был какой-то сканнер, которым Мелани осветила мою грусть. Я не уверена, но, когда вспоминаю тот момент, мне почему-то кажется, что сканнер определенно был. Мелани — самый добрый, заботливый и нежный человек, которого я встречала. Она была квинтэссенцией тех, о ком говорят "ни одной злой мысли за душой" и из-за этого, из-за моей потребности в доброте, любви и тепле, мы быстро стали лучшими подругами. На следующий день после её оды пурпурному цвету, она пригласила меня к себе домой. Когда я рассказала об этом тёте Мэгги, та была очень рада и непрестанно говорила о том, как же хорошо, что я наконец-то нашла себе друзей.

Поход в дом Мелани на следующий день был похож на возвращение в прошлое. Дом был воплощением тепла и уюта — диван и небольшая кушетка в шоколадных цветах сразу привлекли к себе внимание, но остальная комната была выполнена в светло-синих и зелёных, морских тонах. Это был дом, чужой, но, тем не менее, дом. Книжные полки были забиты детскими книгами и семейными фотографиями — резкий контраст после покрытых салфеточками кофейных столиков со старушечьими вещами, которые заполняли гостиную тёти Мэгги.

Я знаю, что это клише, но то, что действительно заставило меня почувствовать себя как дома — это запах. Что-то вроде смеси освежителя с ароматом весенней долины и только что испечённого печенья. Никто никогда не пёк мне печенье кроме моей мамы. Я сразу же вспомнила её, но Мелани не дала мне грустить и потянула меня на кухню, где её мама уже выкладывала для нас на тарелку шоколадное печенье.

— Хей, милая, как прошел день? — голос миссис Крейн прошел сквозь меня, но всё, что я слышала — это голос моей мамы, шепчущий ласковые слова мне на ухо, когда я болела, пробуждающий меня ото сна, поющий мне колыбельные, когда я не могла заснуть. — Ты должно быть Мадлен. Я слышала о тебе от Мелани. Она просто не замолкает о тебе, не так ли?

Я шёпотом выдавила из себя "привет", но это ни в коем случае не удовлетворило маму Крейн. Женщина настояла, чтобы я так называла её. И, так как всё в ней дышало материнством — немного седеющие волосы, ярко голубые глаза на округлом лице, с которого, как и у Мелани, никогда не сходила улыбка — согласиться называть её «мамой Крейн» было проще простого.

Позже я узнала, что муж мамы Крейн, Джеймс, был её настоящей любовью. Он был архитектором и во время какого-то ужасного происшествия на работе мама Мелани его потеряла. Они были женаты менее года, и она была на шестом месяце беременности, когда Джеймса не стало. Когда я об этом узнала, то поняла, что хочу быть такой же, как мама Крейн. Не то чтобы я хотела потерять любовь всей жизни или что-то в этом роде, но я хотела научиться справляться с такими ужасающими потерями и при этом сохранять внутри теплоту и силу. Я хотела выжить, точно так же, как выжила она.

В тот день мы с Мелани провели остаток дня — как, в общем-то, и все наше время с тех пор — в её комнате, подпевая песням её любимых групп, просматривая девчачьи фильмы, экспериментируя с волосами и макияжем, иногда делая домашку. Но среди всего этого пения, танцев и мечтаний, произошло что-то поистине чудесное. Я вернулась к жизни. Я была счастлива. Я вошла в семью Мелани, и это снова сделало меня цельной. Поэтому, когда тётя Мэгги умерла в возрасте семидесяти четырёх лет во время моего последнего года в школе, было совершенно естественно, что я переехала жить к Мелани и маме Крейн. Я и так фактически жила там, поэтому, кроме осознания того, что у меня больше не осталось семьи, ничто не омрачало моего переезда.

Сейчас поздний август и мы с Мелани через несколько дней собираемся переезжать в наше общежитие в университете Итаки. Мы провели несколько часов, просматривая старые фото и путешествуя по закоулкам прошлого, хотя, если честно, мне не особо хотелось туда возвращаться. Даже не смотря на то, что время, проведённое с семьёй Крейнов, было замечательным, я скучала по собственной семье. А необходимость выезжать из дома Крейнов заставила меня почувствовать себя совершенно одинокой.

Найдя фото из средней школы, я была поражена грустью, сквозившей во мне. Все мое тело будто согнулось под тяжестью жизненных перипетий. Слезы, скатившиеся по моим щекам, когда я увидела, какой была раньше, невозможно было высушить. Я хочу получить второй шанс. Я хочу быть счастливее. Я хочу любить себя и свою жизнь, хочу знать, что кто-то по-настоящему любит меня. Я хочу вернуть свою семью, и эта фотография просто разбередила старые раны.

— Как ты думаешь, мне взять эти угги? Я не хочу испортить их в снегу, но они очень удобные. Не уверена, что хочу их оставить. Мэд? Мэдди? Эй, Земля вызывает мисс Мадлен! Ты здесь?

Серьёзно, попробуй иногда расслабляться, Мел.

Когда я поворачиваюсь к ней, моё заплаканное лицо с головой выдает мои чувства. Девушка присаживается рядом со мной на свою неубранную лиловую постель и обнимает меня.

— Что случилось, Мэдди? Почему ты плачешь? Это счастливое время. Всего через несколько дней мы отсюда выберемся и будем предоставлены сами себе.

— Даже не знаю, Мелани. Я буду скучать по этому месту. Это единственный дом, который у меня был. У меня больше ничего и никого нет, — непонятно как, но все эти слова умудряются протиснуться сквозь комок, застрявший у меня в горле.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что будешь скучать?

Её лицо выражает подлинную растерянность.

— Просто... я... я хочу сказать...

Запинаясь в собственных словах, я не могу облачить свои страхи в словесную форму.

— Мелани, последние несколько месяцев, что я жила с тобой и твоей мамой, были лучшими.

Она открывает рот, чтобы согласиться, но я перебиваю её на полу вздохе, чтобы закончить.

— Эти дни были самыми счастливыми в моей жизни, и ты наверняка знаешь, насколько тяжёлой была моя жизнь, и как мне по-настоящему тяжело сказать, что я была действительно счастлива. Но мы переезжаем — ну, я переезжаю. Твоя мама и так проявила невероятную доброту, когда разрешила мне пожить здесь, но теперь я переезжаю, и, несмотря на то, что я очень рада, что буду жить с тобой, всё-таки грустно осознавать, что у меня больше не будет настоящего дома.

Слёзы текут сильнее, и я чувствую, как грусть проникает всё глубже и глубже. Я скидываю руки в воздух и пытаюсь сделать вид, что мой эмоциональный срыв это всего лишь сарказм.

— Кого я обманываю, Мелани? У меня не было дома последние восемь лет!

Я откидываюсь на кровать, всхлипывая.

— Мадлен Рене Бэккер, это самая абсурдная вещь, которую я когда-либо слышала! — слышится голос мамы Крейн из дверного проёма. Женщина быстро пересекает комнату и садится с другой стороны, зажав меня между собой и Мелани. — Это был твой дом с тех пор, как Мелани привела тебя сюда. Теперь сюда просто приходит ещё и твоя почта!

Это вызывает у меня смешок.

— Мама Крейн, все в порядке. Вы больше не должны заботиться обо мне. Я и так была достаточным грузом в эти несколько месяцев, и теперь я просто не могу представить, что вам придётся...

— Теперь закрой свой красивый ротик со всеми своими "должна". Ты живешь здесь, потому что мы этого *хотим*. Мы любим тебя, не потому что ты мне *как* родная дочь, а потому что ты *и есть* моя дочь. В действительности всё очень просто. Ты могла бы вырасти в доме твоей тёти Мэгги, но именно мне выпала честь видеть, как ты взрослеешь и превращаешься в эту красивую девушку, которой ты являешься.

Чёртовы слезы. Они. Просто. Не. Остановятся. Когда я наконец-то делаю глубокий вдох, то говорю, что тоже её люблю, но не могу избавиться от чувства, что как только уеду отсюда, то потеряю свой дом.

— Вы уверены, мама Крейн? Не хочу быть вам в тягость. Я знаю, что когда Мелани будет приезжать на каникулы, у вас будет достаточно забот и без меня.

— Мэдди, разве ты не понимаешь? Нас будет заботить только то, что тебя нет рядом. Я не буду спать день и ночь, гадая, где ты и с кем. Это твой дом. Поняла?

Твердая уверенность в её голосе заставляет меня улыбнуться и вздохнуть от облегчения.

— Теперь, умой своё милое личико и спускайся к ужину через двадцать минут.

— Твоя мама лучшая, Мел. Уверена, что если бы не она, то я жила бы в побитой машине тёти Мэгги.

— Да, я хочу быть похожей на неё, когда вырасту. Может, только не настолько седой.

Дразнящий голос Мел заставляет меня рассмеяться, и этот смех завершает мой небольшой срыв. Мы заканчиваем упаковывать последние вещи и убираемся перед ужином. Грусть всё ещё внутри, но единственный раз в жизни я чувствую себя хорошо — действительно хорошо.

Глава 2

После ужина мы с Мелани готовимся к небольшой прощальной вечеринке. Она посвящена не только нам — мы спускаемся к озеру с друзьями для прощального "ура", прежде чем начнём разъезжаться на следующей неделе. Все пойдут своей дорогой, и, хоть мы и поклялись оставаться на связи, часть меня знает, что этого не случится. Можете говорить, что я цинична, но я-то знаю, что не могу положиться ни на кого, кроме Мелани и мамы Крейн. Это действительно так.

Джей тоже будет там. Мы были вместе последние шесть месяцев, и, в то время как он справлялся с отношениями достаточно хорошо, не думаю, что я когда-либо была в него влюблена. Вообще-то, я точно знаю, что не влюблена, и самое грустное — то, что меня это не беспокоит. Я знаю, что это глупо и «избито», но мне кажется, что если я его не люблю, то он не сможет мне навредить. Если не подпускать его к себе, то в душе не останется пустоты, когда Джей уйдет. Замкнутость — это палка с двумя концами. Она охраняет тебя, но высокой ценой. Я не думаю, что смогу когда-либо кому-нибудь довериться, и всё-таки, с другой стороны, всё, о чём я мечтаю — это найти человека, с которым можно будет разделить свою жизнь. Я согласна, что я, возможно, слишком молода, чтобы чувствовать такое, но чёрт, потеря обоих родителей в десять лет уж точно заставит повзрослеть любого.

Джей — типичный американский "пай-мальчик" с голливудской внешностью: светлые волосы и глубокие, тёмно-карие глаза. В нём примерно шесть футов мышц, но это не выглядит в стиле я-провожу-в-качалке-десять-часов-в-день. Он статный и просто чертовски прекрасен. Да, прекрасный — это именно то слово, которым можно его описать.

И он хочет от отношений большего, чем я — по крайней мере, он так считает. Если бы всё было так, как хочет Джей, то мы бы "делали это как кролики" — его слова, не мои, и мы бы останавливались только для того, чтобы есть и спать. Но я ещё не готова — и не уверена, что когда-либо буду. Я имею в виду, мы многое попробовали, но не всё, ну, вы понимаете... Он милый и добрый, и чертовски смешной, но я просто не могу заставить себя полюбить его. А если я не люблю, то и не могу полностью ему отдаться. Не то чтобы я была очень консервативной или старомодной — я уж точно не против секса перед свадьбой. Не поэтому я не хочу с ним спать. Я просто не люблю его, а мне кажется, что если ты собираешься отдать кому-то своё тело, то ты должен делать это по любви. Если это делает меня консервативной, то... пожалуйста.

После того, как Мелани доделывает свою причёску, она заходит в спальню и издает длинный громкий вой.

— Чёрт, детка! Ты выглядишь потрясно!

От её слов горячий румянец появляется на моих щеках.

— Прекрати смущаться, Мэдди. Когда-нибудь ты, наконец, поймёшь, насколько ты красива. Не хочу показаться приземлённой, но как бы ты заполучила кого-то типа Джея, если бы не была красоткой?

— Думаю да, Мел. Только вот я этого не вижу. Хотя, покажи мне хоть одну девочку-подростка, которая замечает собственную красоту. Возможно, однажды я пойму.

Даже я замечаю, что мои слова звучат неубедительно. Я знаю, что не уродина, но и красавицей себя не чувствую. У меня никогда не было матери, которая могла бы научить меня накладывать макияж или одеваться так, чтобы подчеркнуть свои достоинства. Так что,

я должна была разбираться во всем сама. До сих пор разбираюсь.

Как только Мелани выходит из комнаты, чтобы сообщить маме Крейн наши планы на вечер, я мельком смотрюсь в зеркало, чтобы увидеть то, что видит Мелани.

Ноги? Проверила. Всё-таки, мой рост — метр семьдесят. Они достаточно стройные, но не худые. Я бегаю по утрам, так что они слегка накачаны — женственно накачаны. По крайней мере, я надеюсь, что они выглядят женственно; качок — это не то слово, которое мне хотелось бы слышать. Я надеюсь, что в меру короткие плиссированные узкие шорты морского, светло-голубого цвета мило открывают мои ноги. А белые, пробковые туфли с бантиком на каждой лодыжке — милый завершающий штрих. Простая серая туника очерчивает все изгибы и завершает мой образ. Может быть, Мел всё же права.

Мои золотистые волосы слегка выцвели на солнце и мягкими каскадами спадают до середины спины. Обычно, я их закалываю, но Мелани настояла на том, чтобы я оставила их распущенными и волнистыми. Я позволяю ей делать из меня барби, и, честно говоря, не могу сказать, что мне это совершенно не нравится. Но настоящий фурор — это мои глаза. Они ярко-зелёного цвета. Они даже не выглядят настоящими, и когда я подхожу ближе к зеркалу, то вижу небольшие золотые блики по краю радужки, которые могут быть сымитированы линзами. Я всегда любила свои глаза, потому что они достались мне от матери. Я видела несколько её фотографий из детства. И, даже если бы мои глаза были самого блеклого, мрачного и некрасивого коричневого цвета, я всё равно любила бы их, пока они были бы глазами моей матери. Это единственная вещь, которая досталась мне от неё в наследство.

Я оставила попытки уложить свои волосы и позволила Мелани закончить приготовления за меня, но настояла на простом макияже — мягкие розовые румяна, прозрачный блеск для губ и лёгкое прикосновение золотистых теней на веках. Немного туши, и образ завершён.

Признаю, теория Мелани определённно имеет основание. Я действительно горячо выгляжу. Может быть, это была заслуга комплиментов Мелани и мамы Крейн, но я чувствую себя прекрасно. Знаю, не всё в моей жизни идеально — Господи, я знаю это лучше остальных — но я чувствую, что скоро всё изменится.

Мы паркуем старую и избитую Хонду тёти Мэгги и направляемся к озеру. Ребята уже разожгли прощальный костёр, и языки пламени взвиваются в ночное небо. Все собрались вокруг костра — никто ещё не пил. Я никогда особо не любила пить. Не поймите меня неправильно, я думала об этом — онемение и боль, и всё такое, но я не вижу в этом смысла. Алкогольная нирвана, в конце концов, исчезнет, а боль, к сожалению, останется навсегда.

В чьей-то машине громко играет рок. По мере того, как мы приближаемся к друзьям, я с трудом узнаю слова песни Fun "WeAreYoung". Девочки: Кэти, Джулия и Линдсей уже танцуют. Мел присоединяется к ним, а я подхожу к Джей.

— Эй, милая! Оу, ты выглядишь... ммм... оу... да, ты определенно хорошо выглядишь сегодня.

Джей умудряется выдать из себя эту фразу, прежде чем нежно поцеловать меня в щеку. Он знает, что я...

— Спасибо, Джей. Ты очень милый.

Парень выглядит немного задумчивым, как будто его мысли витают где-то далеко, но я не знаю с чем это связано.

— Не хочешь пройтись? У воды немного тише.

Да, определённо задумчив. Его обычная холодная уверенность совершенно его покинула.

Парень хватает меня за руку и тащит к воде.

— Что такое, Джей? Ты выглядишь слегка не в себе сегодня. Что-то не так?

— Если не считать того, что завтра моя девушка уезжает, при этом не дав мне окончательного ответа по поводу наших отношений, то да, я немного не в себе.

На место холодной уверенности пришла боль и злость.

— Джей, мы уже обсуждали это. Не думаю, что отношения на расстоянии сработают. Почему мы не можем просто остаться друзьями и посмотреть, к чему это приведёт? Мы были вместе всего пару месяцев. Пока ведь даже ничего серьёзного нет.

Вконец раздражённый, раненый и совершенно вне себя, он говорит:

— Не серьёзно?! Боже, Мэдди, неужели ты так к нам относишься? Уже достаточно долго я пытался сказать о своих чувствах к тебе, но каждый раз, когда поднимаю этот вопрос, ты меняешь тему и отталкиваешь меня. Хорошо, да, мы вместе всего несколько месяцев, но для меня это очень важно.

Его голос снова меняется, и я вижу, что он пытается подавить свою злость. Джей пытается быть милым и романтичным. Я просто не могу отказать ему, когда он такой. Может я и не влюблена в него, но он всё равно занимает место в моём сердце.

Джей сжимает мою руку в своей, опускается на песок и тянет меня за собой. Мы сидим, глядя на дрожащую воду целую вечность. Или, по крайней мере, мне так кажется. Ни один из нас не хочет нарушать тишину, но, по иронии, оба начинаем говорить одновременно.

— Ты первый.

— Нет, Мэдди, ты первая. Прошу тебя, поговори со мной.

Его милые слова переполняют меня. Я знаю, что собираюсь разбить ему сердце, но теперь не могу этого сделать.

— Мне жаль, Джей. Правда. Я не хотела отталкивать тебя или менять тему. Мы должны поговорить об этом. Думаю, я просто боюсь. Мне страшно думать о том, чтобы бросить всё здесь и начинать всё заново где-то ещё через несколько дней.

— Но Мэдди, вот почему я здесь. Я... ох, черт, нет простого способа для того, что я собираюсь сказать. Я боюсь испугать тебя, но хочу, чтоб ты знала, что я люблю тебя. Я знаю тебя уже достаточно долгое время, но также знаю, что ты не хотела торопиться, и я старался не принуждать тебя, правда. Но ты такая милая, смешная и, чёрт подери, самая красивая девушка, которую я когда-либо видел.

Моя грудь сжимается, и я просто не могу втиснуть ни грамма кислорода в лёгкие. Джей замечает шок в моих глазах. Он берёт моё лицо в руки и нежно поглаживает мои щёки большими пальцами.

— Мэдди, я люблю тебя. Я хочу быть с тобой. Сегодня, и когда ты уедешь. Я не хочу расставаться с тобой.

Мольба в его голосе невыносима, потому что всего секунду назад я собиралась направить этот разговор в совсем другое русло.

Джей воспринимает моё молчание как поощрение к дальнейшим действиям. Он наклоняет своё лицо ко мне, а я слишком шокирована его признанием, чтобы двинуться хотя бы на дюйм. Его губы мило и невинно накрывают мои. Его язык танцует по кромке моих губ, моля о более глубоком поцелуе. Я позволяю ему двигаться дальше, но не потому, что хочу

этого, а потому, что понимаю — это наш последний поцелуй.

Он передвигает свою руку мне на затылок и прижимает меня к себе. Его язык уже у меня во рту, где он встречается с моим. Это настойчивый, возможно, самый страстный наш поцелуй. Но мы растворяемся в нём по совершенно разным причинам, и этого достаточно, чтобы я отпрянула. Когда я это делаю, Джей заглядывает в мои глаза. Его собственные глаза в это время прикрыты и наполнены желанием. Я ужасно себя чувствую, но всё же я должна это сказать.

Я кладу свою руку ему на грудь, не для ласки, но для того, чтобы увеличить дистанцию между нами.

— Джей, я не могу быть с тобой. Я не люблю тебя. Если честно, я даже не могу сказать, что хочу влюбиться. Ты добрый и милый, замечательный парень, но я просто не могу. Мне жаль, Джей, но мы больше не можем быть вместе.

Мои слова парализуют его. Он бубнит себе под нос что-то, отдалённо напоминающее "чёрт", но его челюсти сжаты настолько сильно, что трудно разобрать так ли это. Милый и романтичный уступает место РЕАЛЬНО ВЗБЕШЁННОМУ.

Ударив кулаками песок, Джей заставляет меня слегка подпрыгнуть. Злость, скрытая за его словами, пугает меня еще больше.

— Что за фигня, Мадлен! Почему, чёрт подери, нет? В чём твоя проблема? Я должен был это предвидеть. Ты никогда не хотела со мной поговорить. Ты никогда не открывалась. Чёрт, да мы едва видимся теперь. Я здесь, открываю тебе своё сердце, говорю тебе, что хочу тебя, что хочу нас, а ты просто ведёшь себя как стерва. Знаешь что? Хорошо, пусть так. Всё кончено. Проваливай в свой маленький мир и оставь меня в покое.

Он подрывается и начинает уходить вдоль берега.

Когда я его догоняю, Джей стоит, уставившись в пустоту, думая Бог знает о чём. Я стараюсь схватить его руку, чтобы утешить, как могу, но он одёргивает руку как только чувствует моё прикосновение.

Парень делает шаг назад, и разъярённый взгляд его глаз сбивает меня с толку.

— Знаешь что, Мэдди? Я беру свои слова обратно. Я не люблю тебя. Я никогда не смог бы полюбить кого-то столь же замкнутого и бессердечного как ты.

Он не повысил голос. Было бы проще, если бы он кричал. Но его слова едва ли громче шепота — ядовитого, болезненного шёпота. Я заметно съеживаюсь, и слёзы, которые я так долго сдерживала, явно грозят появиться на моем лице.

За слезами быстро следуют всхлипы — сжимающие грудь и выворачивающие меня наизнанку. Я оседаю на песок и закрываю лицо руками. Я плачу, потому что сделала больно Джею, но в большей степени потому, что больно мне. Именно когда я начинаю думать, что смогу немного, хотя бы немного любить свою жизнь, всё это обрушилось на меня. Я знаю, что не люблю Джея, но это заставляет меня думать, что я никогда не смогу никого полюбить. Если я не могу полюбить кого-то вроде него, то меня уже не исправить.

Джей стоит передо мной мертвенно-спокойный. Проходит несколько секунд, прежде чем он находит нужные слова, но когда я смотрю на него, то вижу, что он старается справиться со слезами. Он садится рядом со мной и поворачивает моё лицо к себе.

— Ты разбила мне сердце, Мэдди. Я надеюсь, что однажды я смогу идти дальше, но я люблю тебя, и только из любви я говорю тебе, что ты заслуживаешь, чтобы тебя любили. Ты не сломана и не пустая, как ты о себе думаешь.

Он кладет палец поперек моих губ, перебивая то, что я хотела сказать и, пытаюсь

завершить свою Мэдди-достойна-любви речь.

— Да, это так. Дай мне закончить. Я знаю, что потеря родителей была тяжёлым испытанием и что ты до сих пор страдаешь, но твоя жизнь не станет лучше, пока ты не позволишь ей стать лучше. Ты должна отпустить их и жить своей жизнью. Я знаю, что ты заслуживаешь любви. И чёрт подери, я так надеялся, что буду достоин этой чести, но, видимо, нет. Просто надеюсь, что однажды ты поймёшь, что заслуживаешь лучшего, что когда-нибудь ты вступишь любовь.

Он встаёт и поднимает меня за собой. Мои всхлипы прекращаются, и я вытираю слезы. Я хочу сказать что-то, но не нахожу нужных слов — да и какие слова будут нужными в этой ситуации?

— Джей, мне жаль. Правда, очень жаль.

Да, это все, что я могу сказать. Он милый и искренний, а я дерьмовая и слабая.

— Шшш, все хорошо. Я большой мальчик — справлюсь. Давай вернёмся и насладимся остатком ночи.

— Хорошо. Это звучит неплохо.

Дерьмовая и слабая — да, это я.

Остаток ночи проходит размыто. В большей степени потому, что остальные слегка выпили. Мел и я смогли быстро улизнуть, так что я рассказываю ей всё, что произошло между мной и Джейм. Она не удивлена. Она знает мои причины. Мел знает их лучше остальных. Она говорит, что понимает меня, но при этом согласна с Джейм — по поводу всего того дерьма, что я достойна любви и должна перестать прятаться от людей.

Теория Мел накануне была доказана. Так что, может, мне стоит и тут прислушаться к её мнению?

Глава 3

Я хотела второго шанса, и я его получила. Хорошо, понятно, родителей мне не вернуть, но новое начало уже на горизонте. После нашего расставания с Джейм и еще более душевного разговора с Мелани, в тот вечер я дала себе несколько обещаний. Они очень простые, но, надеюсь, помогут мне навести хоть какое-то подобие порядка в моей жизни.

Выбирай счастье.

Цени красоту.

Впусти любовь.

Как я и сказала, простые — освежающе простые.

Мы с Мелани въехали в нашу комнату в общежитии еще вчера, и, хоть было сложно попрощаться с мамой Крейн, нельзя не признать, что новая самостоятельная жизнь была очень притягательной и волнующей. Наши соседи по комнате тоже приехали только вчера. Они невероятные. Более чем невероятные, если честно. Лиа и Камрин — кузины. Они тоже только поступили, так что нам не попались какие-то сорвиголовы, к тому же, мы получили встроенных гидов в комплекте. Наша комната — просто супер. Я бы даже не назвала это комнатой, скорее квартирой. Мы с Мелани делим одну комнату, а Лиа с Камми — другую. Комнаты достаточно просторные, тут свободно вмещаются кровать, стол и шкаф, плюс ванная комната для каждого из нас. Мы делим только гостиную, которая вначале была

слишком тусклой, но после того, как каждая из нас добавила свои детали, стала очень уютной и домашней. Также тут есть приличная кухня — громадная плита и холодильник. Раковина покоится на небольшой голубой столешнице, формирующей L-образный обеденный стол напротив рабочих поверхностей. Она не такая уж высокотехнологичная, но весьма функциональная, и впервые за долгое время моя — действительно моя. Это первый раз в моей жизни, когда я решила жить где-то — когда я чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы поставить на чём-то свой личный штамп.

Лиа, Камми, Мел и я направляемся в местную пиццерию на ланч, и я просто поражена количеством изменившихся за эти дни вещей. Я чувствую себя легче, свободней. Я чувствую себя хорошо, действительно хорошо, и просто не могу перестать улыбаться.

— Какие планы на вечер? — Камми прерывает ход моих мыслей. — Сегодня будет вечеринка у Джека. Он сказал, что вы приглашены. И он будет рад с вами познакомиться.

Джек и Камми встречались со школы, и, в отличие от меня с Джем, они оба любили друг друга достаточно сильно, чтобы не побояться трудностей. Они встречались в течение трёх с половиной лет, даже когда Джек уехал сюда для своего первого года в университете, а Камми осталась, чтобы закончить последний год в школе. Из того, что я узнала от Камми, они прошли уже довольно долгий путь.

— О Боже! Вы обязательно должны пойти. Вечеринки Джека всегда потрясные. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, вы же не хотите провести весь вечер одни, не так ли?

В этом вся Лиа. Она немного болтлива, мягко говоря. Я хотела бы иметь хотя бы половину её энергии и позитива, и, учитывая мои недавние обещания, близкое общение с Лиа — моё ближайшее будущее.

Мы с Мел обмениваемся взглядами над нашей пиццей и одновременно говорим: «Чёрт, да!». Все вместе мы проводим остаток ланча, разговаривая о том, как выросли, откуда мы, как нам колледж и всё такое — ну, как сказать, они разговаривают, а я просто киваю и улыбаюсь.

— Почему ты молчишь, Мэдди?

Камми вступает в разговор, и я моментально замираю.

Не то чтобы я стесняюсь или стыжусь того, что мои родители мертвы, но я хотела бы быть выше этого, а вопросы опускают меня на землю. Я делаю глубокий вдох и выбираю счастье — следую своим новообретённым правилам.

— Ничего такого, на самом деле. Просто нечего рассказывать. Мои родители умерли, когда я была маленькой. Тётя меня удочерила. Она умерла прошлой весной. Потом Мел и её мама заботились обо мне. Я жила у них эти несколько месяцев, и вот я здесь.

Ух ты, так вот как моя жизнь выглядит на словах.

Ошарашенные, ни Лиа, ни Камми не могут сформулировать какой-либо ответ, кроме невнятного «оох».

Не проходит и секунды, как Лиа вновь обретает дар речи.

— Ты не одна. У тебя есть мы, а у нас — ты. Я не знаю, каково это — потерять родителей, и я никогда не стану притворяться, что это не так, но если тебе надо с кем-то поговорить, то знай, я рядом.

Она ободряюще улыбается мне.

— Теперь давайте покончим с пиццей и пойдем готовиться к вечеру.

Камми и Мел поднимают свои содовые в дразнящем «выпьём» в поддержку речи Лиа.

— Я присоединяюсь, Мэдди, — говорит Камми. — Я рядом. Давай сосредоточимся на

хорошем и произведём фурор сегодня. Было бы хорошо отдохнуть перед началом учёбы в понедельник, и я знаю, что Джеку не терпится с вами познакомиться. Его соседи тоже вас ждут. К вашему сведению, они довольно хорошенькие — соседи, я имею в виду. Теперь, не поймите меня неправильно, я люблю Джека больше всего на свете, но, Боже мой, у него просто потрясные друзья.

Новость Камми вызывает волну смеха. Теперь я определённо жду сегодняшнего вечера.

Дом Джека практически вибрирует от музыки, кричащей из колонок. Здесь настолько громко, что я даже не могу разобрать, что за песня играет. Камми открывает парадную дверь и тащит нас за собой. Она протискивается сквозь толпу и бежит вверх по лестнице. Затем останавливается у одной из трёх дверей и лезет в сумочку за ключом.

— Это комната Джека. Наши вещи будут тут в сохранности. Ключ есть только у меня и у него.

Камми засовывает ключ в задний карман, и мы все кладем свои вещи в шкаф. Пока мы спускаемся по лестнице, Камми информирует нас о соседях Джека.

Он живет с двумя парнями — Логаном О'Рурком и Ридом Конелли. Они все на старших курсах и были соседями с самого первого года учебы. Джек готовится стать реабилитологом и надеется начать практику после выпуска. Логан — звезда футбола. Камми шутит, что он родился с мячом в руке. Рид, вероятно, всё ещё в поисках. Он так часто менял свою специальность, что она не может вспомнить, на чем он всё-таки остановился. Камми ничего не знает о его жизни до университета — никто не знает. Может, ребятам что-то и известно, но каждый раз, когда она спрашивает об этом у Джека, он отвечает, что парни не говорят о такой ерунде. Единственное, что она знает, это то, что Рид красавчик. В смысле просто чертовски, мать его, горяч — её слова, не мои. После этого вводного экскурса в жизнь ребят, мы присоединяемся к вечеринке.

Кажется, что толпа увеличилась раз в десять за то время, пока мы были наверху. Камми ведёт нас на кухню, берет несколько пластиковых красных стаканчиков из Соло для бочонка с пивом на заднем дворике. Весь дом словно кричит: «Тут живут холостяки!». Я бы даже сказала, дом был смесью логова холостяков и убежища университетских любимчиков. И это работало. Было не так грязно, чтобы бояться подхватить проказу от дивана, но и чистота тут рядом не стояла.

Когда мы выходим во дворик, лицо Камми смягчается, а в глазах загорается огонёк. Её глаза встречаются с тем, кто, как я понимаю, является Джеком и в данный момент стоит на разливе у бочки.

— Эй, дамы, — его голос излучает мягкость, — спасибо, что пришли. Вы оставили вещи в моей комнате? Эти вечеринки могут немного выходить за рамки.

— Да, всё в порядке, Джек. Налей мне стаканчик?

Лиа протягивает ему свой стакан.

— Джек, это Мелани и Мадлен.

Камми знакомит нас с Джеком, пока мы ждем, когда нам нальют. Я немного пробую выпивку из стакана, и тут Джек замечает выражение моего лица.

— Спасибо, Джек, но я не очень люблю выпивать.

— Без проблем, Мадлен. В холодильнике есть вода. Чувствуй себя как дома.

— Спасибо. Непьющий студент — по-моему, моё место в «Невероятно, но факт», нет? О, и, кстати, можешь звать меня Мэдди. Я схожу за водой, скоро вернусь.

Я слышу «хорошо» в ответ, направляясь на кухню.

Там одна из компаний играет в четвертаки, а другая выстраивает в ряд рюмки на стойке для завтрака — не моя стихия. Я пожимаю плечами, открываю дверцу холодильника, достаю воду и, развернувшись, натыкаюсь на сплошную гору мышц.

— Достанешь и мне? — его голос нежный и жёсткий одновременно.

С пылающим лицом я поворачиваюсь обратно за ещё одной бутылкой, радуясь холодному воздуху из холодильника.

— Держи.

Я не могу оторвать глаз от его рта, глядя на то, как он подносит бутылку к губам. Они прекрасны — красивые и по-мужски чувственные. Я зачарованно смотрю на то, как двигается его горло, проглотив всю воду в три-четыре больших глотка. Парень вытирает рот рукой, и мои глаза невольно следуют дальше по руке к бицепсам и плечам, таким же безупречным, как и губы. Поразительно, невероятно, целиком и полностью безупречным. Накачанные и загорелые, его руки просто загляденье.

Мои колени подкашиваются, а сердце бьется неровно. Тысячи бабочек расправляют свои крылья у меня в животе.

Я никогда ни с кем такого не чувствовала. Даже с Джемом. Я совершенно сбита с толку.

— Спасибо... — незнакомец смотрит на меня где-то с минуту, без всякого выражения, и я не могу не думать о том, нравится ли ему то, что он видит. Парень прочищает горло и отвлекает меня от моих мечтаний, где красивый молодой человек был поражен немногobольше-чем-обычной девушкой. В этот момент я понимаю, что он спрашивает, как меня зовут.

— Мэдди. Прости, меня зовут Мэдди.

Я практически давлюсь собственным языком, пытаюсь это выговорить.

Тупица.

Когда ко мне возвращается дар речи и нормальная артикуляция, я продолжаю:

— Моя соседка по комнате, Камми, встречается с одним из живущих здесь парней.

Во рту пересыхает от титанического усилия, которое потребовалось, чтобы выдать это предложение.

Парень просто кивает и протискивается, чтобы взять ещё воды. Он весь покрыт потом и, дотронувшись до моей руки, оставляет на ней мокрое пятно. Это не вызывает отвращения — вообще-то, я внезапно чувствую, что не против вспотеть по немного другой причине. Он явно только что закончил тренировку. На нём чёрные шорты и лёгкая серая футболка, и, даже весь мокрый от пота, он пахнет просто великолепно. Это тот самый идеальный баланс запаха пота и одеколора, который сводит с ума каждую женщину.

Его тишина убивает меня, и пока он допивает вторую бутылку воды, я трясую своей бутылкой перед собой и говорю:

— Я не очень люблю алкоголь, так что, не против, если я украду у тебя ещё одну?

— Пожалуйста. Это просто вода. Я пойду в душ. Может, увидимся позже, Мэдди.

И с этими словами он уходит. Не поймите меня неправильно, меня не волнует его уход — его спина тоже достаточно аппетитная — но, я была бы не против поговорить или... мм... рассмотреть его более тщательно. Было бы неплохо узнать, как его зовут, судя по тому, что парень пошел в душ, он тут живёт. Итак, он либо Логан, либо Рид.

Я выхожу во двор как раз вовремя, чтобы услышать смеющихся над шуткой Джека девочек. Мелани немедленно замечает румянец у меня на щеках.

— Всё в порядке, Мэдди? Ты выглядишь немного раскрасневшейся.

— Всё хорошо. Просто тут жарко и много людей.

Да, много горячих, прекрасных парней под метр восемьдесят.

Это я оставляю при себе, конечно.

— Давайте, девочки, пошли, потанцуем! — Лия, как всегда бодро, включает режим «вечеринки». Девушка тянет нас назад в гостиную, ставит танцевальную музыку и начинает двигаться. Довольно тяжело не последовать её примеру. Она такая весёлая.

Поэтому мы тоже начинаем двигаться. Вечеринка в полном разгаре: Камми, Лия, Мел и я отрываемся в нашей маленькой танцевальной группе, и меня не волнует, что я не пьяна, как все остальные люди здесь. Я пообещала себе, что буду счастливой, и сейчас я привожу это обещание в действие. Я танцую и танцую, и танцую. Мои руки двигаются над моей головой в плавном и томном движении, а бёдра покачиваются им в такт. Когда я поворачиваюсь, то мой взгляд падает на ступеньки, и я вижу как таинственный парень, которого видела ранее, спускается вниз.

Я начинаю шептать Камми на ухо, стараясь говорить как можно тише, чтобы никто нас не услышал, хотя я уверена, что с такой громкой музыкой мне можно было и не бояться.

— Кто это, Камми? Я говорила с ним раньше, но не спросила, как его зовут. Я поняла, что это или Логан, или Рид, так как он собирался принять душ.

Камми понятливо улыбается и отвечает на мой вопрос:

— Это, моя милая, Рид. Я же говорила, что его соседи очень притягательны! Он очаровательный, правда? Логана здесь сегодня не будет. У него обязательный урок, а потом съёмки для футбола.

Очаровательный? Слабо сказано. Я думала, что Джэй хорошо выглядит, но Рид заставит его посторониться. Рид высокий, темноволосый и, мать его, невероятно красивый. Но даже моё описание не может дать вам точное понятие о нём.

Если брать во внимание то, как парень был одет ранее, становится понятно, что он занимался, но становится ещё понятнее, когда видишь его в чёрной футболке и светлых джинсах, прямо как сейчас. Его специально неряшливо уложенные каштановые волосы до сих пор чуть-чуть влажные, и я даже вижу несколько капель на его шее. Счастливые капельки воды. Я хочу их слизать.

Он замечает, что я смотрю на него, и достаивает меня быстрым взглядом узнавания с кратким кивком, таким спокойным и холодным. У себя в голове я тут же начинаю прыгать и махать руками, чтобы он подошёл. Мне приходится остудить себя и просто продолжать танцевать, мой внутренний голос говорит мне, что это неправильно, быть «той прилипчивой девчонкой» на своей первой вечеринке.

Спустя час, ну или около того, и кто знает, сколько танцев спустя, мои ноги уже готовы убить меня. Я хочу уйти, но чувствую руки на моей талии сзади. Я не могу точно увидеть кто это, но по запаху могу сказать вам точно — он не был таким потным, как раньше, но это такое же сочетание запахов одеколона, мужчины и геля для душа, что заставляет меня сильно сжать бедра.

— Я думаю, ты задолжала мне танец, — его тёплое дыхание на моей шее превращает мои ноги в желе и заставляет сердце биться сильнее.

— Задолжала тебе? За что? — увы, но даже я замечаю с каким придыханием это говорю.

Он поворачивает меня, чтобы мы смотрели друг на друга.

— За воду, конечно.

— Ой, извини, я не знала... — мой голос стих, а его губы изгибаются в маленькой улыбке.

В замечательной маленькой улыбке. Хотите, назовите меня чокнутой, но я улавливаю флирт в его глазах. Рид флиртует со мной. Ну ладно, я просто запуталась.

— Все в порядке, Мэдди. Я просто шучу. Давай потанцуем чуть-чуть, — его голос слегка расслабляет меня, но моё сердце отказывается спокойно биться, продолжая вырываться из груди.

Этот идиот смеется надо мной. *Ты хочешь, чтобы я тебе показала? Тогда получай!* Я прикрываю свои глаза и смотрю на него сексуальным, знойным взглядом, мои руки обхватывают его шею, а губы приближаются к его уху. Между нами нет даже сантиметра пространства, и я мурлычу:

— Я могу отплатить тебе больше, чем танцем, Рид.

Я кладу руки на его грудь и слегка отталкиваю парня назад. Его зрачки расширяются, а дыхание сбивается. Один ноль в пользу Мэдди.

— Ну как, понравилось?

Я уверена, что моё лицо передает моё замешательство, а брови нахмурены. Нравится? А?

— Моё имя — ты, должно быть, узнала, как меня зовут? — он изумлён, но продолжает играть.

— Конечно, узнала. Мне надо было знать, кто ответственный за то, что меня кинуло в жар и сделало меня потной.

Я осознаю свою ошибку, как только эти слова слетают с моего языка.

— Я заставил тебя беспокоиться и гореть? Давай посмотрим, смогу ли я сделать это снова.

Сказав это, он хватается мои руки и тянет вглубь танцпола.

Ритм песни замедляется, техно больше не играет. Сейчас слышится плавная и ритмичная музыка — так я представляю себе секс, если бы он был мелодией. Не то, чтобы я не знала ничего об этом.

Рид обнимает меня за талию и прижимает ближе. Сначала я не знаю, куда деть свои руки, боясь, что они воспламятся, как только я прикоснусь к нему, поэтому я просто поднимаю их вверх.

Глупо было так делать. Рид поднимает свои руки и начинает гладить мои, вызывая в моём теле мурашки. Мои соски болезненно твердеют. Я пытаюсь сжать свои бедра, чтобы унять судороги.

Когда его руки сжимают мои, молодой человек переплетает наши пальцы и кладет мои руки себе на спину.

Я могу чувствовать, как под моими руками перекачиваются его мышцы. Я хочу снять эту футболку и гладить его кожу, но это же неправильно, снимать с него футболку на глазах у всех? Черт, всё, что я хочу сделать — неправильно.

Он, должно быть, прочитал мое желание в глазах, и на его лице появляется легкая улыбка. Его сердцебиение в мускулистой груди посылает импульсы моему телу. Наши тела двигаются, как одно целое — покачиваясь в такт музыке. Он всё время плавно двигает руками по моей спине, возвращаясь к оголенному кусочку, между топом и джинсовой юбкой. Я уверена, что парень наклоняется ближе, чтобы понюхать мои волосы. Ну, мне

хотелось так думать, пока я терялась в ощущении его тела. Рид поднимает моё лицо, и мы смотрим друг другу в глаза. Как только наши глаза встречаются, единственное, что у меня в голове — «вау», просто «вау». Самое бескрайнее синее море, которое когда-либо видели мои зелёные глаза. Парень красив, это точно. Но что-то делает эти глаза похожими на мои. Я раздумываю над этим около минуты, я даже замечаю, что пару раз он ловит мой внимательный взгляд.

Рид кружит меня еще пару раз, как балерину, и наклоняет, когда песня заканчивается. Когда он начинает поправлять мою одежду на талии, я всё понимаю. Это чертовски больно. Я не предполагала, что всё так закончится.

Становится понятно, что я увидела что-то, что он не хотел показывать, Рид резко уходит, поблагодарив за танец. В его голосе появляются какие-то непонятные мне нотки. Он вообще как-то резко поменялся. Мне внезапно становится холодно и пусто, когда он ушел. И, черт, я не могу сдержать свою ревность, когда он направляется к какой-то длинноногой блондинке.

К концу вечера Рид и его длинноногая блондинка страстно целуются на диване. Я больше не говорю ни слова в его сторону, трудно не догадаться, что со мной он закончил.

Да, я выбрала счастье, но это ведь не значит, что оно выбрало меня в ответ.

Глава 4

Я пытаюсь не думать про Рида. Но кого я обманываю? Он был даже в моих снах. Я до сих пор ощущаю его руки. До сих пор вижу боль в его глазах, и, честно признаться, чувствую свою похоть и любопытство. Мне хочется узнать его лучше, я ведь увидела что-то во время нашего танца. Ну ладно, я много чего почувствовала тогда. Я расслабилась, и между нами точно образовалась связь, которую он не хочет признавать, но она точно была. Я честно пыталась не думать о нём почти все выходные, но всё получилось совсем по-другому.

Когда будильник звенит в шесть утра, я уже не сплю. Я всегда бегаю по утрам, и сегодня, перед первым учебным днём, пробежка кажется как нельзя кстати, чтобы прочистить свои мозги. У меня нет уроков до 10:30, а так как я не знаю, где находится ближайший фитнес-зал, я надеюсь на хорошие беговые дорожки в студенческом зале.

В помещении очень тихо. Так как пару парней занимаются на силовых тренажёрах, в моем распоряжении находится каждая беговая дорожка. Они стоят впритык к односторонним зеркалам — отсюда я могу видеть всех, но снаружи меня не видно. Сквозь окно вдалеке видно прекрасное озеро. Солнце до сих пор висит низко, красиво отражаясь в воде. Я должна непременно отыскать дорогу туда.

Я делаю растяжку, надеваю наушники, увеличив звук, устанавливаю темп и начинаю бегать. Как только начинает играть Florence and The Machine «The Dog Days Are Over», я впервые в жизни чувствую, что бегу не от, а к чему-то.

45 минут и 8 километров спустя я спускаюсь с беговой дорожки, вытирая пот с лица. Я чувствую себя хорошо, чертовски хорошо. Я откидываю всю неразбериху, которая случилась за эти выходные. Я понимаю, что всё равно пересекусь с Ридом снова, но решаю, что буду делать вид, что между нами ничего не произошло. Я обещаю себе быть счастливой, а то, что Рид оставил меня на танцполе одну ради какой-то девушки, ни черта не делает меня

счастливой.

Когда я иду в душ, украдкой смотрю в комнату с силовыми тренажёрами. И знаете что? Как только я решаю его забыть, он тут как тут. Рид смеется вместе со своими друзьями. Видно, что они весело проводят время, тренируясь. Что за странный чувак? В пятницу он был угрюмым, а сейчас он совершенно другой. Он улыбается и смеётся, а его замечательные синие глаза сияют, заставляя моё дыхание сбиться.

Когда он перехватывает мой взгляд, то просто застывает на секунду. Такое чувство, что он замер от удара. Я просто смотрю на него и всё, а в ответ получаю довольно злой взгляд. Что я, мать твою, сделала не так? Что, мать твою, я сделала не так, что он теперь такой злой? И почему я так много раз повторяю «мать твою»? Он просто выводит меня из себя. Мои ноги просто горят в кроссовках, и я иду в раздевалку.

Спустя 20 минут Рид подходит к выходу одновременно со мной. Я улыбаюсь ему, пытаюсь быть милой, пока его лицо напоминает камень — с лёгкой щетиной, очень красивый камень. У меня есть выбор: я могу быть раздражительной и злой, или я могу быть крутой и спокойной. Я подавляю свою злость — я помню свои обещания — и выбираю последнее.

— Привет. Ты Рид, так ведь? Думаю, что мы встречались на выходных у Джека.

Я пытаюсь быть невинной, надеюсь, что взгляды, которые он метал ранее, могут быть просто придуманы мною из-за смущения.

Он ухмыляется, чёрт, я в дерьме. Но подавив ухмылку, он говорит:

— Да, Рид. Эшли, правильно?

Теперь его очередь быть дерьмом.

Я закатываю глаза, пытаюсь подавить нотки сарказма, но мне не удается. Я соблазнительно приближаюсь к нему и отвечаю:

— Если ты оставил меня одну на танцполе ради мисс Длинноногая Блондинка, значит, ты точно должен помнить моё имя. Ты не можешь забыть моё имя, после того как выкрикивал его всю ночь.

Ладно, я девственница, но точно не ханжа, и, кажется, что Рид запомнил не только Мэдди ругающуюся, но и сексуальную Мэдди.

Он стоит у дверей разинув рот. Я прохожу мимо него и направляюсь в класс. Он подбегает ко мне, когда я уже пересекаю двор кампуса.

— Ты Мэдди. Даже если у меня не было возможности выкрикивать это имя ночью, я его запомнил. Почему ты меня преследуешь?

Этот вопрос ставит меня в тупик, не он ли преследовал меня до кампуса?

— Что ты имеешь в виду?

— В зал — ты же меня туда преследовала?

Он пытался задать вопрос непринуждённо, но всё же серьёзный тон ему убрать не удалось. Рид действительно думает, что я его преследовала. Но неужели он не понимает, что я ещё не совсем отчаявшийся новичок?

Я раздражённо вздыхаю и слегка приближаюсь к нему.

— Нет, Рид. Я точно не преследовала тебя. Я просто собиралась побегать этим утром перед парами. И я даже не подозревала, что ты будешь там, и не видела тебя, пока не закончила свою тренировку, а ты просто убил меня своим взглядом. Я бы даже не сказала тебе «привет», если бы не встретила у выхода. Доволен? Сейчас ты можешь валить куда хочешь, зная, что я была не намерена увидеть тебя сегодня.

Я направляюсь в библиотеку, чтобы чуть-чуть почитать перед парами, но он своими длинными ногами быстро преодолевает расстояние, которое увеличивалось между нами.

— Извини, Мэдди. Я не хотел вывести тебя из себя. Честно, не хотел. Я просто был удивлён увидеть тебя там. И точно был удивлён, что ты бегаешь. И кстати, я не удивлён, что ты настолько взрывная.

Его слова очень отличаются от того убийственного ледяного взгляда. Они милые и искренне извиняющиеся.

— О, Рид, ты даже не представляешь.

Я поворачиваюсь к нему. Почему-то его спокойная реакция заставляет меня вспыхнуть с новой силой.

— А сейчас, если ты простишь меня, мне надо позаниматься.

И с этими словами я шагаю в библиотеку и, найдя свободное место, открываю книгу. Но не могу сконцентрироваться, я просто смотрю на страницу, где все слова сливаются в одно чёрное пятно. Мой мозг пытается разгадать загадку под названием «Рид Конелли».

Следующие две недели проходят точно так же. Я рано встаю, направляюсь в зал, пробегаю восемь километров и иду на пары. И я совру, если скажу, что хожу в зал только ради бега. Рид тоже ходит в зал каждое утро. Я знаю, что он наблюдает за мной. Я пару раз ловила его взгляд, и ему было не трудно догадаться, что я тоже за ним наблюдаю. Мы просто застряли в этой ситуации, и никто из нас не собирается её решать.

Сегодня пятница и я заканчиваю пораньше. Я направляюсь в свою комнату, чтобы подремать. Камми тоже оказывается свободной, и когда я захожу в гостиную, она отрывает свои глаза от книги.

— Привет, Мэдди! Как прошёл день?

— Не сильно захватывающе. Эта психология доконает меня. Синапс и транзиттер, и бла-бла-бла (*прим. пер.: Синапс (соединение, связь) — место контакта между двумя или между нейроном и получающей сигнал клеткой. Служит для передачи между двумя. Транзиттер — передатчик, посредник*).

Я падаю рядом с ней на диван, размышляя, говорить ли ей о Риде. Она уже говорила, что не знает многого о нём, да, ну к черту. Оно того стоит, ведь так?

— Знаю, что я уже спрашивала у тебя про Рида, но ведь ты знаешь что-то ещё? Он каждый день в зале, когда я туда прихожу, и мы переглядываемся всё время. Мы говорили однажды, но не очень хорошо, видите ли, я преследовала его до зала, а потом Рид был весь такой извиняющийся и милый, что мне хотелось взорваться, хотя обычно я спокойна. Я не знаю как вести себя с ним и даже не представляю, что я сделала такого, что он теперь так относится ко мне.

По-моему, я всё сказала.

— Эм... — Камми замолкает, пытаясь собрать свои мысли в кучу, — я не уверена. Рид очень сдержанный, когда я у Джека. И я не слышала от него ничего, кроме «привет».

Это было точно не то, что я ожидала услышать. Рид был вполне расслабленным и дружелюбным в компании своих друзей в зале.

— Послушай, Мэдди, — она продолжает, — Ты, должно быть, не захочешь это услышать, но Рид не самый лучший вариант. Он игрок. И за эти три года тут его ни разу не видели с одной девушкой больше, чем на одну ночь — ну ладно, максимум выходные проводили вместе, если она действительно хороша. Парень спит почти со всем, что

двигается, и его это не смущает. И то, что ты сказала раньше, что Рид извинился и был приветлив, шокирует меня.

Её слова просто дают мне под дых. Да, для меня ясно, что Рид может получить любую девушку, которую захочет, но я просто не хочу думать, что он пользуется ими так часто.

Полностью запутавшись, что я должна чувствовать, я, хмыкнув, сползаю вниз по дивану. — Просто не знаю, что мне делать. Мы танцевали на вечеринке у Джека, и я клянусь, что у нас появилась какая-то связь, но Рид превратился из милого в холодного и отстранённого. Потом он подумал, что я его преследую. Он казался очень злым от того, что я была в том зале, но всё-таки я услышала нотки оптимизма из-за того, что преследовала его в надежде увидеться. Я вижу его там каждое утро с тех пор, но Рид не сказал мне и двух слов, ну, а я не собираюсь делать первый шаг.

Я замечаю, что Камми что-то задумала по её лёгкой и непринуждённой улыбке. — Ну, скоро будет ещё одна вечеринка. И почему бы тебе не пойти со мной, чтобы заставить его сделать первый шаг?

Я вижу, как зажегся озорной огонёк у неё в глазах, но я не была уверена, что это хороший план.

— Не знаю, Кам. Я не могу с ним играть.

Даже если бы я сказала ему эти слова, не уверена, что он будет играть со мной. И я не знаю почему. Может, потому, что я уверена, что не дала бы ему эту возможность. Я не дала Джею прорваться сквозь мои построенные стены, при том, что он мне очень нравился, у Рида тем более не будет шанса их пробить.

— Соглашайся, будет весело. Мы сделаем тебя такой горячей, что он поймёт, каким был ослом. Мы дадим ему поучаствовать в собственной игре, а потом пойдём домой. И даже если это не сработает, то ты просто повеселишься, потанцуешь и найдешь себе ещё одного красавчика.

Девушка смотрит на меня щенячьими глазками, и я понимаю, что у меня нет шанса отказать ей.

— Хорошо. Я пойду, но сама выберу, что одеть. И я НЕ собираюсь быть одной из его шлюх.

Дотронуться до него ведь не может быть ужасным в любом случае. И, в конце концов, я видела его в зале без футболки. Да, это, в самом деле, было хорошее утро.

Мои размышления о Риде, прерывает взбудораженный голос Камми:

— Эй! Будем только я и ты. У Лии пары, а Мел сегодня работает.

Я совершенно забыла про это. Мелани нашла работу в компьютерном центре. Так как она новенькая, то безнадежно застревает там по пятничным вечерам, когда происходит всё веселье, но она воспринимает это, будто бы ей платят за домашнюю работу, и поэтому не возмущается.

Впервые за всю нашу дружбу мы веселимся отдельно.

— Ну и ладно, значит, будем вдвоём! Будет весело! Мы же иногда можем побыть отдельно друг от друга.

Кажется, я уже начинаю играть согласно плану Камми.

Но то, что Рид будет там, не требовало возражений.

Нет, я иду туда не из-за Рида и его ярких синих глаз, и великолепного тела, и сексуальной улыбки. Нет, точно не из-за этого.

Когда мы приходим туда, вечеринка уже в полном разгаре. Музыка играет на всю и все танцуют. Я нигде не вижу Рида, но вы не подумайте, будто я его ищу.

Нет, я определённо не ищу его.

Я иду на кухню следом за Камми, чтобы взять выпить. Судя по всему, ей сейчас не до пива, она взяла какой-то девчачий розовый напиток. И он оказывается не таким уж гадким, поэтому, впервые за свою жизнь, я решаю выпить. Всего один или два коктейля не сделают меня пьяной в стельку, хотя в этой толпе «трезвенников» меня бы даже не заметили. Чёрт, сейчас только десять часов вечера, когда они успели *так* набраться?

Нам понадобилось всего 15 минут, чтобы найти Джека, который хохотал с Логаном.

— Привет, детка! — Джек влюблённо улыбается Камми, а её глаза в ответ сверкают. Они действительно очень мило смотрятся вместе.

— Привет, Мэдди! Не думаю, что ты успела в прошлый раз познакомиться с Логаном, — Джек представляет нас друг другу, Логан протягивает руку для пожатия, а потом внезапно переворачивает мою ладонь и мягко целует.

Я краснею, а он ухмыляется в ответ. Логан оказывается красив, как и все типичные американские звёзды футбола. Короткостриженный брюнет с коричневыми глазами, которые излучают тепло. Он не сильно мускулист, как Рид, но всё равно милый. Запоминающийся молодой человек, но он не Рид.

Я не сравниваю каждого парня с Ридом. Нет, я точно не делаю это.

— Очень приятно познакомиться с тобой, Мэдди. Хочешь ещё выпить?

Когда я смотрю на свой стакан, тот оказывается действительно пустым. Логан хватается за руку и тянет на кухню за второй порцией девчачьего пунша.

Наполняя стакан, он спрашивает:

— Тебе нравится здесь? Нравится учиться?

— Всё замечательно, мне нравится. Камми и Лиа очень хорошие. Учёба? Эх, ну нормально. Не всё настолько хорошо по психологии, но я в восторге от поэзии, — отвечаю я.

Я делаю большой глоток и чувствую, что алкоголь начинает медленно действовать. Мне точно надо притормозить. Мы с Логаном продолжаем разговаривать, и он действительно оказывается приятным парнем. Камми права: он дышит и живёт футболом. Оказывается, что он ещё и главный тренер атлетической команды. А ещё Логан рассказывает, что если бы он не мог провести свою жизнь, бегая по полю, то точно бы помогал другим играть лучше.

Вечер продолжается, и мы проходим в гостиную. Логан пару раз кружит меня, и мы начинаем танцевать, подстраиваясь под ритм музыки. Забывая про учёбу и всю эту чертовщину с Ридом, я полностью отдаюсь танцу.

В конце концов, ритм меняется, хип-хоп сменяется медленным R&B. Логан притягивает меня ближе, и наши тела соприкасаются. Он медленно покачивает меня в танце, а я охотно повторяю его движения. Из-за алкоголя я чувствую себя более раскрепощённой и кладу ладони на его грудь. Логан крепче обнимает меня за талию и наклоняется к моему лицу.

Как только он приближается к моим губам, кто-то врезается в меня. Сильно. Очень сильно, на самом деле так, что я теряю равновесие, из-за чего приходится ухватиться за плечи Логана. Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, какой идиот меня толкнул, то вижу только спину Рида, который поднимается вверх по лестнице. Наверху он оборачивается и смотрит на меня. Если я думала, что на прошлой неделе его глаза были холодными, то сейчас он своим взглядом мог всё заморозить.

— Я сейчас, — перекрикивает Логан музыку и поднимается по ступенькам, чтобы поговорить с Ридом. Они сталкиваются наверху, и я едва слышу, о чём они говорят.

— Что, к чёрту, произошло, чувак? Это было не круто, — кричит Логан Риду.

Рид только пожимает плечами и говорит:

— Что я сделал? Я же ничего не делал.

Он пытается сделать вид, что ничего не произошло, но я вижу его глаза. Рид смотрит на меня боковым зрением, и я замечаю, как в его глазах полыхает злость.

Логан бормочет «не важно» и спешит ко мне.

— Я хочу выпить. Присоединишься? — интересуется он.

Я знаю, что сказала себе притормозить, но после того как Рид врезался в меня, я расстроена, и третья порция кажется отличной идеей. К тому времени как мы с Логаном возвращаемся назад в гостиную, Рид уже спустился и танцевал с девушкой, которую можно было описать одним словом — супермодель. Они практически занимаются там сексом. Его руки гуляют по её телу, задевая то, что неприемлемо трогать на публике.

Я выпиваю всё, что осталось в стакане, и теряю равновесие. Но Логан поддерживает меня и тянет в гостиную, чтобы сесть на диван. Он обнимает меня рукой и начинает вырисовывать какие-то фигуры у меня на плече. Это мило, и мурашки бегут по рукам. Я закрываю глаза и пытаюсь насладиться его касаниями — даже если я хочу, чтобы на его месте был Рид. Но что я действительно пытаюсь сделать, это выкинуть из головы Рида и его курицу, с которой он почти занимается сексом.

Логан наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я не возражаю. Он был милым весь вечер, и я смирилась с тем фактом, что я не та, кого хочет Рид, даже если выгляжу чертовски круто в этой чёрной мини-юбке и ярко-розовом топе. Когда Логан уже практически касается моих губ, я чувствую, что атмосфера в комнате резко меняется.

Рид оказывается рядом с нами в долю секунды. Он хватает Логана за воротник и поднимает с дивана. Логан даже не успевает и слова сказать, как Рид сильно бьет его в челюсть. Я вскакиваю с дивана и отхожу к краю комнаты, где все расступились, чтобы дать им пространство.

Джеку и другим парням необходимо несколько минут, чтобы разнять парней. У Логана на правой щеке, под глазом, рана, а челюсть уже начала опухать от первого удара Рида. Рид рычит «да пошёл ты к чёрту» и прорывается к двери.

Я беру лёд для Логана и сажусь рядом с ним на диване. К тому времени толпа уже ушла. В течение получаса после драки все расходятся, в гостиной остаются только я, Логан, Камми и Джек.

— Я устал, — говорит Джек, смеясь, — но думаю не так, как ты, — теперь он просто хохочет.

— Ох, ты просто невыносим, Джек! — слова Логана просто сквозят сарказмом, когда он трогает синяк на щеке.

— Оуу, детка, оставь его. Пошли спать.

Камми приближается к шее Джека и что-то шепчет, от чего у него сбивается дыхание и расширяются зрачки. Джек встает с дивана и тянет Камми за собой. Не проходит и секунды, как он закидывает её себе на плечо. Она кричит от шока, а он игриво шлепает её по попе и несет к себе в комнату.

Джек поворачивается, чтобы Камми могла попрощаться с нами. Она смотрит на меня вопросительно, не скрывая беспокойство.

— Ты нормально себя чувствуешь, Мэдди? Я могу вызвать тебе такси, если хочешь.

— Всё в порядке, Камми. Со мной всё будет хорошо, — я улыбаюсь ей в ответ и поворачиваюсь к Логану.

— Извини за этот спектакль сегодня, Мэдди. Я даже представить не могу, что произошло с Ридом. Он может быть иногда таким индюком. Я бы отвёз тебя домой, но сейчас я не в состоянии сесть за руль.

Логан наклоняется и соблазнительно предлагает поспать в его кровати. Я уверена, что если соглашусь, то он точно не захочет *просто* спать.

— Нет, всё в порядке, Логан, правда. Я сама не смогу доехать, особенно после того как моего водителя только что первобытным способом затянули в спальню. Если ты не будешь возражать, то я устроюсь на этом диване.

— Нет, Мэдди, я не хочу, чтобы ты спала на диване. Пошли в мою комнату. Я буду спать на полу. Правда, мне будет нормально, и я не буду приставать.

Он складывает свои руки в молитвенном жесте, а я вспоминаю, как думала, что этот диван может передавать венерические болячки. Я быстро набираю сообщение Мелани о том, что я и Камми остаемся ночевать у Джека. Она отвечает, что надеется, что мне было весело, а мне остается только посмеяться от того, как она ошибается.

— Хорошо, пошли. Но ты совершенно точно будешь спать на полу, — я сдаюсь и просто надеюсь, что он сдержит своё обещание.

Как истинный бойскаут, Логан сдержал своё обещание и спал на полу. Он одолжил мне свою футболку и шорты, чтобы мне было в чём спать. Именно в такой одежде я увидела Рида утром, когда мы столкнулись в холле.

— Милая футболочка, — комментирует он, когда идет в ванну.

В ответ на это я тихо бормочу «дебил», что возвращает его внимание. Парень разворачивается и приближается к моему лицу.

— Что ты сказала? — спрашивает он с нескрываемой злостью.

— Я сказала «дебил». Ты — дебил. Или тебе больше нравится «ушлепок»? Выбирай любое. Хотя тебе и то, и то подходит.

— Что, твою мать, не так?

Он серьёзно? Он что, не видит, как по-детски себя ведёт? Или он думает, что то, что он сделал вчера, было правильно?

— Не так? Рид, действительно?! Что, твою мать, не так? Ты танцевал и флиртовал со мной, и между нами что-то проскочило, а потом ты кинул меня, будто я чем-то больна. Ты игнорировал меня каждое утро в спортзале, но я видела, как ты наблюдал за мной. А вчера ты практически дал мне по заднице, а потом ударил Логана только за то, что он был милым со мной. И ты ещё спрашиваешь *меня*, что не так? — я глубоко вздыхаю и толкаю его в грудь. — Ты — одна чертова проблема, и я не знаю, как её решить, ибо за то время, что мы знаем друг друга, ты не сказал мне и пару слов. Да, поэтому ты — дебил!

Я отворачиваюсь и направляюсь назад в комнату Логана, но перед тем, как успеваю сделать хоть шаг, Рид хватает моё запястье и тянет на себя. Его рот просто врезается в мой, когда я ещё даже не понимаю, что он делает. Я тут же отвечаю на поцелуй, и не потому, что я не ожидала его. Я просто хотела, чтобы он меня поцеловал с того момента, как впервые увидела Рида. Это был горячий и полный злости поцелуй.

Наши языки яростно касаются друг друга, пробуя и изучая. Он нежно покусывает мою

нижнюю губу и успокаивает место укуса, ласково посасывая. Парень притягивает меня ближе за шею, я обнимаю его за талию и пробираюсь руками под футболку. Его кожа под моими пальцами такая горячая, нежная и сильная одновременно. Он такой вкусный. Полностью сдаюсь, это лучший мой поцелуй.

Когда он отстраняется, мои губы ощущаются опухшими от нашего страстного поцелуя, я хочу спросить, почему Рид остановился, но он начинает говорить раньше.

— Я до сих пор дебил? — его слова сочатся ядом, и я чувствую себя злой и опозоренной.

Я стою там, полностью сбита с толку своим гневом и его резкой сменой поведения. Я прикусываю язык и не могу придумать ответа.

Он наклоняется к моему уху и говорит:

— Почему ты не торопишься назад к Логану? Я уверен, что он будет искать тебя.

Я понимаю, как это выглядит со стороны, когда я вышла утром из комнаты Логана в его одежде, но благодаря вчерашнему поведению Рида, у Логана даже не было возможности поцеловать меня.

Слова Рида просто ударяют по мне, и я чувствую, как комок слёз застревает в горле. Он кидает «не важно» и продолжает свой путь в ванну.

Я не могу остановить слёзы, ведь когда по щеке проскальзывает одна, то плотину прорывает. Я стою посреди чужой кухни и плачу от его слов, грубого тона и чувства, будто меня использовали. В тот момент я надеюсь, что никогда не увижу Рида Конелли снова.

Глава 5

После того, как Рид оставил меня плачущей в коридоре, я вернулась в комнату Логана и собрала свои вещи. Логан выглядел отдохнувшим и уж точно он не был ранней пташкой, поэтому даже не понял, что я расстроена, когда просила его отвезти меня домой. Я думала постучать в комнату Джека, чтобы забрать Камми, но не хотела мешать им.

Хотя, честно говоря, меня даже не волновало, поймет ли Логан, что я расстроена. Я просто хотела домой.

Когда я добираюсь до общежития, Мелани уже в нашей комнате. Она сразу понимает, что я плакала и просто обнимает меня, как только видит. После того, как моя подруга выдавливает почти весь воздух из моих лёгких, Мел смотрит на меня на расстоянии вытянутой руки, вроде проверяя, есть ли у меня какие-то повреждения.

— Что случилось, Мэд? Когда я вчера получила от тебя смс, то подумала, что с Ридом всё наконец-то разрешилось. Почему ты плачешь? Ты меня пугаешь, Мэдди.

Я рассказываю ей все важные детали прошлого вечера. Как я танцевала с Логаном, и как Рид практически толкнул меня, и что он ударил Логана за то, что тот был джентльменом, и как Рид поцеловал меня, как никто раньше, и про то, что Рид был полным мудаком. Она слушает и только вздыхает. Можно догадаться, что сейчас она практически ненавидит его.

— Он полный мудака, Мэдди. Я не понимаю, почему он так издевался над тобой. В этом же нет никакого смысла. А потом просто поцеловал. Ненормальный!

Я плюхаюсь на кровать и фыркаю. Чертовое шоу! План Камми провалился с жутким треском.

— Чем хочешь заняться сегодня? — спрашивает Мелани с надеждой в голосе. Я знаю, что она пытается вытянуть меня отсюда, но я хочу просто скрутиться калачиком и плакать.

Мне снова становится тоскливо. Я не могу понять, что чувствую к Риду, он втоптал меня в грязь, и это было чертовски больно.

— Давай, вставай, нельзя сидеть тут и тратить замечательный осенний день впустую. Как насчет шоппинга и обеда? — она так настойчива, что ей невозможно отказать.

— Мы можем побегать. В зале мне подсказали хорошую тропинку. Как насчет того, чтобы взять сэндвичи, пробежаться по ней, а потом устроить пикник?

По ее улыбке я могу точно сказать, что Мелани согласна. Она уже практически собрана, когда я вылезая из кровати.

Шоппинг действительно удастся, и тропинка оказывается замечательной. Она находится прямо за общежитием, и там бегает довольно много людей, а для меня это огромный плюс — теперь мне не придется использовать беговую дорожку в зале, а значит я не встречу Рида. Мы пробегаем около трех километров, пока дорожка не заканчивается, прямо рядом с озером. Это замечательное место, чтобы устроить пикник и поболтать. Такое чувство, что мы с Мелани не говорили толком с тех пор, как приехали сюда.

Она рассказывает мне про работу в компьютерной лаборатории. Эта работа довольно нудная, но единственным спасением оказался горячий компьютерный гений, который работает вместе с ней. Правда, я не знала, что компьютерщиков можно было назвать «горячими», но этого, как уверила Мелани, можно. Его зовут Брайан, и по ее рассказам, он был не только красивым, но и владел отменным чувством юмора. Я была очень рада за нее, когда она сказала, что у них вечером в субботу свидание. Они собираются посетить замечательный домашний итальянский ресторанчик в городе.

Я совру, если скажу, что не завидую ей. Знаю, что могла бы быть с Джэем, если бы захотела, но я не хочу. Логан интереснее. Он очень милый и джентльмен, но если говорить на чистоту, то на самом деле я хотела бы быть с Ридом.

Я точно знаю, что если буду с Логаном, то это ничем не будет отличаться от моих отношений с Джэем. Они оба замечательные, но мне чего-то не хватает. Понимания, страсти и чуть-чуть огня — я могу точно сказать, что мне нужен кто-то другой, несмотря на то, какими хорошими были эти двое.

Я ненавижу себя за то, что пока Мелани поет дифирамбы о Брайане, я думаю о Риде. Он был полным ослом, с тех пор как мы встретились, но я не могу отрицать, даже внутри себя, что хочу его. Нас тянет друг к другу, и я знаю, что он чувствует то же самое. Ну, должен, иначе бы этот поцелуй не был таким. Я хочу докопаться до истины, хочу узнать Рида лучше. Хочу узнать, почему в его глазах была боль. И хочу убрать ее. Я хочу открыть ему свою боль, надеясь, что однажды он сотрет ее, потому что, даже несмотря на всю его злость, я видела в его глазах страдание.

Я слышала надежду в его голосе. Я видела, как он смеется с друзьями, и точно знаю, что он добрый, как бы ни прятал это.

Мы с Мел заканчиваем нашу прогулку, когда солнце скрывается за горизонтом. После того как мы добираемся до общежития, то устраиваемся на диване, чтобы посмотреть какой-то девчачий фильм и сделать друг другу маникюр. Я скучала по своей лучшей подруге. Было спокойно и легко — увы, с Ридом все совсем не так. Короче говоря, это было лучшим лекарством, чтобы отвлечься от той дерьмовой пятницы.

Практически все воскресенье я провожу в библиотеке, готовясь к экзамену по

психологии, поставленному на понедельник. Этот предмет у меня самый тяжелый и, кажется, я начинаю понимать, как пережить его. Я собиралась наслаждаться этим семестром, но как-то с трудом это получается.

Утром я практически просыпаю, но так как спать легла я поздно, этого следовало ожидать. У меня остается время только чтобы почистить зубы и привести себя в более-менее нормальный вид перед тестом. Я забегая в класс как раз в тот момент, когда преподаватель раздает буклеты для экзамена.

Я делаю глубокий вдох и сосредотачиваюсь.

Экзамен заканчивается спустя полтора часа, и я чувствую, что сдала его. Конечно, не на самую высокую оценку, но я старалась. Мой следующий урок проходит как в тумане. К обеду я уже голодна и выжата, как лимон. Я беру в столовой сэндвич и иду в комнату, спать.

Просыпаюсь около четырех часов дня, чувствуя себя отдохнувшей и полной энергии. Из-за того, что я пропустила утром зал, я одеваю свои новые кроссовки и иду бегать. Возможно, то, что я сегодня проспала — это была попытка подсознания избежать Рида в зале. Да, я точно переучила психологию на выходных.

Бегать по тропинке оказывается гораздо более захватывающе, чем в зале. Свежий воздух приятно охлаждает кожу. Солнце не жжет мне спину, а приятно согревает плечи и мускулы. Я добегаю до того места, где мы с Мелани обедали, глубоко вздыхаю и смотрю на красоту, окружавшую меня. Озеро прозрачное и необычно спокойное. Я окружена вечнозелеными деревьями, и они так красиво контрастируют с голубизной озера, что создается ощущение, что это картинка, а не реальность. Я слышу, как защебетали птички, и, подняв голову, вижу двух воробьев, которые летят бок о бок, будто влюбленные. Я улыбаюсь этой картине, это действительно очень красиво и мило.

Так как я обещала себе замечать красоту в мире, то ложусь прямо на траву и смотрю в небо. Джэй говорил мне, что я не смогу смириться со смертью родителей, пока не дам себе всё прочувствовать. Обычно я отталкиваю воспоминания о родителях — мне слишком больно вытаскивать их на поверхность. Но сегодня что-то поменялось, я разрешаю себе прочувствовать все снова.

Моим любимым воспоминанием из детства было то, как мы с папой ходили гулять в парк по субботам. С его стороны это была хорошая возможность оставить маму наедине с собой. Но нам нравилось проводить время вместе. Мы просто ложились на спину и искали фигурки в облаках. Я клала голову ему на грудь и слушала его сердцебиение. Я чувствовала себя в безопасности и любимой. В тот момент, когда мы смотрели на облака, я могла вдыхать запах папы — одеколону и геля после бритья; я чувствовала *ритм* его сердца у себя на щеке, такой успокаивающий. Он посмеивался с меня, когда я видела в небе просто невообразимые вещи — морскую звездочку, младенца, бутерброд с арахисовой пастой. Непрошенные слезы катятся по щекам, но я улыбаюсь этим воспоминаниям. Мы всегда шли кушать после парка, тогда обычно у нас на обед были панкейки и бекон. Иногда, когда мы приходили домой позже обычного, и мама уже спала, мы убегали посмотреть кино или чью-то игру в баскетбол.

Те дни были самыми счастливыми в моей жизни. Я надеюсь, что однажды я снова почувствую себя так же, для меня это будет, как кусочек рая на земле. Эти воспоминания все еще причиняют мне боль, но впервые я не чувствую себя в аду.

Глава 6

Рид

Суббота, утро — после лучшего поцелуя с Мэдди

Я видел, как слезы скатывались по ее лицу, когда шел в комнату, но был слишком взвинчен, чтобы подойти к ней. Я знал, что был, как она сказала, полным дебилом. Я даже не представлял, сколько боли ей причинил. Я хотел извиниться за то, что почти ударил ее, оскорбил и был полным идиотом, но сейчас я просто не мог совладать с собой.

Но я точно не буду извиняться за поцелуй. Я хотел поцеловать ее с тех пор, как увидел, и даже намного больше. Но поцелуй, о Господи, вот это поцелуй. Я никогда не испытывал ничего подобного, когда целовал кого-то, а мягко говоря, я перецеловал уже много девушек.

Заняться с ними сексом, а потом уйти — вот как я всегда поступал, это было удобно. Нет привязанности и нет обязательств — просто супер. Я построил вокруг себя стену после истории с Алекс, и никому еще не удавалось ее пробить. Да я и не дам. Но что-то было в глазах Мэдди — я заметил это, когда мы танцевали. Я заглянул в ее душу и был шокирован. Она точно не будет играть по моим правилам. Она раздражительна и за словом в карман не полезет, но в то же время она милая. Я не мог выкинуть ее из своей головы, а сейчас просто взял и все испортил.

Мэдди ушла сразу же после нашего поцелуя, и я знаю, что она расстроена. Логан сидит за кухонным столом и ест хлопья с молоком. Я смотрю на него и злюсь, как он мог так поступить? Ну, вы знаете эту штуку «не спи с девушкой друга», но опять-таки, я же не говорил ему, что хочу ее.

И почему бы кто-то подумал, что ты ее хочешь? Ты же делал все, чтобы выкинуть ее из головы.

— Думаю, что у тебя выдалась хорошая ночка, Логан, — замечаю я, даже не скрывая собственной злости и сарказма в голосе.

Он отклоняется на стуле и закидывает руки за голову.

— Просто замечательная. Мэдди чертовски горяча.

Его слова шокируют, я сжимаю руки в кулаки. Не хочу снова ударить его. Ну, на самом деле, хочу, но не буду. Мне нужно больше подробностей, но думаю, после удара я точно ничего не узнаю.

— Правда? Она горячая? Не заметил.

Он видит, что я вру, но я старался. Как можно сказать, что Мэдди не замечательная?

И замечательная.

И милая.

И идеальная.

Он пристально смотрит на меня:

— Не заметил? Серьезно? Тогда, что, к черту, вчера случилось? Ты практически забрал ее и вырубил меня.

— Практически вырубил? Ну, я действительно сильно тебя ударил. Кстати, милый синяк, — я не смог скрыть ухмылку. Я хорошо вчера ему всыпал.

Когда он проходит мимо меня, чтобы посмотреть телик, то шепчет:

— Лучшая ночь в моей жизни.

— Ну ты и придурок, Логан, — я больше не хочу с ним говорить. Не хочу выкладывать все карты на стол, чтобы разжечь его еще сильнее, но я зол — за то, что он выглядит, как рыцарь в сияющих доспехах, из-за того, что переспал с ней и за то, что я был полным мудаком.

Я точно не сумасшедший, я хотел быть тем, с кем она переспит. Но, я-то точно не сумасшедший.

Я не видел Мэдди с тех пор, как мы поцеловались. Она не приходила в зал. Не приходила к нам. Я не видел ее нигде, где был. Спустя неделю, у меня появилась странная догадка — она меня избегает.

Но почему? Ты же не целовал ее, намекая на нечто большее (что ты и сделал) и после всего не называл илюхой (ну, практически, назвал). Да, «дебил» — это действительно про меня.

Ладно, она точно избегает меня, и я не знаю, что с этим делать. После того как она ушла, я пытался собрать в кучу свои чувства. Но мне это не удалось. Господи, я же сейчас, как девчонка.

Нужно понять свои чувства. И хвастанье Логана делает все еще хуже.

Мой телефон вибрирует в кармане, и на секунду я надеюсь, что звонит Мэдди.

Идиот, ты же не давал ей своего номера телефона, да она и не просила.

Я провожу по экрану, открывая сообщение от Джэсс:

Д: Не хочешь погулять вместе?

На ее языке «погулять вместе» означает переспать. Обычно я легок на подъем. Секс без обязательств — вот, что нужно для моей жизни. Мы уже переспали парочку раз в прошлом месяце. Обычно когда девочки соглашаются на секс без обязательств, то потом они надеются, что это перерастет в нечто большее. Они хотят приручить неприрученных, но Джэсс не такая. Она не хочет сближаться. Девушка сумасшедше горяча, и секс с ней всегда непревзойденный, но что-то у меня нет настроения сегодня. Она найдет кого-то другого, чтобы «прогуляться вместе».

Мне всегда нужна дистанция, когда доходит до отношений с девушками. Мне она необходима. Я никому не даю шанса приблизиться ко мне слишком близко.

И в этот момент я понимаю, почему был таким идиотом по отношению к Мэдди. Она была мила со мной, ну ладно, иногда она говорила с сарказмом, но только потому, что я вынуждал ее. Девушка не вела себя со мной, как остальные, но что-то мне подсказывало, что Мэдди хотела большего. Она очень уязвима и открыта, но пытается это спрятать, собственно, как и я.

Я не могу отрицать, что хотел бы большего с ней — и именно это так пугает меня.

Стук в дверь отвлекает меня от мыслей о Мэдди.

— Хэй, чувак, — Джэк зовет меня.

— Что случилось?

— Я и еще несколько ребят идем в бильярд. Не хочешь с нами?

В этот момент предложение Джэка оказывается невероятно вовремя. Провести время с ребятами, поиграть в бильярд и выпить пару бутылочек пива без мыслей о Мэдди, да это же замечательно!

В бильярде полно людей, и все что-то орут, а это здорово отвлекает. Когда я играю уже

в третий раз, в зал заходит Мэдди. Во рту резко пересыхает, а сердце начинает выстукивать чечетку. Красивая — завораживающе красива. Ее волосы ниспадают вниз волнами, в сексуальном беспорядке — они выглядят волшебно. Узкие джинсы идеально подчеркивают ее точеные изгибы.

Заниженные джинсы и короткий топ обычно делали из девушки шлюху, но не Мэдди, она выглядит горячо и так маняще.

Джэк пихает меня кием, показывая, что моя очередь. Он улыбается, когда видит, что отвлекло меня. Когда я ударяю по шару, он спрашивает:

— Ты попал? Да?

— Что ты имеешь в виду? — отвечаю я.

— Мэдди, — он кивает в ее сторону. — Ты попал. Вот почему ты надрал задницу Логану и был таким злым всю неделю. Ты хочешь ее, но не можешь взять, — он одевает самодовольную улыбку и, честно говоря, кажется чертовски гордым за себя, из-за своих детективных способностей. Осел.

Я быстро пожимаю плечами, заканчивая этот разговор. Думаю, Джэк понимает, что я не хочу говорить об этом. Хотя Камми, которая идет позади Мэдди, тоже помогает отвлечь его внимание.

Лия, Мелани и молодой человек — как я позже понял, новый парень Мелани, Брайан — идут за Мэдди и Камми. Что за черт? Джэк не сказал, что это должно было быть семейным воссоединением. На это у меня совершенно нет настроения.

Настроение у меня как раз на то, чтобы раздеть Мэдди и слушать, как она выкрикивает мое имя. И что-то мне подсказывает, что сейчас это не такой уж и ужасный план.

— Хэй, детка. Как насчет настоящей игры? — Джэк произносит это с такой страстью, что я сразу понимаю, он хотел посмотреть на задницу Камми, когда она будет играть.

Хмм, а неплохая идея. Совсем неплохая. Хотел бы я, чтобы Мэдди согласилась на такое же предложение с моей стороны.

Камми смотрит на Мэдди, спрашивая, согласна ли она играть против нас. Я оттолкнул ее. Может, стоит попробовать и посмотреть, что произойдет? Химия между нами становится уж слишком обегающей. Возможно, настало время убрать стены — не все и не полностью, но приспустить чуть-чуть стоит.

— Давайте, девчонки. Будет весело, — я включаюсь в разговор и подмигиваю, надеясь, что она присоединится.

Камми весело отвечает «конечно», а Мэдди только раздраженно вздыхает и отстранено произносит «ладно».

Да, я действительно попал.

Я приближаюсь к Мэдди. Я хочу, чтобы она сыграла. И хочу, чтобы она поняла, что я не всегда такой осел. Ладно, ясно, что «осел» — это преуменьшение. Но я должен наладить наши отношения.

И думаю, сейчас самое время использовать свое обаяние.

— Пожалуйста, Мэдди? Я обещаю быть хорошим мальчиком, — шепчу ей в ухо.

— Я тебя умоляю. Ты даже не знаешь, что это значит! — шипит девушка.

— Все будет в порядке, Мэд, — встречает Камми, — Джэк тут. И он придержит этого идиота... эм, я имела в виду Рида, — я никогда еще не любил Камми больше, чем сейчас.

— Ох, хорошо, ладно, — Мэдди фыркает. Ну, очевидно, что она не сильно счастлива, но

девушка хотя бы остается.

Лия, Мелани и Брайан занимают стол рядом с нашим, и мы начинаем играть, веселясь. Мэдди быстро забывает о своей злости и расслабляется в игре.

Видя беззаботную и веселую Мэдди, я воспаряю духом и хочу ее еще больше.

Ох, благослови Господь тех, кто создал джинсы с низкой посадкой. Смотреть на то, как девушка наклоняется над столом является тем еще зрелищем, и я вижу, как за ней наблюдает какой-то debil. Мэдди тоже его замечает и раскрепощается, покачивая бедрами. Чертова девчонка. Она флиртует с ним, при том, что я здесь.

Когда игра заканчивается, он подходит и слегка приобнимает ее. Я слышу только несколько фраз, но она улыбается и хохочет, как маленькая девочка. Кажется, она счастлива.

Она счастлива потому, что он не ведет себя с ней, как с мусором.

— Кам, я пойду выпью с Майком, — Мэдд говорит это всем, но я видел, как ее взгляд скользнул по мне.

Она уже два часа с ним возле бара. И девушка не выпила ничего, кроме двух содовых. Сначала они просто разговаривают, а потом начинают шутить и флиртовать.

Часть меня зла на то, что она ушла от меня. Часть меня ревнует, потому что Мэдди должна вести себя так со мной. И часть меня, намного больше, чем остальные, беспокоиться за нее. В этом парне есть что-то, что мне не нравится.

Джэк, Логан и я уже годами ходим сюда, но я ни разу его не видел. И было заметно, что он не настолько молод, чтобы быть студентом. Он мне просто не нравится.

Парень понимает, что я смотрю на него и кидает полный злости взгляд на меня, затем наклоняется ближе к Мэдди и шепчет что-то ей в ухо. Ее глаза расширяются в шоке, но она быстро возвращает себе спокойствие. Мэдди качает головой «нет» и указывает в сторону Джека, где Камми до сих пор играет в бильярд. Мелани и Брайан ушли не так давно. И Лия ушла вместе с ними. Видно было, что бильярд это не ее.

Майк быстро отходит от ее отказа и начинает снова флиртовать с ней. Мэдди выглядит благодарной за то, что он больше не возвращается к тому разговору.

Я больше не мог на это смотреть. Мне надо передохнуть от этой картины, что открывается передо мной. И вдруг я понимаю, что Мэдди с Логаном — это не так ужасно, как понимать, что она просто перепихнется с этим чуваком. Логан хороший парень — но мудака, из-за того, что переспал с ней, но он действительно хороший, а Майк — нет.

Я не хотел уходить, но природа зовет. Когда я прохожу мимо них, то Майк наклоняется поцеловать Мэдди, несмотря на то, что раньше она ответила отказом на его предложение. Девушка видит меня и целует его в ответ. Думаю, что она видит отвращение у меня на лице, и поэтому в ее глазах читается некое извинение.

Я иду к выходу, который находится в конце коридора, где располагаются туалеты. Мне просто нужен свежий воздух, чтобы освежить свои мысли. Я трачу несколько минут, чтобы вернуть назад свое холоднокровие.

Присаживаюсь на бровку (*прим. пер.: Бровка — декоративный элемент в . Рельефная арка над оконным или дверным проемом, нишей*) и опускаю голову. Это все так странно для меня. Я чувствую себя в полной заднице из-за всего этого, но одно становится ясно: я хочу ее.

Впервые я хочу девушку больше, чем на одну ночь, и хочу, чтобы было что-то больше, чем секс. Мэдди такая живая и яркая. И я чувствую, что она видит меня, настоящего меня. А

это чертовски пугает, но я больше не могу это отрицать.

Не знаю, сколько я тут сижу и говорю сам с собой, но я решил, что делать с Мэдди. Единственный способ, чтобы она поняла, что я чувствую, это сказать ей. Я должен прекратить быть дебилом, перестать бояться и просто посмотреть, что из этого получится.

Вся эта херь произошла сотню лет назад, и Мэдди — не Алекс. Она не сделает тебе так больно. К тому же, Шейн уже мертв, поэтому Мэдди не сможет сделать тебе больно таким образом.

Я закапываю поглубже у себя в голове чувство вины из-за смерти брата и пытаюсь выкинуть из головы Алекс. Не важно, сколько раз мне уже говорили, что я не виноват в его смерти, я знаю, что убил брата. Это все было моей ошибкой — и ее — Алекс. У меня просто все похолодело от мыслей об Алекс и Шейне.

Но Мэдди другая. Я знаю, что она увидела мою боль, а я увидел ее, и не могу никак понять, откуда такая боль у такой девушки, как Мэдди.

Прошло уже пять лет. Возможно, пришло время пойти дальше. И, возможно, Мэдди поможет мне понять, как это сделать.

Я толкаю дверь и встречаюсь с Майком и Мэдди. Мы находимся в разных концах коридора, но я уверен, что даже отсюда она видит отвращение в моих глазах.

Она уходит. С ним? Как, твою мать, такое могло произойти?

Я прохожу мимо них и разворачиваюсь назад в тот момент, когда ловлю взгляд Мэдди.

Что-то не так. Совсем не так.

Ее глаза затуманены. Девушка идет, спотыкаясь, Майк практически несет ее.

— Мэдди, ты в порядке? — я не могу скрыть истинную заботу в голосе.

Майк отвечает за нее:

— Она в порядке, придурок. Мы просто уходим. Ты можешь возвращаться к своим маленьким друзьям.

Я хватаю ее за плечи и заглядываю в лицо. Она точно не в порядке. Но я не понимаю, что не так. Мэдди не пила ничего, кроме содовой. Даже если в стаканах был ром, то она не была бы *такой* пьяной.

И потом я понимаю — по тому, как она смотрела на меня раньше. Это сделал он. Майк что-то подсыпал ей в напиток. И ждал пока я уйду, чтобы увести ее.

— Мэдди, пожалуйста, скажи, что ты в порядке. Давай, пошли отсюда. Я отвезу тебя домой, — я практически умоляю ее пойти со мной, я не оставлю Мэдди с ним. Но потом я понимаю, что она *не оставит* его, так как *не может*. Она даже не может самостоятельно стоять. Мэдди в стельку пьяна.

— Ты беспокоишься, Рид? Ты не хочешь меня. И прекрасно дал это понять. Я не достаточно горяча для тебя, — ее язык заплетается, а глаза закрываются.

— Отпусти ее, — мое спокойствие и твердый голос скрывают злость.

— Нет, урод! Ты слышал даму. Она уходит со мной. А сейчас отойди, — Майк отталкивает меня в надежде пройти мимо.

Я больше, чем он. На несколько сантиметров и приблизительно на 10 кг мышц.

Нет, она точно остается со мной, и я надеру тебе задницу!

— Неправильно двигаешься, идиот. Я сказал, ОТПУСТИ ЕЕ! — я толкаю его концентрируясь на каждом слове, чтобы он понял, что я с ним не шучу.

Он отпускает Мэдди. Славу Богу, что она стоит рядом со стеной и может опереться на нее.

Понадобилась секунда, чтобы он восстановил равновесие, а мне, чтобы надрать ему задницу. Я бью его кулаком в подбородок и коленом в пах. Пока он справляется с болью, я хватаю Мэдди и иду к выходу.

Я обхватываю ее лицо и убираю волосы с глаз, спрашивая, в порядке ли она. Но девушка даже не может ответить. Я вижу, как она теряет сознание. Мне необходимо доставить ее домой.

Я несу ее до своего Мустанга и сажаю на переднее сидение. Я наклоняюсь, чтобы пристегнуть ее, но она приближается к моей шее.

— Хмм, ты так хорошо пахнешь, Рид. Ты всегда пахнешь хорошо. Поцелуй меня, пожалуйста, — она задерживает свое дыхание.

— Скоро, детка. Я буду делать даже больше, чем целовать, скоро, но сейчас я хочу доставить тебя домой и позаботиться о тебе.

Она кивает «хорошо» и быстро возвращается в свое почти коматозное состояние.

Я заправляю ей волосы за ухо и целую в лоб. Я не буду сейчас целовать ее так, как она хочет. Я не воспользуюсь ею сейчас, но если потом Мэдди захочет этот поцелуй, она его получит.

Когда я забираюсь на водительское сидение, то сразу пишу сообщение Джэку, что забираю Мэдди и мы едем назад в дом, и прошу номер Мелани. Я знаю, что она будет очень зла, если Мэдди не придет домой. Он отправляет мне номер Мел и пишет, что знает, что я влип. Разберусь с ним позже. Сейчас меня заботит только то, чтобы никто не догадался, как чувствует себя Мэдди.

Когда мы добираемся домой, то Мэдди полностью отключилась. Я вытягиваю ее из машины и несу к дому. Ох, нелегким заданием было открыть двери с ней на руках, но какое приятно испытание. Она здесь, со мной, и в безопасности. Вот, что действительно важно.

Я иду через гостиную, раздумывая оставить ли ее спать на диване, но я не хочу, чтобы Мэдди проснулась одна. Не знаю, вспомнит ли она, что случилось, и не хочу, чтобы девушка испугалась. Я решаю, что она будет спать у меня в кровати, в самом безопасном месте для нее. Что ж, тогда пошли наверх.

И не было никаких скрытых мотивов. Совсем не было.

Я кладу девушку посередине кровати и снимаю с нее босоножки. Решаю не раздевать ее. Не то, чтобы не хочу это сделать — ох, Господи, я хочу этого больше всего — но я хочу, чтобы она была в сознании, когда буду делать это.

Я ложусь рядом с ней, накрывая нас одеялом, и закидываю руки за голову. Я не смогу сегодня заснуть, когда Мэдди такая мягкая и теплая рядом со мной. И мне нельзя засыпать, чтобы удостовериться, что с ней все хорошо.

Я пододвигаюсь к ней и шепчу:

— Спокойной ночи, милая. Не волнуйся, я позабочусь обо всем.

Она бормочет что-то, славу Богу, не протестуя, и проваливается назад в глубокий сон.

Я смотрю в потолок, подшучивая над собой. Конечно, я хотел, чтобы Мэдди оказалась у меня в кровати, но точно не таким образом.

Глава 7

Мэдди

Моя голова просто раскалывается. А во рту засохшая пустыня. Тело ощущается слабым. Пытаюсь моргнуть, чтобы проснуться, но даже для этого нужно приложить невероятное усилие. Я никогда еще себя так не чувствовала. Что со мной случилось?

Когда сознание медленно начало возвращаться, я смотрю в потолок и начинаю понимать, что не в своей кровати. Где я, твою мать?

Паника начинает нарастать. А тело начинает трусить от страха. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, и в тот момент, я понимаю, где нахожусь.

Запах подушки. Так пахнет только Рид. Я узнаю этот запах везде. Так пахнет мой дом.

Резко одна паника сменяется на другую. Я спала с ним? Он воспользовался мной? Я даже не помню, что веселилась вчера с ним. И как я, твою мать, оказалась здесь?

Молодой человек почувствовал, что я проснулась, и поворачивает лицо ко мне. Его волосы в беспорядке, а глаза до сих пор сонные. Он выглядит невинным и таким милым — никогда не думала, что смогу такими словами описать Рида Коннели.

Он дотрагивается до моей щеки, увидев мои шокированные глаза.

— Доброе утро, красавица, — шепчет он.

Его слова и мягкие касания заставляют сжаться мой желудок — приятно сжаться. Рид убирает руку от щеки, чтобы откинуть пряди, которые упали мне на глаза.

— Ум, мы... — я ставлю свою руку между нами, — ну ты знаешь? Мы... эм... сделали это?

Ну, это было просто отлично сформулировано.

Он мягко смеется от моего вопроса и продолжает гладить подушечкой большого пальца мою щеку.

— Нет, Мэдди. Мы точно не сделали «это». Поверь мне, *когда* мы сделаем «это» ты запомнишь.

Он останавливается для того, чтобы перевести дыхание, выглядит так, будто подбирает слова, и продолжает:

— Что ты помнишь из прошлой ночи?

Рид садится и прислоняется к спинке кровати. Я делаю точно также и натягиваю еще сильнее одеяло.

И совершенно случайно замечаю, что я одета. Слава Богу! Я до сих пор одета.

Не то, чтобы я не мечтала остаться обнаженной с Ридом.

Я сглатываю. Подождите! Он сказал «когда». Он *хочет* переспать со мной? Рид же ненавидит меня, или нет? Мой мозг уже не выдерживает это утро. А может я просто неправильно услышала его?

— Ты только что сказал «когда мы переспим»? — я не могу скрыть шок, когда спрашиваю.

— Да, сказал, — отвечает он прямо.

Ладно, это правда, но я не уверена, что с этим всем делать. Так, разберусь с этим позже, но это приятно услышать.

Он возвращается к вопросу, который задавал раньше:

— Итак, Мэдди, что ты помнишь?

— Эм, ладно, я помню, как пришла в бильярд со всеми. А потом помню, как я и Майк были у бара. После этого все как-то туманно.

Он хмурится, как будто пытается что-то понять. Парень выглядит взволнованным, но ничего не говорит.

— Что, Рид? Что случилось? И что ты не хочешь мне говорить? — его молчание пугает меня.

— Ну, ты почти все сказала правильно. Ты была с Майком и выпила пару напитков у бара, с того края, где я сидел, я видел, что это была содовая.

Молчание повисает между нами — тяжёлое и напряжённое.

И тут до меня доходит — я не пила прошлой ночью. Это не похмелье!

Рид видит мой испуганный взгляд и тут же придвигается, чтобы успокоить меня.

— Не волнуйся, Мэдди. Ничего не произошло. Я заходил назад в бар, когда Майк пытался уйти вместе с тобой. Вы проходили мимо меня, и я заметил, что что-то не так. Твои глаза были не такие, как всегда. Они были затуманены, и ты ничего не видела. Я наблюдал за тобой все время, поэтому точно знал, что ты не была пьяна. И тогда понял, что он тебе что-то подмешал. Я надрал ему задницу, а тебя привез сюда. Я знал, что ты точно не захочешь просыпаться рядом со мной, но не хотел, чтобы ты испугалась, когда проснешься одна.

Когда реальность начинает возвращаться, я понимаю, что Мелани не знает, где я.

Я, затаив дыхание, накрываю рот рукой:

— Ох, Господи, Мел! Мне надо позвонить Мел. Она должно быть чертовски волнуется. Я никогда не оставалась у кого-то, не сказав ей.

Я пытаюсь слезть с кровати. Моя голова до сих пор затуманена и кружится при каждом движении.

— Шшш. Не выходи из себя. Все в порядке. Я написал ей прошлой ночью, где ты. Не волнуйся. Я обо всем побеспокоился, — его голос такой мягкий и успокаивающий, также как и руки, которые до сих пор выводят невидимые линии у меня на лице.

Я отклоняюсь от подголовника и делаю несколько успокаивающих вдохов.

— Ты наблюдал за мной? — мой вопрос застаёт его врасплох.

Рид не отвечает сразу. Я точно могу сказать, что он ищет правильные слова. Молодой человек перестает гладить мое лицо и проходить по своим волосам. Я вижу, как он борется сам с собой, о том, что сказать. Он действительно страдает, и если бы я сама не волновалась так, то сочла бы это смешным.

Наконец-то он решает ответить.

— Мм... Да. Я догадывался, что ты об этом спросишь. Это потому, что... эм... я не доверял тому парню. Я никогда его там не видел, и он смотрел, как ты наклоняешься над бильярдным столом, как волк на овечку. Я хотел удостовериться, что ты в порядке, вот и все.

Я не могу ничего ответить, кроме как «ох». Тишина нарастает. Несказанные слова просто повисают в воздухе между нами. Я не выдерживаю и поэтому говорю «Спасибо».

— За что, Мэдди? — его глаза такие большие и чистые сейчас, а сонливость уже пропала.

— За то, что спас меня. За то, что принес сюда и зная, что я испугаюсь, не оставил меня одну, за то, что написал Мел, за то, что не воспользовался мной. Я знаю, что я тебе не нравлюсь, поэтому просто хочу тебя поблагодарить, несмотря на это.

Рид сильно вздрагивает от моих слов. Он выглядит оскорбленным и злым — вот Рид, которого я знаю.

— Так вот, что ты думаешь? Ты думаешь, что я тебя ненавижу?

Я съеживаюсь от его тона и холодных слов.

— Ну, я знаю, что я у тебя не в любимчиках, это точно. Я бы хотела знать, что ты не *ненавидишь* меня, Рид, но не думаю, что уж очень нравлюсь тебе.

Он тянется ко мне, преодолевая между нами расстояние, которое я создала.

— Я точно не ненавижу тебя, — его рука возвращается к моей щеке, а глаза встречаются с моими.

Он смотрит пристально, а я зачарованно, полностью растворяясь в сияющей голубой глубине.

— Тогда, что происходит, Рид? — я вскидываю руки от безысходности. — Я устала от всего этого. Ты враждебно ведешь себя и относишься ко мне как к шлюхе, а потом ты превращаешься в рыцаря и спасаешь меня от большого и плохого волка. Я... я... не знаю, что делать и что чувствовать. Я убегаю от тебя. Я устала избегать тебя, — делаю глубокий вдох и продолжаю. — С того времени как встретила тебя, я хочу быть здесь, в твоих руках, но ты только отталкиваешь меня. Поэтому скажи мне, как я должна понимать, что ты меня не *ненавидишь*.

— Ты думаешь, что я рыцарь в сияющих доспехах? — его губы растягиваются в красивой маленькой улыбке, и я закатываю свои глаза. Я игриво бью его по груди — широкой, мускулистой и такой идеальной, и наконец-то без рубашки.

Господи, я надеюсь, что он не обнаженный сейчас.

Да, надеюсь.

Нет, не надеюсь.

Да, надеюсь.

Тишина опять повисает в комнате, но в этот раз он ее нарушает.

— Я был такой задницей, Мэдди, — его признание заставляет меня рассмеяться.

— Это и так понятно, Рид.

— Ладно, ладно! Я был огромной задницей, которых еще не было. Я уверен, что Sir Mix-a-lot написал обо мне песню, — его слова такие игривые, но он знает, что они правдивы.

— Это больше похоже на правду. Можешь продолжать, — я не могу сдержать сарказм и показываю ему язык, надеюсь, что такое легкое настроение не исчезнет. Я хочу, чтобы Рид продолжал говорить. Я до смерти хочу узнать, что он чувствует.

Рид протягивает вторую руку, от чего мое лицо оказывается зажатым в его руках. Он всматривается в мое лицо своим глубоким взглядом.

— Извини меня, что я вел себя так, Мэдди. Я знаю, что это звучит по-идиотски, но не хотел сделать тебе больно. Я... ладно, ты... я имею в виду... Ох, Господи, я не могу сейчас говорить. Я хотел сказать... эм... ладно... — он еще сильнее сбивается, когда я приближаюсь ближе к нему.

Я терпеливо смотрю в его кристально-голубые глаза и шепчу:

— Что, Рид? Что ты хочешь сказать?

Он глубоко делает вдох и выход, не отрывая взгляд.

— Ты выбила меня из колеи. Я никогда не встречал девушек похожих на тебя и это пугает. Ты меня не видишь, — я хмурюсь в недоумении, но он продолжает, — ты не видишь меня, а будто смотришь сквозь меня. Ты видишь настоящего меня. Я увидел это у тебя в

глазах, когда мы танцевали, и это испугало меня. Я был конченным пРидурком с тех пор, как пытался оттолкнуть тебя.

Вау, вот это признание.

Он не дает мне ничего сказать и продолжает.

— Ты такая умная и мне нравится, что ты все время привлекаешь внимание. Ты не такая, как все девушки, и мне это нравится, но и пугает, как ничто другое. Я никого не подпускал так близко уже давно, но тебя хочу.

Он только что сказал «нравится»?

Дважды?

Слишком много информации для меня. В голове до сих пор туманно, и я не могу все сразу воспринять. Рид видит, что пытаюсь все обдумать, но даже под его взглядом я не могу сказать и слова.

— Слишком много всего, Мэдди — я знаю. Также знаю, что у меня нет никакого права требовать от тебя ничего, но скажи, что ты чувствуешь. Я тут умираю.

— Я никогда не подпускала никого тоже, — мои слова еле слышны, но я продолжаю, — я всю свою жизнь строила стены. Единственный, кто смог прорваться сквозь них, — это Мел, и то из-за того, что я знаю ее со школы. Я от всех держала дистанцию и порвала со своим единственным парнем, перед тем как уехать сюда, только ради того, чтобы не становиться слишком близкими друг для друга.

И Рид просто смеется в ответ. Он просит, чтобы я открылась, а теперь смеется.

Мудак.

— Серьезно! Ты с меня смеешься, Рид? Ну, спасибо, с меня достаточно, — я скрещиваю руки и фыркаю. Какая он все-таки задница.

— Извини. Но ты сказала, что у тебя был только один парень, но это же смешно. Серьезно — один? Твоему отцу разве не приходилось спускать их с лестницы, когда они толпами собирались перед входной дверью?

Я просто застываю. Не знаю, что сказать. Я не знаю, что чувствовать. Со всем, что происходит с Ридом, со всем, что произошло прошлой ночью, с этими утренними признаниями и непреднамеренными воспоминаниями об отце. Это все слишком для меня.

Слеза скатывается, как только я думаю о том, что мой папа никогда не сможет поговорить по душам с моим парнем. Потом вторая от того, что он никогда не будет ждать меня после свидания, у него никогда не попросят мой руки, и он никогда не поведет меня к алтарю.

Рид обнимает меня, после того как замечает мои слезы. Он спускается вниз по кровати и опирается об изголовье, не разжимая своих рук.

— Что случилось, Мэдди? Пожалуйста, скажи мне, что я сказал не так. Я и так ненавижу себя, за то, что ты однажды уже плакала из-за меня. Извини, я расстроил тебя, — его глаза такие искренние. Он предложил мне все, что я когда-либо хотела — возможность впустить кого-то в свою жизнь. Я делаю вдох, прочищая дыхание и решаю, что хочу быть с ним.

Он медленно перебирает мои волосы. Это так приятно и успокаивающе, что я почти забываю как говорить. Его губы слегка касаются моей головы, и он пытается мне что-то сказать.

— Пожалуйста, Мэдди. Я хочу быть здесь, с тобой. Я знаю, что был полным идиотом, но прости меня. Мне очень хочется помочь тебе, если ты меняпустишь. Пожалуйста.

Он продолжает перебирать мои волосы и смотрит внимательно мне в глаза.

Я пытаюсь подобрать правильные слова, но их нет, что ж, придется идти вслепую.

— Мои родители мертвы. Оба. Они умерли, когда мне было десять, у моего папы никогда не было возможности «отгонять» от меня мальчиков. Не то чтобы у меня были настоящие свидания, но все же.

Я ненавижу рассказывать это, всегда сталкиваясь с отстраненным: «Извини, мне так жаль» — что это вообще значит? Я ненавижу эти взгляды полные сочувствия и невысказанных слов. В большинстве случаев, я уже научилась не кричать, когда мне это говорят, но были пару раз, когда я не смогла сдержаться. Но реакция Рида меня просто поражает.

— Теперь все понятно, — говорит он.

Я смотрю на него и говорю:

— Что понятно, Рид?

— Ну, я про стены, которые ты построила. Терять кого-то — это чертовски тяжело. А потерять тех, кого ты любишь больше всего на свете и кто больше всех в мире любит тебя — чертовски больно, вот почему ты больше не подпускаешь никого, — он легонько берет меня за подбородок и приподнимает за плечи, чтобы встретиться глазами, — твой папа точно смог бы скупить весь Nike, если бы ему давали деньги за каждого «отогнанного» мальчика.

Я улыбаюсь, думая о том, каким был бы мой папа. Я никогда не позволяла себе думать о том, что было бы, если бы они до сих пор были живыми. В этом просто нет смысла. Они мертвы. Но у Рида в руках я чувствую себя защищенной, и поэтому я даю себе возможность подумать об этом.

Голос Рида врывается в мои мечты:

— Расскажи мне о них.

Я запуталась — и это мягко сказано. Я шокирована, что даже не могу говорить.

— Никогда никто не просил меня об этом. Всегда были какие-то попытки попросить прощения, высказать сочувствие. Но никто не спрашивал о них, все делали вид, что они просто не существовали. Думаю, что спустя какое-то время, мне тоже стало легче просто поверить в это. Это было все очень давно, и я не разрешала себе даже думать о них. Это слишком больно. Но спустя какое-то время мысли о них просто начали поднимать мне настроение, — я улыбаюсь ему. Так, мои эмоции уже под контролем, и я просто продолжаю рассказ.

— Мой папа был просто невероятным. Он всегда хотел проводить со мной время. Он не был из тех родителей, кто приходил после работы и вел себя отстраненно. Папа всегда помогал мне с домашней работой и с любым проектом, неважно, насколько тот был идиотским. Он был смешным. У него было замечательное чувство юмора — думаю, это я переняла у него, — Рид смотрит на меня очень пристально, но я игнорирую и продолжаю, — он по-другому смотрел на жизнь, чем другие. Легче, светлее из-за этого он выглядел беззаботным в лицах других людей, но в тоже время он был серьезным. И, Боже мой, как же он любил маму. Она была такой красивой.

— Ну, стоит только взглянуть на тебя, и я сразу могу себе это представить, — прерывает Рид меня и целует в лоб снова.

— Спасибо, но нет, она была великолепной. Я не помню уже всех деталей, но у нас одинаковые глаза. Она была роскошной, но какая маленькая девочка не думает так о своей маме и том, что ее папа супергерой? Я уверена, в реальной жизни они были далеко не

такими, но в моих воспоминаниях они невероятные. Я не помню, чтобы они хоть раз ругались. Они могли танцевать — и им даже не нужна была музыка. Папа просто обнимал маму и крутил, и для меня это было самым романтичным моментом в мире. Они смотрели друг на друга влюбленными глазами. Я всегда буду помнить это. Да, поэтому я построила вокруг себя стену. Легче просто не подпускать к себе людей, чтобы потом их не потерять.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы нежились в объятиях друг друга уже целую вечность. Было такое чувство, что я скинула гору с плеч, рассказав о своих родителях. Не буду врать — да, мне больно о них говорить, но теперь эта ноющая тупая боль, а не кинжал в сердце, как обычно. Рид лениво вырисовывает круги у меня на спине, и я засыпаю.

Я держусь из последних сил, чтобы не провалиться полностью в сон.

— Мне надо идти. Не хочу, чтобы ты провозился со мной целый день. Я уверена, у тебя есть дела, кроме как выслушивать меня. И к тому же, я до сих пор, как в тумане, и думаю, что завалюсь спать на целый день.

— Не хочешь переодеться? Я дам тебе какие-нибудь штаны и футболку. Ты можешь принять душ, а я пока приготовлю нам поесть, а потом мы можем целый день проваляться в кровати. Я хочу, чтобы ты была тут. Если хочешь, конечно. Но я могу и отвезти тебя домой. Выбирай, солнышко. Пообещай одно только.

Его слова просто загоняют меня в тупик. Я дам ему все, что он хочет, пока он такой внимательный.

— Конечно, Рид.

— Ну, две вещи, на самом деле, — он смотрит игриво, как только придумывает еще что-то.

Я делаю вид, что обдумываю его предложение, но он сразу разгадывает меня. Мне нравится, когда он такой игривый и веселый — все сразу так легко и естественно. Поэтому я киваю ему, соглашаясь на все.

И тут Рид выкладывает все карты на стол.

— Первое: ты сходишь со мной на одно свидание. Ты сказала, что никогда не была на настоящих свиданиях, поэтому я буду рад, если буду первым.

— А какое второе обещание?

Он смеется, когда понимает, что я не собираюсь отвечать на его первый вопрос, не услышав второй.

— Ну, я думаю, что второе обещание будет скорее для нас двоих. Мы оба пообещаем не строить больше стен. Я не говорю, что сейчас же их сносить, но потихоньку разрушать надо, — он выставляет вперед руки, — это было бы хорошо.

И снова я в тупике от его честности. Такое чувство, что он просто читает мои мысли, ведь я хотела его впустить. Я хотела этого с тех пор, как увидела его, но до него это дошло позже. Рид сказал, что у него тоже есть стены, и я хочу их разрушить, хоть чуть-чуть, но у меня нет столько энергии и желания портить этот момент сейчас.

Это то, с чем я разберусь позже.

— Думаю, что могу согласиться на эти условия. Ты действительно хочешь пойти со мной на свидание? Ты не должен, ты же знаешь? Если это только из-за сочувствия. Я уже большая девочка. И смогу с этим справиться, если я тебе не нравлюсь.

Я буду разбита, но прорвусь, а несколько пинт мороженого мне точно поможет.

Да, прорвусь точно.

Когда мне будет около шестидесяти.

Он мягко берет мое лицо, смотрит прямо в глаза и говорит:

— Ты мне нравишься. Сильно. Если бы не нравилась, я бы не звал тебя на свидание. Я никогда никого не приглашал еще по-настоящему. Ты примешь мое приглашение, пожалуйста? Только одно, и если ты меня возненавидишь, то я уйду. Обещаю, — Рид кладет руку на сердце и смотрит на меня щенячьим взглядом. Черт, какой он милый.

Его лицо так близко к моему, что я чувствую его теплое дыхание у себя на губах. Я тихо отвечаю «да», и в тот момент как эти слова произнесены, я чувствую его губы.

Этот поцелуй не был быстрым и грубым, как наш первый. Он сладкий и возбуждающий. Язык Рида сливается в танце с моим, от чего с моих губ срывается стон. Он начинает увеличивать напор и мягко кусает, зализывая места укуса. Рид отрывается от меня, и я вздыхаю в протесте. Мой протест тут же прекращается, когда он прокладывает дорожку поцелуев от губ до шеи. Его язык продолжает оставлять влажные поцелуи, двигаясь к уху, и я опять не могу сдержать стон. Его руки запутываются у меня в волосах и притягивают еще ближе, что между нами не остается и сантиметра пространства. Все переплелось — наши бедра, ноги, пальцы.

Души.

Наши ноги тесно переплетены, и я чувствую, насколько Рид возбужден. Я обнимаю его, исследуя руками его грудь и спину. И опять чувствую его губы на своих, он уже не просто целует меня. Он практически поглощает меня. В этот момент ярываюсь и целую его шею. Добираюсь поцелуями до уха и кусаю мочку. От возбуждения он толкается мне на встречу.

— О, Господи, Рид! Господи, пожалуйста, сделай так снова.

И он делает, от чего я практически стою в голос. Он невероятный, и я хочу расцеловать его.

Перед тем как я успеваю это сделать, Рид отстраняется, и я тут же чувствую укол совести — я сделала что-то не так.

— Что случилось, Рид? Я сделала что-то не так?

— Нет, Мэдди. Ты сделала все правильно. Еще пару минут, и я потерял бы контроль. Господи, я так хочу тебя. Ты должна знать это, — парень пододвигается еще ближе, чтобы доказать свое возбуждение, и продолжает, — это из-за того, что случилось этой ночью, я не хочу пользоваться тобой. Я хочу попытаться сделать все правильно. Мне тяжело останавливаться, но я должен.

Он вылезает с кровати, а я не могу оторвать взгляд от черных боксеров, которые не скрывают сильного возбуждения Рида. Он трясет головой и смеется, когда ловит мой взгляд.

— Мне нужно в душ — очень холодный душ, — он разворачивается и выходит из комнаты, а я не могу сдержать смех, видя его состояние.

Мой смех стихает, как только я понимаю, что мне тоже нужен холодный душ.

Я откидываюсь на кровать и начинаю размышлять о том, что произошло со мной. Я в кровати Рида, после изнурительного разговора и приглашения на свидание. Я ему нравлюсь, и он признал, что был полной задницей последние несколько недель.

Хммм, возможно, мне следует поиграть в лотерею. Кажется, сегодня очень счастливый день.

Он возвращается в комнату после душа с обмотанным полотенцем на бедрах. Рид замечает, как я пялюсь на него, и опять смеется.

— Нравится? — теперь он просто хохочет.

Я краснею, а он садиться рядом со мной.

— Все в порядке, Мэдди. Это нормально, что тебя это притягивает. Мне нравится то, что я сейчас вижу перед собой. Сдаюсь, ты самая горячая девочка, — Рид наклоняется и целует меня, перед тем как схватить футболку и штаны. Славу Богу, он идет переодеваться в ванну, так как я уверена, что опять возбудилась бы, если бы увидела его голым.

Когда он возвращается, то уже полностью одет, а жаль.

— Я оставил чистое полотенце и чистую одежду. У меня нет этой всякой девчачьей фигни, чтобы принять душ, но там есть мыло и горячая вода, и я уверен, что именно это тебе сейчас и надо. Ты иди в душ, а я пока пойду, приготовлю нам поесть. Хорошо?

— Отлично, Рид. Еще раз спасибо тебе.

— Шшш — не надо меня благодарить. Это я должен делать, — он целует меня в щеку и продолжает, — я принесу еду сюда, и тебе не надо будет сталкиваться с парнями. Скоро увидимся.

Он был прав. Горячий душ точно помог прийти в себя и почувствовать себя нормально. Его одежда просто огромна для меня, но это неважно. Я пытаюсь затянуть штаны как можно сильнее, но это не помогает — они все равно спадывают. Футболка тоже огромная. Она доходит до середины бедра. Я заглядываю в комнату, чтобы убедиться, что Рид на кухне. И подхожу к шкафу, где он раньше брал боксеры, и стягиваю одну пару. Несмотря на то, что футболка длинная, мне не хочется светить своими прелестями.

Парень приходит через несколько минут с кофе и булочкой с плавленым сыром. Как раз когда он делает плоток кофе, я говорю ему, что на мне его боксеры. Рид, подавившись, округляет глаза, и я понимаю, что мне не надо было делиться такими интимными подробностями.

Он восстанавливает свое самообладание и собирается откусить бутерброд. Но перед этим он говорит:

— Ты еще хочешь мне что-то сказать, перед тем как я укушу? Потому что от такой информации я вообще могу перестать дышать, — я смеюсь и делаю вид, что думаю над тем, что ему сказать.

— Нет, мне больше нечего сказать. Но я предупрежу, если соберусь что-то сказать, от чего ты захочешь проглотить свой язык.

— Спасибо, детка, — он улыбается и игриво толкает меня локтем.

Мы едим в полной тишине, оставив кучу посуды на ночном столике. Душ, полный живот и вообще все, что произошло за последние 12 часов, быстро сморили меня в сон.

Рид обнимает меня. Я кладу голову ему на грудь и спокойно закрываю глаза. Он мягко целует меня и шепчет:

— Закрывай глазки, солнышко. У тебя было тяжелое утро. Давай поспим, а потом я отвезу тебя домой.

Я еще сильнее прижимаюсь к нему, чувствуя себя в безопасности, и перед тем как я успеваю что-либо сказать, мое глаза закрываются, а сон уносит далеко-далеко.

Глава 8

Рид

Я просыпаюсь рядом с невероятно красивой картиной — Мэдди свернулась клубочком рядом со мной и мирно спит. Я не могу сдержать умиленной улыбки. Кто бы мог подумать, что объятия — любого рода объятия — заставят меня улыбнуться.

Сейчас только два дня или около того, и у меня еще оставалось время не будить Мэдди, чтобы отвезти ее домой. Я быстро пишу Мелани, что все в порядке. Ответ приходит тут же.

Мелани: *Что, к черту, происходит, Рид? Я пыталась дозвониться Мэдди все утро, но все время попадала на автоответчик. Что ты сделал?*

Я: *Ничего плохого. Клянусь. Я уверен, она все тебе расскажет, как только доберется домой. Я привезу ее к четырем. Она сейчас спит.*

Мелани: *Ничего плохого? Ты вроде по-другому только и умеешь.*

Я: *Да, знаю, но я пытаюсь измениться. Честное слово.*

Мелани: *Ладно. Ты, вроде, нравишься Мэдди. И у меня даже догадок нет почему, но я попытаюсь принять тебя, ради нее.*

Я: *Сделаешь мне одолжение? Ради Мэдди, конечно.*

Мелани: *Ммм... Конечно, но до тех пор, пока ей это будет нужно, и пока это игра не сомнительна. Ты ходишь по острию ножа.*

Я: *Могу ли я завтра угостить тебя обедом?*

Мелани: *Что? Ты понимаешь, что ты с моей лучшей подругой сейчас? Ты — осел, знаешь об этом?*

Я: *Нет!! Не в том смысле. Я хочу лучше узнать ее, а ты ее лучшая подруга, и поэтому я хочу и тебя узнать лучше.*

Мелани: *Аа... Хорошо. Ладно, но не думай, что ты прощен. Последняя пара заканчивается в 13:30. Встретимся в главном холе, сразу после этого.*

Я: *Спасибо. Увидимся.*

У Мэдди нет отца, чтобы отгонять молодых людей, но Мелани справится с этим не хуже него.

И я точно знаю, для того, чтобы заполучить Мэдди, мне надо победить Мел.

Я чувствую, что Мэдди начинает просыпаться, и тепло улыбаюсь ей. Я до сих пор не могу сдержать усмешки, понимая как все это недопустимо для меня, но в тоже время хорошо и естественно. Я уже чувствую, как стены вокруг моего сердца начинают медленно рушиться. Я хочу рассказать ей, откуда они там, но как я могу так запросто все выложить? Мэдди уже так много потеряла и пытается справиться с этой болью. И также я уверен, что если она узнает, какой я ужасный человек, то у меня просто не будет шанса. Неважно, насколько близки мы будем, я не могу рассказать ей того, что скрываю. Если моя собственная семья не желает принимать меня, то почему это сделает Мэдди? Я знаю, что это оттолкнет ее, и однажды я уже обжегся, ужасно, непоправимо. И я не допущу этого снова.

Девушка, проснувшись, смотрит на меня сонно и так сексуально.

— Привет, соня. Чувствуешь себя лучше?

— Намного лучше. Который час? Как долго я спала? — ее голос такой томный, когда она сонная. Надо что-то придумать, чтобы просыпаться рядом с ней как можно чаще.

— Почти три. Я только что написал Мелани. Она думает, что я украл тебя.

Мэдди смеется. Хотя Мелани отчасти права, в каком-то смысле я действительно ее украл.

— Ну, у нее есть полное право так думать, особенно, учитывая то, что происходило между нами, ты точно не был у нее в фаворитах. — Мне это так нравится, как она изгибает бровь, когда говорит это.

— Я вправду это заслужил. Но я исправлюсь. Обещаю, — я подмигиваю ей, надеюсь, что Мэдди поверит мне.

Я нежно целую ее и выскальзываю из кровати, боясь, что если останусь, то мы никогда из неё не вылезем. Не поймите меня неправильно — я бы хотел провести день и ночь в кровати с Мэдди, но хочу, чтобы все было правильно. Она этого заслуживает.

Когда я натягиваю футболку, Мэдди подходит ко мне сзади, обнимает и кладет голову мне на спину.

— Можно у тебя кое-что спросить? — она такая неуверенная, я уже начинаю думать, что сделал что-то не так.

— Все, что угодно, солнце, ты можешь спрашивать все, что угодно.

Все, но не то, что причиняет мне боль. Я еще не готов к этому.

— Как ты думаешь, что было у меня с Логаном? — ее голос опять неуверенный. Это важно для нее и я знаю, что вел себя, как полный осел. Это только ее дело. И у меня нет права судить Мэдди.

— Он сказал мне, что вы переспали. Все в порядке, Мэдди. У меня нет прав, чтобы осуждать тебя, — вдруг, я жалею, что когда-то с кем-то спал.

Атмосфера в комнате резко меняется:

— И ты поверил ему? Ты не хотел спросить меня, было ли что-то между нами?

Ей больно. Мы всего две минуты состоим в отношениях — или что это между нами — и я уже все испортил.

— Извини, Мэдди. Когда ты вышла из *его* комнаты в *его* одежде, что еще я мог подумать? Потом я с ним поговорил, и он подтвердил, что трахнул тебя, что мне оставалось делать?

Как же мне хотелось избежать этого тяжелого разговора.

— Для начала, ты мог бы позвонить мне и услышать мою сторону, а не сразу же делать выводы.

Все было бы так просто. Я — задница.

Я точно набью морду Логану за это. Одно дело, когда он врет мне, но другое дело, когда он говорит херню про Мэдди.

Я решаю попытаться поднять нам настроение:

— Ну, у меня не было твоего номера, и я не смог бы этого сделать, а сейчас можно твой телефончик?

Она закатывает глаза и уходит, чтобы взять свою сумку. Господи, какая Мэдди милая, когда злится. Как мне это нравится.

Я слышу, как мой телефон жужжит на столике. Она машет своим телефоном:

— Вот. Теперь у тебя есть мой номер. Если захочешь что-то узнать, звони. Спрашивай, а не суди по чужим словам. И так, чисто на заметку, я не спала с Логаном, — она сразу начинает краснеть, начав говорить следующие слова, — я никогда ни с кем не спала, если быть точнее, — Мэдди еле слышно это шепчет.

Мое дыхание перехватывает от того, что я слышу.

Она видит, что я пытаюсь все осознать. Она серьезно? Мэдди ни с кем не спала? Эта девушка невероятная. Как у нее еще не наступил тот самый момент?

— Рид, скажи что-нибудь. Пожалуйста, — она до сих пор смущена и просто не может понять, отчего я в шоке.

Мэдди пытается защититься:

— Я же говорила тебе, что никого не подпускала. Я не давала себе сблизиться с кем-либо. Я пойму, если ты меня не хочешь. У меня нет такого опыта, как у тебя. Но думаю, ты должен знать об этом, до того, как все стало серьезно. Уххх, послушай меня: «до того как все станет серьезно» — мы еще ничего не начинали, но я хочу, чтобы это «серьезно» наступило.

Мои губы просто прерывают ее. Она невероятно милая сейчас, и я не могу сдержаться.

— Мэдди, остановись. Послушай. Я сожалею, что не спросил у тебя. И обещаю впредь говорить с тобой до того, как сделать какие-либо заключения. Ну, а если говорить про то, что ты девственница — то я в шоке. Вот. Ты красивая и забавная, и умная, и просто замечательная.

Она улыбается от моих комплиментов.

— Так это не большой жирный крест? Из-за того, что я девственница?

Мэдди невероятно милая.

— Ты издеваешься? Конечно, нет. Совершенно нет. Мы не будем спешить. Это будет меня убивать, но мы не будем спешить. Я тебе говорил, что хочу сделать все правильно. Не пойми неправильно, я уже много с кем переспал, — ох, к черту все, я говорю еще более ужасные вещи! Я пытаюсь исправить ситуацию, — я имел в виду, что это был просто секс. Никогда не было никакой близости и отношений, — так-то лучше.

— И ты хочешь всего этого? Близости? Отношений? И чего-то большего? Со мной? — у нее есть право сейчас быть скептиком, но я не могу отрицать, что ее недоверие ранит.

— Да, Мэдди. Я бы хотел, чтобы ты дала мне шанс завоевать тебя. Я даже не буду говорить, что буду идеальным. Я никогда не делал ничего подобного, но хочу попытаться. И, блин, если этот физический момент тоже есть, то это просто замечательно, — я подмигиваю ей, прежде чем продолжить серьезный разговор. — После сегодняшнего утра я уверен, что это не будет такой большой проблемой. Просто знай: я не буду настаивать. Я хочу быть с тобой и, когда ты будешь готова, мы сделаем этот шаг. Ладно?

— Ладно, но ты сам это предложил, — она обнимает меня, но в этот раз, уже кладет голову мне на грудь. И я чувствую, как девушка расслабляется.

— Могу ли я что-то спросить?

— Конечно, Рид.

— Как ты достала мой номер? — я приподнимаю бровь.

— Эмм... ладно... Я попросила его у Камми. Ну... на всякий случай.

Как же она очаровательно краснеет, и я снова целую ее.

— Все в порядке, Мэдди. Я рад, что он у тебя есть. Ну, ты знаешь, «на всякий случай».

Она игриво шлепает меня и закатывает глаза.

— Ладно, если мы уже закончили допрос, я отвезу тебя домой.

— Выгоняешь, да? Следующая девушка уже в коридоре? — шутит она, но я слышу, что Мэдди действительно нервничает.

Я аккуратно хватаю ее за плечи и смотрю в глаза:

— Послушай меня внимательно, Мадлен. Я уже говорил тебе, что хочу сделать все правильно. И обещал тебе, что у меня никого не будет. Только ты. Ты, и больше никого. Я хочу тебя с тех пор, как увидел, и попытаюсь не испортить все. Поэтому перестань думать о других девушках. Только ты. Поняла? Я хочу отвезти тебя, так как знаю, что Мелани

чертовски беспокоится за тебя, и я сказал ей, что к четырем привезу тебя. И, кстати, проверь свою почту — она сказала, что пытается связаться с тобой с самого утра.

К концу своего монолога, я страстно целую ее в качестве доказательства. Когда я отрываюсь от нее, то вижу, что глаза девушки расширены, а дыхание сбилось.

— Поняла. Да, точно поняла, — она запинается, касаясь своих опухших губ.

Я подвожу ее до дома и провожаю до дверей. Мэдди возражает, говоря, что мне не надо ее провожать.

— Я же говорил тебе, что буду делать все правильно? Поэтому тише.

В ответ она просто закатывает глаза.

— Ты будешь теперь ходить в спортзал, мы же все уладили? Господи, я надеюсь, что да. Твои шортики стоят того, чтобы проснуться пораньше.

— А ты хочешь? Не хочу, чтобы ты чувствовал, будто я слежу за тобой. Но с другой стороны, на улице уже все равно холодно.

— Ты бегала по тем дорожкам сама? Это же опасно, детка. А если бы с тобой что-то случилось? Пожалуйста, скажи, что ты вернешься в зал.

— Тогда ладно. Увидимся завтра утром. Спасибо ещё раз, Рид, за все. Я знаю, что ты не хочешь этого слышать, но все равно, спасибо. Несмотря на наркотики, это утро было лучшим в моей жизни.

Мэдди тянется, чтобы поцеловать меня, а потом скрывается у себя в комнате. Когда я наблюдаю за ней, то чувствую, как еще одна стена разрушилась.

Как же сильно я хочу пойти в спортзал. Но если я скажу, что это из-за того, что меня приняли в боксерский класс, то точно совру. Мэдди тоже идет туда сегодня, и я хочу, чтобы мое утро началось именно с нее. Я встречаю ее у дверей.

— Доброе утро, красавица, — я наклоняюсь поцеловать мою девушку, но она как-то не решается ответить. — Что? Не хочешь, чтобы тебя увидели со мной? — спрашиваю шутливо, но как же я надеялся, что смогу беспрепятственно целовать ее на глазах у всех, ибо эти 12 часов без нее — просто самоубийство.

Понадобился холодный душ, чтобы пережить эту ночь.

— Нет, не в этом дело. Я просто думала, что это ты не захочешь, чтобы нас видели вместе. Ну, просто свидание это совсем другое. Вчера мы не обговаривали границы, поэтому я не знала, чего ожидать от этого утра.

— Я же сказал, что хочу быть с тобой, разве этого не достаточно? — я приподнимаю бровь. — Давай-ка проясним все, Мэдди. Я не просто хочу сводить тебя на твое первое официальное свидание, я хочу встречаться с тобой. Если ты, конечно, не против. Я не хочу на тебя давить, — я только что это сказал? Встречаться? Да, я попал, очень-очень сильно попал.

— Так, что мне делать? Вернее, что делать нам?

Она точно не поняла, и ее неуверенность заставляет меня думать, достаточно ли я был откровенным?

— Я хочу, чтобы ты была моей девушкой. Когда я думал, что ты была с Логаном, то был вне себя от злости. Лицо Логана может подтвердить это, — я усмехаюсь, а Мэдди строго смотрит на меня.

Ладно, это не смешно, пока не смешно.

— А потом, когда ты флиртowała с тем парнем в бильярдной, я так же не смог

сдержаться. Я не буду говорить, что буду идеальным — черт, у меня даже отношений до этого не было — но я хочу встречаться с тобой. Я хочу попробовать.

Ее молчание просто сводит меня с ума. Я уже хочу спросить Мэдди, о чем она думает. Я хочу подколоть ее, но не хочу отпугнуть и не хочу, чтобы она подумала, что я не серьезный. Я очень серьезный, настолько, что это пугает меня, но никогда еще я не хотел пробовать такое. Но я уже точно решил.

Она до сих пор ничего не говорит.

— Послушай, возможно, все очень быстро. Извини. Может быть, ты решишь после того, как сходишь со мной на свидание? Это тебе больше подходит? — ради нее, я подожду неделю. Точно не вылезу с холодного душа, но подожду.

— Нет.

Что, твою мать, я сделал не так? Почему она говорит «нет»?

Она замечает, как я смотрю на нее, и просто в долю секунды обвивает меня руками и встает на носочки, чтобы поцеловать меня. От нее пахнет мятой, но и теплом в тоже время. Девушка страстно целует меня. Господи, как я люблю ее поцелуи. Когда она отрывается, то ловит мой сконфуженный взгляд.

Кажется, сейчас Мэдди будет все объяснять.

— Я имела в виду, Рид, что нет смысла ждать до нашего свидания. Я буду откровенна. Когда ты в первую нашу встречу кинул меня ради длинноногой барби, я просто вышла из себя. Я не хочу думать о тебе и ком-то еще. Я буду самой счастливой, если стану твоей девушкой, конечно, если ты хочешь быть моим парнем, — она снова тянется к моим губам, подарив невинный поцелуй, и добавляет. — И просто чтобы ты знал, я тоже боюсь. Возможно, ты не видишь насколько. Я боюсь, что мне опять сделают больно, но чувствую себя в безопасности рядом с тобой. Я знаю, что ты будешь стараться изо всех сил. И я не уверена, что мы оба будем такими идеальными, что не причиним друг другу боль, но знаю, ну, по крайней мере, надеюсь, что мы не сделаем друг другу больно специально.

Она чувствует себя в безопасности, когда я рядом.

Я никогда не чувствовал себя таким счастливым, как сейчас. Мэдди все поняла. Она тоже напугана, но дает нам шанс.

— Мэдди, надеюсь, что однажды я стану таким же сильным, как и ты. Ты невероятная. Ты же знаешь это?

— Я? Сильная? Неа, ты, должно быть, путаешь меня с моим парнем, который, — она смотрит на свои часы и продолжает, — опаздывает, чтобы надрать всем задницы, прям как в фильмах.

— Ох, черт, ты права. Я найду тебя, когда закончу, и проведу в библиотеку, — я целую ее и игриво шлепаю по заднице, когда Мэдди заходит в зал передо мной. Она резко поворачивается и говорит:

— Не могу поверить, что ты сделал это, — на что я просто пожимаю плечами и улыбаюсь.

Я чувствую себя живым рядом с ней и надеюсь, что она чувствует то же самое.

Еще одна причина, по которой я опоздал — Логан. Неужели он думает, что ему все просто так сойдет с рук за то, что он солгал про Мэдди? Вчера Логан свалил сразу после того, как я привел Мэдди, и у меня просто не было шанса встретиться с ним. А это как

нельзя лучше. Он даже не представляет, насколько я раздражен, и я собираюсь ему это показать.

Мы оба опоздали, поэтому в коридоре никого не было, когда мы сталкиваемся у дверей борцовского зала.

— Привет, чувак. Как прошли выходные? Я слышал, Мэдди ночевала у нас. Никогда не думал, что ты такой сентиментальный, — он игриво шевелит своими бровями, как будто сказал какую-то гениальную шутку.

Все, я не выдерживаю. Я хватаю его за шею, перекрывая ему дыхание. Он пытается сделать вдох, но как-то не очень получается. Его глаза расширяются: этого он точно не ожидал.

— Идиот. Ничего не хочешь мне сказать? — я надавливаю еще сильнее ему на горло. — Ты — кусок дерьма, Логан. Когда ты мне собирался сказать, что солгал?

Его лицо бледнеет, а глаза начинают закрываться. Наверное, я переусердствовал, приходится его отпустить. Логан соскальзывает вниз по стене, хватая ртом воздух.

Когда парень восстанавливает дыхание, я хватаю его за воротник футболки и поднимаю, чтобы посмотреть ему в лицо.

Он кажется хладнокровным:

— А тебе-то что, Рид? Неужели ты начал уважать девушку на одну ночь? И когда это случилось: до того как ты трахнул ее или после?

Сквозь сжатую челюсть, я рычу:

— Извинись. Сейчас же, Логан.

— Извиниться? Ты с ума сошел. Я даже не знаю, о чем ты говоришь, мать твою.

— Знаешь. У тебя есть шанс извиниться, пока я считаю до трех, потом я выбью все дерьмо из тебя.

Логан пытается все понять, но не достаточно быстро. Я уже начинаю счет. Возможно, хоть это как-то поторопит его взять свои дерьмовые слова назад.

— Раз.

— Рид, ты совсем слетел с катушек. Ты действительно собираешься бить меня из-за такой херни?

Он пытается меня отвлечь, но сейчас такое не прокатит.

— Два.

— Она, должно быть, чертовски хороша. Ты такую кашу заварил не просто так. Просто помни, что я первым ее попробовал.

— Три, — я даже не даю ему шанса ответить в этот раз. Бью его в живот, от чего он сгибается от боли.

Снова пытаюсь восстановить дыхание, Логан не может сказать ни слова. Я наклоняюсь, чтобы он услышал, что я ему говорю:

— Последний шанс, козел. Извиняйся или плати.

Он смотрит прямо мне в глаза, я вижу поражение в них, я уже просто жду его извинений.

— Серьезно, Рид? Ты собираешься избить меня из-за какой-то девки?

— Она не просто «какая-то девка». Она моя девчонка, и я не собираюсь с тобой это обсуждать. Она — моя, а тебе надо бы кое-что объяснить, идиот. Поэтому, или ты начинаешь говорить, или я продолжаю то, что начал.

— Она твоя девчонка? И когда ждать апокалипсиса? — он пытается быть веселым, но

что-то я не в том настроении.

— Это вообще не твое дело, и да, она — моя девушка.

— Тогда ладно. Ты — счастливчик, ибо она хороша в этом деле.

— Хорошо. Пускай будет по-твоему, Логан.

Я не собираюсь объяснять ему, что он должен сказать. Я буду бить его, пока он сам не произнесет слова извинения — это его выбор. Я подхожу к двери и открываю ее для него. Протянув руку в жесте «после тебя», смотрю, как он заходит в зал. Я замечаю, как Логан проходит мимо. Господи, он меня боится!

Но этот кретин и должен меня бояться.

После горячей разминки, инструктор говорит нам разделиться на пары для спарринга. Понятно, что я выбираю Логана. Пытаюсь говорить как можно тише, чтобы услышал только он, я шепчу:

— Твоя задница — моя, Логан.

Как только Бен, инструктор, дует в свисток, Логан уже лежит. Его лицо на матах, мое колено у его почки, а его рука завернута за спину. Он пытается выкрутиться из-под меня, но я еще не готов его отпустить. Я надавливаю коленом еще сильнее, а его руку тяну еще дальше. На его лице отражается гримаса боли, и я отпускаю его. Он сделал свой выбор. Логан мог от меня избавиться, но сейчас я ему задам. Мы оба встаем и начинаем «танцевать» вокруг друг друга, пытаюсь ударить. Он пару раз пытается атаковать, но я достаточно быстрый, и ему не удается даже дотянуться до меня.

Один за другим он пропускает мои удары по лицу. Его щека уже опухала и Логан, должно быть, чувствует, как кровь стекает по его лицу. Он проводит ладонью по лицу, вытирая, а потом смотрит на нее.

— Что это, блять, такое? — спрашивает он.

Мой ответ оказывается очень простым — удар по лицу. Я ударяю пяткой по его боку, а потом следует еще пара ударов, до того как инструктор понимает, что у нас тут происходит. Все остальные толпятся вокруг нас, шокированные тем, что я надрал своему другу задницу.

Я в ярости, мой разум покинул меня. Я опрокидываю его на маты и начинаю просто избивать его: лицо, живот, бока. Он сворачивается в позу эмбриона, пытаюсь спрятаться от моих ударов.

Голосом дикого животного я просто рычу:

— Извинись, я сказал, прямо сейчас!

Кто-то начал меня оттаскивать от Логана. Бен встает между нами, а остальные студенты растаскивают нас по углам. Боковым зрением я вижу, как Мэдди смотрит сквозь стеклянную стену, которая отделяет наш зал.

Я вырываюсь из чужих рук и вылетаю к Мэдди. Она кажется очень напуганной. Я весь потный, и уверен, что и кровь Логана где-то на моей футболке. Девушка пытается отойти, но я тут же преодолеваю это расстояние.

— Шшш. Все в порядке, Мэдди. Я не сделаю тебе больно, обещаю, — я протягиваю свою руку, в надежде, что она протянет свою навстречу. Когда наши руки переплетаются, я тяну ее в зал реслинга. Моя маленькая размолвка с Логаном уже забыта, всеми, кроме Бена и Логана.

Бен заговаривает первым:

— Ты уже остыл, Рид?

— Да, я в полном порядке, — говорю я Бену, но все еще метаю молнии в сторону

Логана.

— Хорошо, потому что если это повторится, ты вылетишь отсюда. Понял?

— Конечно. Это было в последний раз. Обещаю. Мы можем поговорить втроем?

Бен смотрит на нас троих, и я вижу, как понемногу у него в голове складывается пазл.

— Конечно, но не избивай его снова. Хорошо? — тренер выходит из комнаты, и двери щелкают за ним.

Мэдди прерывает эту напряженную тишину:

— Рид, что происходит? Ты меня пугаешь.

— Логан хочет тебе что-то сказать, — я взглядом даю ему понять, что именно.

Он не хочет, чтобы его опять избивали, поэтому наконец-то говорит. Парень смотрит на Мэдди и нервно прочищает горло:

— Извини, что я лгал Риду про нас.

Мэдди шокирована. Она, наверное, думала, что я пушу это на самотек. Неужели она не понимает, что я никому не дам говорить бред про нее?

Я пинаю Логана локтем. Он должен сказать чуть больше, чтобы замять эту ситуацию.

— Я хотел отомстить Риду, после того как он ударил меня той ночью. Но мне не нужно было втягивать в это тебя. Было неправильно говорить ему, что мы переспали, ради того, чтобы вывести его из себя. Я надеюсь, ты простишь меня.

Мэдди просто кивает ему, а потом переводит взгляд на меня.

Протягивая мне руку для пожатий, он говорит:

— Извини. Если бы я только знал, что у вас все серьезно, я бы никогда не сказал такого. Ну, ты просто не из любителей серьезных отношений. Извини, что довел тебя и сказал такую херню про твою девчонку. Мир?

Я еще не готов простить его, и пара «извини», неважно насколько искренне сказанных, не помогут, но для начала пойдет. Мне же жить с этим чуваком в одном доме, поэтому я пожимаю ему руку и говорю:

— Хорошо, все в порядке. Просто держи свой рот на замке.

На этих словах Логан выходит из зала, зализывая костяшки на руках.

Мэдди поворачивается ко мне, не зная, что сказать. Спустя несколько минут, она все-таки находит слова.

— Ты побил его? Из-за меня?

Я уверенно могу сказать, что для нее это было впечатляюще и ужасающе одновременно.

— Он врал про тебя. А это не круто. Я не могу просто закрыть на это глаза. Ты — моя, Мэдди, и ему это так просто с рук не сойдет. Поэтому да, я избил его из-за тебя.

Она должна понять, что я никому не дам ее в обиду.

— Твоя? — ее голос еле слышен.

— Да, Мэдди. Моя. Ты — моя. Пожалуйста, скажи, что ты не против этого.

— И ты — мой? — я слышу недоверие в ее голосе. Черт, даже мне трудно в это поверить.

— Да, детка. Я — твой, а ты — моя. Идет?

Девушка протягивает руку для пожатия, и я не могу сдержать смешка. Я беру ее за руку, и в моем теле «просыпается» жизнь. Ее легкое касание ощущается более волнующим, чем любая физическая близость, которая была до этого. Мы пожимаем друг другу руки, и она говорит:

— Да, идет. Но при парочке условий.

Наши руки до сих пор сцеплены, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее дрожащие губы.

— Все, что хочешь, Мэдди. Выкладывай свои условия.

— Первое — перестать бить своих друзей из-за меня, — она поднимает бровь, показывая, что недовольна моей выходкой.

— Пока они не будут говорить всякую херню, все будет в порядке, — я снова целую ее, показывая, что жду следующего условия.

— И второе, на следующее занятие не одевай футболку, обещаешь? Ты чертовски красивый! — Мэдди кладет ладони на мою грудь и тянется на носочках, чтобы поцеловать.

Я не могу сдержать улыбки, которая расплзается на все лицо.

— Я точно могу согласиться на эти условия, милая. А сейчас пошли в душ, скоро уже на пары.

Мы быстро целуемся и расходимся. Если раньше она не верила, что я отдаюсь этим отношениям на 100 %, то сейчас точно поверит.

Когда мы прогуливаемся с Мэдди по кампусу, появляется такое чувство, что я взлетел в небо. Я бы хотел провести с ней целый день, но у нее занятия до трех, а значит, у меня есть возможность встретиться с Мелани без ведома Мэдди.

Я знаю. Знаю. Честность и открытость — самое важное, но у меня же хорошие намерения. И я честно собираюсь рассказать Мэдди о том, что обедал с Мелани, только вечером. Я просто не хочу, чтобы она заранее волновалась. Плюс, после ее вчерашних откровений про отца и моих тупых комментариев по этому поводу, я не хочу сказать еще что-то такое же тупое.

Мой план — победить Мелани. Я знаю, что не в ее фаворитах, но Мелани единственный человек, которого Мэдди впустила в свою жизнь. Мне просто необходимо, чтобы она меня поддержала.

Я добираюсь до главного холла раньше, чем Мелани, и думаю, что хорошим жестом будет купить для нее обед. Я заказываю ей салат с курицей и бутылку воды. Мой борцовский класс просто выжал меня утром — достаточно сильно выжал — я голоден. Просто насыпьте мне полную тарелку, и я съем все. Я покупаю себе чизбургер и картошку фри. Не самая полезная еда, но для пацана самое то.

Когда я вижу Мелани, то машу ей. Да, неловкая встреча. Мы еще не дошли до стадии «обнимашек». И я не могу хлопнуть ее по спине, как чувака. И мы не на бизнес-встрече — рукопожатие будет не в тему. Поэтому я просто стою там и машу в приветствии. Да, я помахал. Господи, какой я идиот.

Она садиться, смеясь.

— Привет, Мелани. Спасибо за то, что пришла.

— Без проблем, Рид. Ради Мэдди все, что угодно, ты же знаешь. И зови меня Мел. Сейчас я возьму что-то покушать. Скоро вернусь.

Я останавливаю ее:

— Нет, подожди, Мел. Я уже все заказал. Это самое меньшее, чем я могу тебя отблагодарить.

Девушка смотрит на меня взглядом, будто видит единорога.

— Эм, хорошо. Спасибо. Так мило с твоей стороны. Мне нужно было почитать перед парами, и я не успела позавтракать, а сейчас чувствую, что чертовски голодна, — она смотрит на мой бургер таким взглядом, будто до этого никогда не видела еду.

— Ну, тебе повезло. Я не был уверен, что ты любишь, и заказал бургер с картошкой фри, какой студент не любит это? — мой желудок ужасно протестует, когда я поддвигаю к ней тарелку.

— О Господи. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Это невероятно вкусно, — она откусывает огромный кусок бургера. — Ты такой хороший. Салат — не для меня, но Мэдди говорит, что если ты хорошо занимаешься, то оно никуда не отложится.

Если бы я был тут не из-за Мэдди, то тут же перегнулся бы через стол и забрал бургер. Ты — счастливица.

Я думаю, что смогу взять и себе бургер, после того как она уйдет, поэтому просто начинаю есть салат — дурацкую еду для кроликов. Проглотив свое дурное настроение, начинаю рассказывать ей про мою новую секцию.

— Да, я занимаюсь каждое утро. И не буду лгать — стало намного легче вставать по утрам, с тех пор как туда ходит кое-кто особенный для меня. Но я только начал осваивать ММА — смешанные боевые искусства.

— Не надо было это объяснять. Великолепные спортивные парни борются, все в поту. Да, я знакома с этим видом спорта, — ее разъяснение заставляет меня улыбнуться.

— В любом случае, я уверен, что Мэдди рассказала тебе про то, как я уже пару раз был мудаком с ней и Логаном. У меня всегда были проблемы по контролю с гневом, сейчас самое время с этим разобраться. Когда я увидел листовку в этот класс на прошлой неделе, то подумал, что это прекрасная возможность.

— Это замечательно, Рид, но я не понимаю, зачем ты мне это рассказываешь. Ну, я знаю, что ты хочешь дружить со мной, но чего ты действительно хочешь? Я до сих пор уверена, что ты не из тех милых парней.

— Мне надо кое-что узнать...

Мел прерывает меня, даже не дослушав, и зло смотрит на меня:

— Я здесь НЕ для того, чтобы рассказывать тебе про Мэдди. Все, что ты хочешь узнать — спроси у нее. Я и Мэдди храним наши тайны, и я не собираюсь это менять только потому, что ты захотел что-то узнать. Я знала, что эта встреча не к добру.

— Нет, Мел, пожалуйста, послушай. Пару дней назад я не закрыл свой рот, когда надо, и сказал, что у ее папы были бы все шансы отгонять любых парней от нее. Знаю, не надо было это говорить, это очень расстроило Мэдди. И потом, когда я переписывался с тобой, понял, что в какой-то степени ты защищаешь Мэдди, — я пожимаю плечами, пытаюсь объяснить. — Я просто хотел, чтобы ты знала, что я работаю над своей злостью и не обижу ее. Я был так зол на Логана, но ее я бы никогда не тронул. Никогда. И я просто хочу, чтобы ты знала это. Кроме того, думаю, что Мэдди поняла все этим утром.

— Ммм, да, на счет того, что ты практически обозвал ее шлюхой, за то, что она была с Логаном. Ты же видишь в этом иронию? Даже если бы она спала с Логаном, называть ее шлюхой — тупо, — она останавливает свой поток оскорблений, но я ничего не говорю — Мел права. Такое чувство, что она просто не понимает, что со мной делать.

Наконец, она решает и говорит:

— Но ты, Рид, спас Мэдди от того мудака, который накачал ее чем-то, а это доказывает, что ты не хочешь навредить ей. Хорошо, что ты не только остерегаешься своей злости, но и пытаешься работать над этим. А это, несравненно, бонус, — искренне улыбается девушка.

Я одерживаю победу над Мелани, маленькую, но победу.

— Спасибо, Мел. Я знаю, что у тебя нет от Мэдди секретов, и я не хочу узнать все о ней

от тебя, но скажи, чего лучше не спрашивать. Мне больно смотреть на нее, когда я спрашиваю о родителях, и придется идти километровыми шагами, чтобы преодолеть это.

— Ее родители — очень опасная тема. Но если бы ты потерял родителей, когда тебе было десять, и тебе пришлось бы жить с человеком, которого ты до этого не знал, я уверена, что для тебя это тоже была бы большая тема. Да, действительно, ей становится легче. Мэдди работает над собой. Я думаю, что она просто устала быть грустной и прикладывает невообразимые усилия, чтобы снова стать веселой. Думаю, что ты тоже немало важный фактор в этом, поэтому просто не испортить все, — правильно говорит Мел, Мэдди веселая, но в тоже время и серьезная.

Я точно понимаю это. Серость и грусть — вот, что я чувствовал последние пять лет. Потеря всей семьи, точно сделает любую жизнь такой. Я только надеюсь, что однажды смогу начать бороться со своей болью, как это сделала Мэдди. Возможно, однажды я это преодолею.

Вместо того, чтобы высказать свои напряженные мысли — те, которыми я не готов делиться — я просто киваю и улыбаюсь.

— Я обещаю, что буду стараться изо всех сил, чтобы ничего не испортить. Можешь сказать мне еще одно? — я смотрю на нее взглядом, как котенок из «Шрека».

— Да, конечно, но поторопись. Через пятнадцать минут у меня пара в другом конце кампуса.

— Так пошли. Я тебя доведу туда. Могу даже понести твои книги, — предлагаю я, а Мел просто дарит мне улыбку, за который скрывается сарказм.

— Да, я пытаюсь быть джентльменом. Можешь ли ты хоть чуточку поверить в это? — я показываю пальцами насколько чуточку.

— Ладно, хорошо. Это мило с твоей стороны, делать такое ради Мэдди. Для нас, на самом деле. И у меня есть такое чувство, что если ты сдержишь свои слова, то мы будем видеться намного чаще. И было бы ужасно, если бы мое мнение о тебе не поменялось, — я хватаю ее книги, и девушка идет вперед, улыбаясь. Да, теперь я понимаю, почему она лучшая подруга Мэдди. Они так похожи.

— Хорошо, милый Конелли. Что еще ты хочешь узнать? — спрашивает она, когда мы выходим из кафе.

— Я пригласил ее на свидание в пятницу и хочу, чтобы оно было особенным для нее. Поэтому подумал, может, ты мне подскажешь, как это сделать, не выдавая секретов Мэдди, конечно. Домашняя еда и фильм напрокат? Или изысканный ресторан и арт-центр, или еще что-то?

Пожалуйста, скажи что хочешь, но только не арт-центр. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!!!

— Точно не арт-центр, это не по ее части. Но есть какие-то тупые видео игры, в которые она меня пыталась втянуть.

— Ты мне говоришь, что Мэдди любит видео игры? Мэдди — высокая, горячая Мэдди — любит играть? Господи, это невероятно!!!

— Да, она обожала видео игры, когда мы были еще детьми. Я ненавидела их, поэтому она не могла в полной мере наиграться. Брайан сказал про одну игру на днях, и Мэдди просто пускает слюни, но я не хочу играть в нее. Думаю, что ей понравятся аркады. И ты заработаешь плюсики лично от меня. Если ты будешь с ней играть, то мне не придется.

Я просто не могу не рассмеяться. Вполне понятно, что Мелани любит Мэдди, как

сестру, но видео игры это уже слишком.

— Она любит просто отдыхать и смотреть фильмы. Это точно ее. И в восторге от фильмов Джона Хьюза. Выбери любой из его фильмов, и ты выиграешь.

— Спасибо тебе большое, Мел. Буду иметь в виду. Я знаю, что это ее первое «настоящее» свидание, и хочу сделать его особенным для нее. Хочу, чтобы Мэдди наслаждалась.

— Рид, честно, она говорит про тебя все время, поэтому до тех пор, пока ты рядом, Мэдди будет наслаждаться свиданием. Помни это, и просто отрывайтесь. Мне уже надо идти. Пара скоро начнется. Спасибо за обед. Скоро увидимся, — девушка машет мне на прощание и уходит.

Когда она входит в здание, я снова могу нормально дышать. Все прошло хорошо, очень хорошо, на самом деле. Я подружился с Мел и накопил «компромат» на Мэдди, который я не буду использовать, понятное дело.

Я смотрю на часы — у меня остался час до встречи с Мэдди — я должен забрать ее с пары.

А также у меня есть час, чтобы понять кто такой Джон Хьюз, чтобы скачать все его фильмы к пятнице.

Глава 9

Мэдди

Через час у меня свидание с Ридом, и я вне себя от волнения и тревоги. Я дурочка, на самом деле. Ну, в смысле, я уже заканчиваю первый семестр первого курса, а волнуюсь, как 16-летняя идиотка. Мелани сегодня вообще расслабилась, похоже. Она сказала мне, что на этой неделе встречалась с Ридом, который выпытывал у нее детали идеального свидания. Мел уже спрашивала у меня о моих предположениях насчет того, куда мы пойдем, что будем делать, что я одену и все такое. Для меня был достаточно странным тот факт, что они обедали вместе. Я была даже зла на Рида из-за того, что он не встретился сначала со мной, но он был каким-то нервным тем вечером с этими его «я должен тебе кое-что рассказать» и «не хочу, чтобы ты из-за этого разочаровывалась во мне». Ну и я просто не могла наехать на него. Рид просто хотел сделать этот вечер особенным, и мое сердце замирает, когда я понимаю, что он действительно старается.

Даже несмотря на то, что мы вместе ходим в зал, Рид провожает меня до кабинетов, и каждый вечер перед сном мы переписываемся, он ничего не рассказывал мне о свидании. Мы говорили практически обо всем, но сегодняшней вечер проходил под грифом «секретно». Я стою у шкафа и не могу выбрать, что же надеть — это тупик. Я смотрю на бесчисленные наряды, довольно красивые, надо сказать, но я не хочу надевать джинсы, на случай, если мы пойдем в какое-то шикарное заведение. Не то чтобы по Риду можно было сказать, что он обожает эти «шикарные рестораны», но я просто не знаю, чего ожидать.

Внезапно я вспоминаю Джулию Робертс, которая кидала улиток в ресторане. Я просто надеюсь, что наша пятница будет менее официальной. По плану мы встречаемся у его дома через час, и я не знаю, чего ожидать. Я напишу ему. К черту все.

Я: Привет))

Рид: Привет, красавица. Уже ждешь сегодняшнего вечера?

Я: Очень;) Я знаю, что ты был весь такой таинственный, но не мог бы ты дать мне намек на то, что одеть? Я уже замучилась!

Рид: Даже если ты оденешь мешок из-под картошки, ты все равно будешь выглядеть восхитительно;) но джинсы и футболка идеально подойдут.

Я: Супер, спасибо. Скоро увидимся. xxx

Джинсы. Супер. Теперь я снова могу нормально дышать. Я выбираю супер соблазнительные черные джинсы и красную футболку. Пара черных конверсов идеально завершает повседневный наряд. Макияж делаю естественным, как и всегда, волосы я распускаю, тоже как обычно. Я решаю добавить какого-то драйва в свой образ, одев черную кожаную куртку. Замечательно. Я выгляжу горячо, с чем соглашаются и девчонки. Конечно же, все трое были сегодня дома. Не уверена, зачем мы собрались вчетвером в этой гостиной, но они хотят подготовить меня.

Лия присвистывает:

— Мэдди, ты прямо-таки все вооруженные силы подняла. Как ты могла скрывать такую «кожанку» от меня все это время? Я уже хочу ее поносить, — девушка практически стягивает ее с меня, пока говорит.

— Я спрятала ее, потому что ты мне ее никогда бы не отдала обратно. Ну, ты помнишь про мой розовый топ, черные лодочки на каблуке, серебряные сережки-кольца и очки Guess. Ты видишь тут надпись «Мисс Лия»? — я показываю ей язык. Я очень люблю эту девчонку, но она все теряет.

— Рид, сойдет с ума, — балл от Мел.

— Надеюсь. Я вообще не представляю, что мы будем делать и волнуюсь из-за этого, — я смотрю на Мел, она же знает, что меня ждет, но лишь застегивает губы воображаемой молнией.

— Я отыграюсь, Мел. Запомни.

Камми отзывается из кухни, где делает попкорн к фильму:

— Неважно, что ты с ним делаешь, но продолжай. Я уже долго его знаю, и с тобой Рид становится совершенно другим, Мэдди. Он даже мне начинает нравиться! — даже она не верит, что говорит это.

Лия направляется на кухню, чтобы набрать всем содовую, продолжая говорить по дороге:

— Да, он точно изменился. Я даже не ненавижу его.

Я смотрю на Лию. Я знаю, что Рид был полной задницей, но не хочу больше это вспоминать.

— Спасибо, девчонки. Это очень приятно, что вы замечаете, как он меняется. Тяжело поверить, что он — тот парень, которого я встретила на той вечеринке, — я пожимаю плечами. — Я верю ему, и Рид делает меня счастливой.

Девочки кивают головами в ответ, соглашаясь со мной. Если они видят изменения в нем, то точно заметили, как поменялась я.

— Я открою, — весело говорит Лиа, когда мы слышим стук в дверь.

Серьезно, она бывает хоть когда-нибудь *хмурой*?

Девушка открывает дверь тому, кого я могла бы описать только как самого красивого

мужчину в мире. На пороге стоит Рид, плотоядно оглядывая меня. Он одет, как и я, повседневно и расслабленно, но что-то в нём есть и от «плохого мальчика», что-то, что заставляет всё во мне сжиматься. Его темные джинсы протерты на колене, но не по-модному капризу какого-то известного дизайнера. Я уверена, что Рид не стал бы гоняться за джинсами, которые стоили бы больше двадцати баксов. Его голубая кофта идеально подчеркивает мышцы рук и груди. Какой же он красивый, я не могу поверить, что он мой.

Его лицо такое точенное и жесткое — эталон мужской красоты. Но его губы, ох, Господи, его губы невероятны. Я лично могу засвидетельствовать, что они невероятные. Назвать его глаза просто голубыми было бы значительным преуменьшением. Вблизи они словно океанские волны: сильные и бушующие, но в тоже время успокаивающие и завораживающие. Вокруг голубой пропасти есть крапинки золота. Я могла бы смотреть в эти глаза часами.

Я так долго всматриваюсь в него, что пропускаю гигантский букет у него в руках. Во рту просто пустыня разворачивается от его крутизны и невероятного запаха букета, и я практически лишаюсь дара речи. Когда ко мне наконец-то возвращается способность двигаться, я подхожу к Риду и, встав на носочки, тянусь к его щеке, чтобы поцеловать.

— Ты принес эти цветы для меня? — шепчу я.

Ну, для кого же еще он мог их принести?

Рид только кивает, осматривая меня. Приятно осознавать, что я произвожу на него такое же впечатление, как и он на меня.

— Никто никогда еще не дарил мне цветов. Никогда. Они очень красивы, Рид. Я обожаю каллы. Как ты узнал? — наконец-то мой голос начинает возвращаться, но я до сих пор в шоке от его подарка.

— Ну, мне помогли, — и быстрый взгляд на Мел. Она подходит к нам и забирает цветы.

— Я поставлю их в воду. Идите, веселитесь. Увидимся позже, — подруга обнимает меня и подталкивает к двери, а потом говорит что-то тихо на ухо Риду. На что мне остается только закатить глаза.

Я могу предположить, что это за указания «веди себя хорошо и не облажайся». Рид наклоняется, целует меня и спрашивает, готова ли я. Я хватаю свою сумочку, и мы уходим.

Рид берет меня за руку и переплетает наши пальцы. Когда мы идем куда-либо, он всегда держит меня за руку. Как мне это нравится. Честно говоря, я думала, что Рид будет странно вести себя на публике, когда мы вместе. Но чем больше мы проводим время на глазах у всех, тем больше я понимаю, что он говорил мне правду — он настроен серьезно. Но его сегодняшний жест с цветами и вчерашние милые смс доказывают, какой же он невероятный. Задумавшись обо всей этой милой картине, меня осеняет:

— Хей, я думала, что мы должны были встретиться у тебя. Или я что-то перепутала? — спрашиваю я. Он совершенно запутал меня своей красотой.

До того, как Рид отвечает, мы доходим до машины, и он провожает меня до пассажирской двери. А затем придавливает меня к ней так, что наши тела полностью соприкасаются. Он поднимает мой подбородок, от чего я могу лишь смотреть в его сапфировые глаза. Другой рукой Рид нежно гладит меня по щеке:

— Я хотел, чтобы все было неожиданно. Это твое первое свидание, и я хочу, чтобы все было идеально, а это значит, что я буду везде тебя сопровождать, покупать тебе цветы и говорить тебе как сексуально ты выглядишь.

Он наклоняется ближе и накрывает своими губами мои. Его язык нежно ласкает мои

губы, начиная вторжение. Рид кусает мою нижнюю губу, и я тут же стремлюсь ему на встречу. Я обвиваю руками его шею и запускаю пальцы в мягкие шоколадные волосы. Одной рукой он обнимает меня за талию, а второй держит за шею.

Поцелуй перерастает в несдержанный и страстный, и кажется, что он длится вечно. Наши руки двигаются, исследуя. Его рука, лежавшая до этого на талии, начинает подниматься выше, опасно приближаясь к груди. Мои соски твердеют от одной мысли о том, что он их трогает, играет с ними и покусывает. Я чувствую его возбуждение и прижимаюсь к нему еще сильнее. Я хочу его больше, чем кого-либо, и вполне очевидно, что меня Рид хочет не меньше. Я кусаю его губу от этой мысли, и он практически рычит в ответ.

Когда мы слышим, как какие-то подвыпившие подростки кричат: «Чувак, сними комнату», мы прерываем наш поцелуй. Рид смотрит на меня взглядом полным страсти.

— Красивая. Ты такая красивая, Мэдди, и так одуренно целуешься, — он отступает и открывает мне дверь. Я вижу, что Рид пытается взять в себя в руки, когда обходит машину.

Он определенно мечтает сейчас о холодном душе.

Сев в машину, Рид берет меня за руку, переплетая наши пальцы, а потом мягко целует ее.

— Ну, Мэдди, ты готова к лучшему свиданию в твоей жизни? — спрашивает он, глупо улыбаясь.

Я не могу сдержать улыбки в ответ.

— Да, Рид. Я готова к чему угодно, пока ты так сексуально скрываешь карты.

— Я не могу поверить, что ты надрала мне задницу. Seriously, кто бы мог подумать, что ты такой игрок? Невероятно горячая, милая и ко всему ещё и игрок? Я точно выиграл свою девушку в лотерею!

Как же я люблю, когда он называет меня своей девушкой. Я знаю, что он уже говорил мне кто мы друг другу, но это приятно.

— Ну, разве было бы весело, если бы ты знала весь план? — улыбаясь, он отвечает на мой вопрос: «Что мы сейчас будем делать?»

— Или надрать тебе зад во всех видео играх — это и был план? — ухмыляюсь я, а он в ответ просто закатывает глаза.

— Можешь уже залезть в машину и прекратить тыкать победой мне в лицо? — Рид быстро шлепает меня по заднице, изображая обиду, но я-то знаю, что он всего лишь дразнится.

Я забираюсь в машину и включаю радио. Играет акустическая версия Foo Fighters «Everlong», и я тут же рассказываю Риду, как люблю эту песню. Я делаю громче и начинаю подпевать — громко подпевать, не попадая в ноты. Рид просто смеется. Когда Дэйв Грол поет «Breathe out, so I can breathe you in» (*прим. ред.: «Сделай выдох, чтобы я мог вдохнуть тебя в себя»*), Рид наклоняется ближе и шепчет мне эти слова на ухо, от чего по моей спине пробегают мурашки, а кровь начинает медленно закипать. Я всегда хотела, чтобы кто-то сказал мне нечто подобное, кто-то, кто любил бы меня без причины и дал бы мне почувствовать себя любимой, лишь одним вот таким предложением, произнесенным шепотом, прямо как сделал это сейчас он. И в этот момент я понимаю, что запала на этого невероятного парня.

Мы доезжаем до огромного парка. Там парочки выгуливают своих собак, а ребята

играют в фрисби. Должна заметить, я вообще не думала об этом месте. Знаете, прогулка в парке у меня не совсем ассоциируется со свиданием. Не желая испортить все настроение, я просто молчу.

Мы гуляем, держась за руки, конечно, в уютной тишине. Но я так хотела больше узнать о нем, что просто не могу сдержать свой поток вопросов.

— Расскажи про свою семью. Ты уже знаешь о моей.

Его реакция на мой, казалось бы, простой вопрос просто ошеломляющая. Он больше не спокоен и расслаблен. Его рука вспотела, плечи напряглись, а челюсть сжалась. Я уже жалею о своем вопросе.

Его слова звучат холодно и отрывисто:

— Не о чем особо говорить. Я не хочу говорить о своей семье.

Очевидно, он не собирается продолжать этот разговор. Я не хочу давить на него, чтобы не портить наш вечер, поэтому просто говорю:

— Все в порядке, Рид. Ты не должен говорить о них. Я просто хочу узнать тебя лучше, вот и все, — я дотрагиваюсь до его щеки и целую, в доказательство своих слов. Молодой человек сразу расслабляется, и я пробую перейти на другую тему.

— Ну... — я пытаюсь вытянуть из себя какие-то слова, чтобы хоть как-то сбросить напряжение. — Ты уже ждешь окончание семестра? Не могу поверить, что ты закончил раньше и начал интернатуру. Это круто, Рид. Расскажи мне об этом.

Он улыбается.

Ладно, учеба — безопасная тема для разговора. Приму к сведению.

— Я волнуюсь, но в тоже время и жду. Понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя, но после того как я прошел курсы по консультации, я понял, что нашел то, что мне по душе. У детей не всегда есть с кем поделиться своими проблемами — зачастую они делают то, что им навязывают другие, поэму я всегда хотел помогать детям. Стажировка проходит в школе, где есть возможность быть и психологом, и социальным работником, и методистом. Потом я собираюсь пойти на работу в школу, неважно, какую из этих профессий я выберу, потому что это хорошая возможность опробовать столько направлений сразу и выбрать впоследствии наиболее подходящее.

Я в восторге оттого, с каким энтузиазмом Рид собирается помогать детям. Моим первым мнением о нем было то, что его не заботят другие, что он полный идиот — но правильно говорят, не суди книгу по обложке. Рид добрый и заботливый, и он хочет помогать детям. Интересно, есть ли у него какая-то личная мотивация? Но увидев его реакцию на вопрос о родителях, я не хочу спрашивать.

— Рид, это невероятно. Я так рада за тебя. Ты достигнешь успеха, я уверена.

Он улыбается мне, а я просто млею от его улыбки. Он невероятный и милый. Я — победительница. Вообще не понимаю, как я выиграла такой приз.

— Вот мы и пришли, — мы останавливаемся перед... ну, перед ничем. Это просто открытый участок травы на горе. Рид видит, что я ничего не понимаю, и улыбается. Он говорит мне постоять здесь, пока не вернется. Парень исчезает в деревьях позади нас, а когда выходит, я просто не могу сдержать улыбку. Он выносит большое покрывало, мини-холодильник и подушки.

— Ты такой милый. Это невероятно, Рид. Спасибо тебе.

Мы раскладываем покрывало и все расставляем. Он открывает холодильник и достает пару бутылок воды, тарелки и приборы, но еды там нет.

Я смотрю на него, но не хочу смущать его из-за того, что он забыл еду.

И как только я собралась ему намекнуть, Рид смотрит на что-то позади меня и улыбается. Не сказав ни слова, он встает и проходит мимо меня. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, что там происходит, и вижу, как он расплывается с доставщиком.

Вернувшись назад, Рид улыбается и спрашивает:

— Ты же не думала, что я буду готовить? Я хочу, чтобы ты пробыла со мной как можно дольше, а если я буду готовить, то ты тут же убежишь, — парень начинает доставать контейнеры с едой.

— Ты заказал китайскую еду? Ох, Господи!! Мы с Мел уже побывали во всех китайских ресторанчиках в городке, и они все просто ужасны. Я умираю, как хочу лапшу с креветками. Пожалуйста, скажи, что ты ее заказал, — я поражена тем, насколько он все продумал.

— Мне пришлось позвонить в соседний город ради нее и заплатить двойную сумму за доставку, но ты так счастлива, что эта лапша стоит каждого заплаченного пенни. Видишь? То, что я подружился с Мел, не так уж и плохо, — Рид передает мне мою тарелку.

— Если ты планируешь устраивать такие же прекрасные вечера как этот, то не так уж и плохо, что вы сдружились. Продолжай в том же духе!

Его смех из-за моих комментариев делает со мной невероятные вещи. Я никогда не чувствовала такого. И совершенно точно никто никогда не заставлял меня так чувствовать себя.

Когда мы едим, то полностью теряемся в разговоре. Я не удивлена, что у нас очень похожие вкусы — начиная от книг и заканчивая музыкой. Как с ним легко! Мы все время смеемся и улыбаемся, мы даже есть иногда забываем.

Рид притягивает меня к себе, отложив тарелку, и целует меня в макушку.

— Мэдди, как же мне хорошо. Я знаю, что у тебя такого еще не было, как и у меня, собственно говоря. Я очень счастлив видеть, что ты счастлива. Я очень долго издевался над тобой и заставлял плакать.

— Остановись. Все уже в прошлом. К тому же я счастлива, так как я сейчас с тобой, и поэтому вся хрень, что произошла между нами, уже не имеет значения. Ладно? — я прижимаюсь к нему и целую его грудь, вдыхая запах. Как же он невероятно пахнет.

— Итак, какой твой любимый фильм? — спрашивает он, продолжая наш разговор про любимые вещи.

— Я обожаю *«Красотку в розовом»*, — по его выражению лица можно точно сказать, что он о таком фильме никогда и не слышал, ну это и неудивительно. Рид не из таких парней, которые выбирают фильм по словам «красотка» и «розовый».

— Ух, никогда о таком не слышал. О чем он? — он хотя бы интересуется.

— Он о причудливой, но классной девушке Энди, у которой был только один друг. Мама от нее ушла, а папа психически не здоров, поэтому можно сказать, что она сама по себе.

Рид понятливо улыбается мне, становится ясно, что он сразу понимает, почему именно этот фильм так запал мне в душу. Я улыбаюсь ему в ответ и продолжаю:

— Она влюбилась в парня, Блейна, невероятно красивого и богатого, короче говоря, в полную ее противоположность. Его друзья ненавидели Энди, ведь она не состояла в их «крутой компании», и отговорили его приглашать ее на выпускной. Поэтому ее лучший друг, Дакки, который был безответно влюблен в Энди, пришёл ей на помощь, предлагая пойти на выпускной вместе. Когда Блейн увидел ее, то понял, что совершил огромную ошибку и

извинился.

— И что же произошло в конце? Парень отвоевал девушку? — он кажется таким заинтересованным, хотя такое ощущение, что говорит Рид сейчас не о фильме.

— Да. Даже несмотря на все препятствия, они остались вместе, — как же я надеюсь, что он поймет, что я тоже не о фильме говорю.

Мы сидим еще несколько минут, уже начинает смеркаться, и Рид предлагает уйти, пока совсем не стемнело. Он все упаковывает, и мы идем обратно через парк. Я думала, что мы уже идем в машину, но, завернув за угол, вижу, как на поляне собирается огромная толпа. Они все садятся перед огромным экраном на подушки и пледы.

Когда я смотрю на него в ожидании объяснений, мой спутник просто отвечает:

— Ожидалось, что все будет неожиданно, детка, — он лишь смеется и расстилает на земле плед. Рид хлопает по месту рядом с собой, и я присаживаюсь к нему.

Устроившись рядом с ним, я спрашиваю:

— И что сегодня показывают? Я слышала про эти вечера в парке, но не думала, что их до сих пор проводят.

— На самом деле, думаю, что этот раз — последний. Уже холодает, но у меня есть отличный способ согреть тебя, — он соблазнительно смотрит на меня и смеется, затем говорит:

— Я не уверен, что они сегодня показывают. Давай подождем и увидим, — я вижу озорной блеск в его глазах. Он что-то задумал.

Когда фильм начинается, я тут же его узнаю — это фильм про который я рассказывала Риду чуть раньше — «Красотка в розовом» — мой *самый* любимый фильм.

— Что, к черту, происходит? Ты все подстроил? — я смотрю на него. — Это просто невозможно, чтобы из всех фильмов они выбрали именно этот, — мои вопросы просто вылетают один за другим. Рид просто пожимает плечами и смеется с меня.

Должно быть, это все Мел, вот маленькая стерва. Но я не могу беситься, вот честно. Это все просто невероятно.

— Ну, Мел рассказала мне о твоих любимых фильмах и, когда я понял, что это последний такой вечер в парке, я *должен был* уговорить их показать особенный фильм.

Я нахожусь в полном шоке. Я обнимаю его и говорю:

— Рид — ты невероятный. Спасибо тебе огромное. Я никогда не забуду сегодняшний вечер.

Мы смотрели фильм, закутавшись в одеяло, и потом, когда он довез меня до дома и провел под дверь, поцеловал на прощание. Я практически растаяла, когда он мне сказал:

— Спокойной ночи, Мэдди, и сладких снов. Убедись, что именно я буду сниться тебе. Я знаю, что мне будешь сниться только ты.

Глава 10

Рид

Мэдди соблазнительно склоняется надо мной. Я лежу на спине, на кровати, а она сидит на мне, такая обнаженная и красивая. Ее грудь касается моей грудной клетки — такая нежная и мягкая. Я не могу сдержаться и дотрагиваюсь до нее. Это инстинкт —

меня тянет к ней как никогда раньше. Я дотрагиваюсь пальцами до ее сосков. Девушка стонет и выгибается в моих руках. Она полностью в моей власти, я немного массирую ей соски и слегка тяну их. Мэдди опускает свои бедра ниже. Ей это нравится, и я тяну еще сильнее.

Прижавшись к ней еще ближе, я целую ее светлую фарфоровую кожу перед тем, как взять ее розовый сосок в рот. Мэдди практически стонет в ответ, и когда я кусаю его, она не может сдержать дрожь. Девушка толкается сильнее, просто сгорая. Я чувствую ее жар, он пронизывает меня. Я провожу дорожку поцелуев от груди до шеи. Целую и облизываю каждый сантиметр ее тела, до которого могу дотянуться. Она наклоняет голову, чтобы дать мне больше доступа. Затем склоняет её к моей шее, и я чувствую ее горячее дыхание. Мэдди стонет, и я с трудом могу разобрать свое имя.

Она приподнимается и снова резко садится, полностью принимая меня в себя. Я почти кончил. Она такая сексуальная и возбужденная. Мэдди уже практически не может контролировать себя. Она дотрагивается руками до моей грудной клетки и проводит ногтями по торсу, задевая соски. Мои глаза закатываются. Девушка двигается ниже, соскальзывая с меня, берет мой член и начинает гладить его, я больше не могу терпеть. Держа меня в руке, она шепчет мне на ухо:

— Я хочу сделать это ртом, Рид. Я хочу тебя облизать и узнать на вкус, каждый твой сантиметр. Ты мне разрешишь это сделать? — все мысли вмиг ускользают от меня.

Мэдди опять спускается вниз, устраиваясь между моих ног. Я чувствую ее теплое дыхание. У меня нет сил больше сдерживаться. Она наклоняется и берет меня в рот. Ее золотые шелковые волосы создают между нами вуаль. Я протягиваю руку, чтобы убраться от нее. Мне нужно видеть, как она берет меня в рот, как я пропадаю у нее в ротике.

Когда я сжимаю ее волосы в кулаке, Мэдди облизывает головку, прежде чем взять в рот, Боже, это просто рай на земле. Вначале она действует аккуратно, неуверенно, поэтому я направляю ее рукой, не заставляя ее идти дальше. Но потом девушка ловит свой собственный ритм, и я практически теряюсь в ощущениях. Я падаю на кровать, запрокинув голову. А попытки открыть глаза с треском проваливаются. Это невероятно приятно. Мое сердце разрывается от счастья, из-за того, что Мэдди делает такое со мной.

Но когда она поднимает голову, мое блаженство тут же рассеивается. Это оказывается не Мэдди, а та, кого я надеялся никогда больше не увидеть. Место шелковистых длинных прядей занял короткий черный ежик. Глубокие зеленые глаза исчезли, и теперь на меня смотрят холодные, почти черные глаза, полные лжи.

Алекс.

Я пытаюсь выбраться с постели. Кислород перестаёт поступать в легкие. Я задыхаюсь и чуть ли не кричу на человека, превратившего мой сон в кошмар в самом сладком завершении сна — или это только начало? Меня трясет от мысли, что ее рот облизывал меня, а ее тело касалась моего. Желчь поднимается в горле, лишь бы только добежать до ванной до того, как меня вывернет на ковер. Я избавляю свой желудок от рвоты, но я никогда не очищусь от нее.

Алекс никогда не была близка со мной, и это из-за нее моя семья отказалась от меня. Из-за нее мой мир распался на тысячи осколков у моих ног. Пяти лет должно было хватить для того, чтобы забыть о ней, для того, чтобы искоренить это чувство вины. Тем не менее, иногда она появляется в моих снах, превращая их в кошмар.

Но теперь все по-другому. Видеть, как Мэдди превращается в Алекс — не просто

тревожно, это ужасно. На каком-то подсознательном уровне я понимаю, что мой мозг пытается сказать мне, что необходимо раскрыть тайну моего прошлого Мэдди. Но, честно говоря, все это просто убивает меня изнутри. Часть меня хочет рассказать ей все, открыться, чтобы она помогла мне справиться с болью. Но другая часть чертовски боится сделать это. Если Мэдди узнает правду, если она узнает об Алекс и как я напортачил, она уйдет. На счёт этого я абсолютно уверен. Никто, даже настолько милый, добрый и доверчивый, как Мадлен Бэккер, никогда не останется с человеком, который убил своего брата из-за девушки. Это же неправильно.

На следующий вечер Мэдди занята с девочками, потому мы с парнями решили заказать пиццу и пиво. Мы уже давно не проводили так время. У нас всегда либо устраивались вечеринки, либо девчонки оставались на выходные. Теперь у меня есть Мэдди, и количество напыщенных девиц резко сократилось.

Джек подает мне пиво, и я устраиваюсь на другом конце дивана. Он кладет ноги на кофейный столик и откусывает кусок пиццы.

Толкая меня, он спрашивает:

— Как прошло твое свидание с Мэдди? — его тон напоминает тех ослов со средней школы.

— Чувак, осторожнее. Ты же не хочешь выглядеть, как я, — предупреждает Джека Логан, указывая на свой пожелтевший синяк на щеке.

— Все было хорошо, замечательно, на самом деле, — я даже не собираюсь врать на счёт своих чувств к ней. Она действительно мне нравится, и насрать, что остальные про это подумают.

— Серьезно? Ты, Рид Конелли, тот, кто никогда не проводил с девушкой больше одной ночи, пошел на свидание, и оно тебе понравилось? — Джек кажется в шоке.

Я и сам в шоке, но это правда.

— Да, я знаю. Но Мэдди другая. Она мне нравится, и я не хочу все испортить, — на последнем слове, я смотрю на Логана. Он сразу догадывается, о чем я, и поднимает руки, сдаваясь.

— Хмм. Я понимаю тебя. Это что-то вроде того, как у меня с Камми, — Джек уже давно встречается с Камми, и он любит ее больше жизни.

— Мэдди теперь чаще будет бывать здесь, поэтому я был бы весьма благодарен, если бы вы не вспоминали при ней про «Рида бабника», когда она рядом. Я уверен, что Камми и Лия уже поведали ей о моих «подвигах». И она не должна слышать о них в очередной раз еще и здесь. Не хочу, чтобы она чувствовала себя неудобно.

Логан удивляет меня, заговорив вместо Джека:

— Конечно, чувак. Послушай, я знаю, что был полным идиотом. Просто хочу сказать, что я искренне сожалею из-за того случая, и я говорю это не потому, что боюсь, что ты снова надерешь мне задницу. Но ты всегда был тем, кто «переспал и свалил».

— Ну, все меняется. Я хочу измениться, ради Мэдди. Поэтому перестань об этом говорить, и все будет нормально, — я хотел уладить все с Логаном, но я совру, если скажу, что полностью его простил.

— Супер, эй, вы двое. Вы можете поцеловаться и все наконец-то уладить? Я хочу

посмотреть эту игру. Логан искренне сожалеет, а ты — влюблен. Теперь все в порядке? — Джек всегда был таким папочкой.

Мы с Логаном смотрим друг на друга и одновременно произносим:

— Да, теперь все в порядке.

— Супер, сейчас же прекращайте царапаться, передайте мне еще один кусок пиццы и еще одну банку пива, и давайте уже смотреть эту чертову игру, — Джек выжидающе смотрит на нас, и мы выполняем его требования.

Парни провели ночь, периодически издеваясь надо мной. Меня это ни капельки не задевает. Они смеялись над моими чувствами к Мэдди.

Но я впервые за все время действительно рад, и никто не испортит это.

Недели шли, а кошмары продолжались. Интересно, может, это из-за того, что мне звонят с номера, начинающего с цифр моего родного города? Но я пытаюсь оттолкнуть все это подальше. У меня и так есть о чем подумать — Мэдди и наши отношения.

У нас все отлично. Она такая веселая и беззаботная, мы пытаемся проводить вместе как можно больше времени. Мэдди практически все время ночует здесь, со мной, но иногда и я у нее. Мы до сих пор не дошли до другого уровня отношений, физического, но я не тороплю события. Перед сном мы долго разговариваем, узнавая друг друга всё лучше. А засыпаем, переплетая наши руки, это невероятно. Я все больше и больше попадаю в ее плен, и я открыто себе в этом признаюсь. Я практически уверен, что влюбился в нее ещё во время нашего первого танца, но за последние шесть недель эти чувства только укрепились и стали сильнее. Мы стали очень близки, когда-то я боялся таких отношений, но теперь понимаю, что теперь только этим и дышу. Я сделаю ради нее все, и я знаю, что она чувствует то же самое. На самом деле, мы еще не говорили об этом, но это ощущается в том, как она смотрит на меня, и как я обнимаю ее каждую ночь, как у нее появляются морщинки в уголках глаз, когда Мэдди смеется надо мной, и в моей готовности сделать все ради того, чтобы она была счастлива и находилась в безопасности.

Когда мы делились планами на День благодарения, до которого оставалось три дня, Мэдди как-то резко погрустнела.

— Что случилось, солнышко? Не хочешь праздновать День благодарения? Не любишь клюквенный соус и индейку?

Она смотрит на меня и выкладывает все как есть:

— У меня никогда не было настоящего праздника. Помню, что когда я была маленькой, родители откладывали все свои дела, стараясь сделать этот день особенным. Я видела фотографии, но у меня появилось такое чувство, что все счастливые воспоминания они забрали с собой. Они умерли, и когда их не стало, все хорошие ассоциации ушли вместе с ними. А когда я жила с тетей Мэгги, нас было только двое. Не было необходимости делать большой праздничный стол. И за столом не сидела большая дружная семья, рассказывая какие-то забавные истории.

Мне было больно за нее, я хотел бы все исправить. Я бы даже достал ей луну с неба, если бы мог.

— Ох, детка. Если бы я мог все изменить. Иди сюда, — мы лежали на диване в ее комнате, готовясь к экзаменам, назначенным через неделю после праздников. Она

пододвигается и ложиться на мою грудь, устраиваясь удобнее.

— А ты не собираешься ехать к Мел на праздники? — спрашиваю я.

— Да, мы так и планировали, но это каждый раз напоминает мне о том, как все непостоянно в нашей жизни. Я имею в виду, сколько раз я была у Мел до все этих перемен? Перед тем как мы уехали в колледж, у меня появилось такое странное чувство, что теперь я сама по себе. Неважно, насколько Мел и ее мама любят меня, я всё равно чувствую себя одинокой, — девушка вытирает одинокую слезу. — Праздники всегда тяжело проходят для меня, я вообще очень эмоциональная. Не бери в голову.

А в моей голове тем временем уже созрел план. Придется побегать и потратить чуть-чуть денег, но ради Мэдди все, что угодно. Пока я обдумываю детали, немного отвлекшись от происходящего, в комнату вваливаются девчонки, до отказа нагруженные пакетами. Боже, мне кажется, что у этих четырех и так полно вещей, куда еще больше?

Мелани видит нас на диване и тепло улыбается нам. Мы с Мелани обедаем каждый понедельник с того раза, и она мне нравится, не только за помощь с Мэдди, но и потому, что она просто невероятный человек. Мэдди уже привыкла нашим посиделкам, и даже радуется, зная, что после ее ждет приятный сюрприз. Поэтому, когда я прошу Мэдди оставить нас одних, она и внимания на это не обращает.

— Рид, что ты там уже выдумал в своей головушке? А то прямо видно как там шестеренки крутятся.

Черт, она знает меня слишком хорошо.

— Только хорошее, Мел, и ты точно захочешь мне помочь.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Девушка смотрит на меня игривым взглядом. Я знаю, что она не сможет мне отказать.

— Ладно, что мне надо делать?

— Когда вы уезжаете домой?

— У нас с Мэдди в среду есть пара в час дня. После неё мы возвращаемся сюда, чтобы забрать вещи, и после этого нас ждёт трехчасовая поездка домой. А почему ты спрашиваешь? — она с подозрением смотрит на меня. Видимо, уже догадываясь, что я что-то задумал.

— Когда мы говорили об этом, Мэдди казалась расстроенной из-за того, что на праздники она никогда не сидела за одним большим столом с родными людьми, и я хочу сделать ей такой подарок. Я знаю, что Джек планирует на время праздников остаться здесь, так как у него есть недоделанная работа.

— Что означает, что Камми тоже остается. А если остается Камми, то и Лия вместе с ней, — Мел все сопоставляет, начиная улавливать суть моего плана.

— Правильно. Я поговорю с Логаном, а ты сможешь пригласить Брайана, и таким образом соберётся восемь человек, и я уверен, что такого она даже не ожидает.

— Ладно, но как мы все это провернем? Мы же все не влезем в одну комнату. У нас даже нет обеденного стола.

Мой телефон в кармане начинает вибрировать, моментально отвлекая меня. Этот номер звонит мне уже на протяжении нескольких недель. Я нажимаю «отбой» и продолжаю разговор с подругой Мэдди.

— Ну, мы можем отпраздновать у нас в доме, — Мел с отвращением смотрит на меня в ответ на моё предложение. Она пытается быть тактичной, подыскивая подходящие слова, но я сразу свожу все попытки на «нет».

— Я знаю, знаю. Наш дом ужасен. Но... — я пытаюсь подыскать правильные слова, чтобы убедить ее. — Что, если я полностью его вычищу?

— Рид, вам, ребята, понадобится довольно мощная моющая машина и пароочиститель, чтобы отодрать грязь ото всех поверхностей.

Черт, она права. Не думаю, что из троих студентов получатся отличные уборщики. Потом мне на ум приходит гениальная идея.

— Я найму кое-кого. Позвоню в службу, и они придут убирать дом, пока мы будем на учебе, и все будет в порядке, — проще простого.

— Хорошо, но где ты собираешься достать такие деньги? Тебе понадобится около двухсот баксов только для того, чтобы нанять одну горничную. И насчёт еды — у вас даже нет нормальных тарелок и столовых приборов! Я даже сомневаюсь, есть ли у вас сковородки с кастрюлями, я права? Уверена, что Логан и Джек не будут тратить такие деньги ради девчонок. Ты хоть готовить-то умеешь?

— Если я заплачу за все, ты поможешь? У меня есть деньги. Честно. И я с удовольствием потрачу их на то, что поможет сделать для Мэдди что-то особенное. Помоги мне составить список всего, что понадобится, и я пойду и куплю всё, что потребуется. Черт, да я найму самого лучшего организатора банкетов, — мои слова искренние, и Мел это знает.

Все деньги и время уйдут на благое дело.

— А что насчет моей мамы, Рид? Я же не могу оставить ее одну. У нее тоже никого нет, и неважно, как сильно я люблю Мэдди, но маму я бросить не могу.

— Я, конечно, рада, что вы стали лучшими друзьями, но вы там уже вечность сидите. Мы хотим сходить покушать. Пойдете с нами? Или вы там слишком заняты?

Я отвечаю Мел, пытаясь успокоить ее и желая закончить весь этот разговор:

— Я позабочусь и об этом тоже. Обещаю. Мы можем обговорить все детали позже. Я хочу удивить Мэдди, поэтому не рассказывай ничего ей.

— Хорошо, я в деле. Давай сделаем это, — она хлопает в ладоши и подпрыгивает на месте. Она хочет этого так же, как и я: просто скрывает это чуть лучше.

Она отвечает Мэдди, сказав, что мы сейчас выйдем, и я уверен, что Мэдди закатывает на это глаза и кидает «неважно». Я исполняю первую часть своего плана, ставив у Мэдди тетрадку по психологии. Когда мы выходим с комнаты, мой телефон снова вибрирует, и я тут же нажимаю «отбой». Не хочу, чтобы это сейчас отвлекало меня. У меня есть дела намного важнее выяснения личности того, кто звонит мне из того ужасного места, когда-то бывшего мне домом. Это место уже давно нельзя назвать моим домом.

Мой дом здесь, потому что здесь Мэдди — она мой дом. И если мой план удастся в совершенстве, это место станет домом и для неё.

Глава 11

Мэдди

Я стою в комнате Мел и кричу:

— Мелани Элизабет Крейн, — в надежде, что она наконец-то начнёт шевелить своей задницей. Мы уже должны были быть в дороге. Она знает, что я ненавижу ехать по тем узким дорогам в горах поздно ночью. И не важно, насколько сильно я ее люблю, но она

никуда не может собраться вовремя.

— Давай, Мел! Мы опоздаем.

— Может, ты наконец-то расслабишься, Мэдди? Мы просто едем домой. Ты не можешь опоздать в собственный дом, дурочка. И к тому же, я практически готова. Ты уже собралась? И где твоя тетрадка по психологии? Я знаю, что это твой первый экзамен сразу после нашего приезда.

— Ох, черт! Ты права. Не думаю, что взяла ее, — я возвращаюсь в гостиную, где уже около часа ждет Мел. Я переворачиваю всю свою сумку, но тетради там нет. Я ищу на столе, но и там ее тоже нет. Я могу поклясться, что она лежала там, когда я была тут с Ридом прошлой ночью.

Куда она пропала? Черт, наверное, я оставила ее у Рида. Я быстро пишу ему, чтобы удостовериться.

Я: Привет, солнце, я не могу найти свою тетрадь по психологии. Она, случайно, не у тебя?

Рид: Да, она здесь. Хочешь, я принесу?

Я: Нет, не надо. Мы заедем по дороге и заберем.

Рид: О, я увижу твое сексуальное тело и сладкие губы до отъезда?

Я: Не заставляй меня чувствовать себя виноватой. Я уже говорила тебе, что ты можешь поехать с нами.

Рид: Хорошо, ладно, ты победила. Скоро увидимся.

Я: Хорошо.

От его сообщений у меня все время подкашиваются колени. Увидев Рида в первый раз, я уже точно знала, что запала, а сейчас я могу с уверенностью сказать, что люблю его. Он такой, каким я его даже представить себе не могла. Такой милый и заботливый. У меня есть странное чувство, будто он тоже меня любит, но мы оба боимся признаться в своих чувствах первыми. Все мои стены уже давно разрушены. Он — мое сердце, иногда я сама от этого пугаюсь, но это всё, чего я когда-либо хотела. Я так хочу, чтобы Рид хоть чуть-чуть открылся. Я знаю, он любит меня, однако что-то скрывает. И я не могу заставить его рассказать, это его тайна. Я сижу у себя на кровати, раздумывая о Риде, когда Мел приходит сказать, что уже готова.

— Наконец-то, — фыркаю я на нее.

Мы загружаем все сумки в машину, не забыв при этом кучу сладостей, и направляемся к Риду, чтобы забрать мою тетрадь. Мы едем не долго, но за десять минут дороги успеваем проорать несколько песен. Когда Мел паркует машину, я замечаю, что она как-то изменилась. Стала очень волноваться — но человек же не может заволноваться на ровном месте, не так ли?

— Что с тобой, Мел? — спрашиваю я, глядя на нее.

Подруга пожимает плечами, не отвечая на вопрос. Мел вылезает из машины и следует к дому, и я иду следом. Она стучит в дверь, что было странно: мы никогда не стучали. Когда дверь открывается, девушка отступает в сторону, чтобы я могла все видеть. Меня хватает за руку Рид и втягивает в дом.

— Тут так... чисто. Что за черт? Что происходит, Рид?

Тут точно что-то происходит, но ни Мелани, ни Рид не собираются выкладывать карты.

Они переглядываются между собой и странно улыбаются. Шок уступает место непониманию, и я уже практически кричу:

— Ребята, что здесь происходит? Вы секретничаете уже два месяца, и это начинает порядком надоедать.

Почему бы не топнуть ножкой, фыркнуть и обидеться, а, Мэдди?

Они последний раз переглядываются, и Рид достает что-то с заднего кармана.

— Верить мне? — спрашивает он. Я сбита с толку этим вопросом, но увидев повязку на глаза у него в руках, я все понимаю.

— Конечно, я верю тебе, Рид, но если ты в скором времени все мне не расскажешь, я взорвусь.

Он просто смеется и завязывает мне глаза. Парень аккуратно убирает мои волосы, чтобы они не мешали, и я чувствую его теплое дыхание на шее. Он нежно целует меня за ухом, а потом легко кусает мочку. По телу тут же бегут мурашки и твердеют соски. Рид знает, как это действует на меня, я чувствую его улыбку.

— Надеюсь, тебе понравится сюрприз, Мэдди, — с этими словами Рид отрывается от моей шеи, и мне приходится сильно сжать бедра, чтобы хоть как-то унять пожар внутри.

Я киваю, и он подводит меня в направлении гостиной, ну, мне казалось, что именно в этом направлении. Пахнет каким-то чистящим средством — свежим сосновым ароматом. Кто-то еще был в комнате, я чувствую, что они тоже нервничают, и я уже чертовски хочу снять эту повязку с глаз, чтобы узнать, что, черт возьми, здесь происходит.

— Рид, могу я уже снять ее?

Сквозь смех он говорит «ладно». Он стоит прямо за мной, и когда развязывает повязку, тут же обнимая меня. Я плачу от того, что вижу перед собой. Это было не чистящее средство с ароматом сосны. В комнате стоит ёлка, огромная, настоящая и красивая. Сначала я вижу именно ее, потому что она занимает практически все пространство в комнате, но периферическим зрением я замечаю, что в комнате находятся еще люди. Джек, Камми и Лия. Я приятно удивлена, увидев здесь ещё и Логана с Брайаном.

— Ребята, что здесь происходит? Вы все разве не собирались сегодня уехать? — мне не удается скрыть удивление в голосе. Я действительно не понимаю, что здесь происходит.

Лия отвечает от лица всех:

— Ну, твой золотой парень уговорил нас поменять планы, чтобы мы провели выходные вместе, — она запинается, а потом продолжает. — Здесь, дома, — она крепко обнимает меня и смотрит мне в лицо. В ее карих глазах блестят слезы. — Мы все хотели быть здесь, вместе, как одна большая семья.

Из моих глаз льются крокодильи слезы. Я поворачиваюсь к Риду и улыбаюсь.

— Ты сделал это ради меня? — мой голос срывается из-за неожиданных эмоций. Я люблю этого милого и хорошего человека.

— Ну, мне помогали, конечно же, — он подмигивает Мелани, ну вот как я могу ее не любить?

— Вы ребята, все вы, — я обвожу глазами каждого в комнате. — Невероятные. Вы даже не представляете, насколько я это ценю. У меня никогда не было больших семейных праздников... — мои слова затихают. Будто бы комок застревает в горле. И когда я наконец-то могу взять эмоции под контроль, смотрю на Рида:

— А зачем ты поставил ёлку? Рождество же только через месяц. Или ты перепутал праздники? — вот что-что, а сарказм — это мое.

Логан отвечает вместо Рида:

— Я не смогу быть здесь на Рождество, и Брайану тоже нужно будет улететь, поэтому я подумал, что мы сможем отпраздновать этот праздник сегодня, начать новую традицию, так сказать, — он стоит рядом, пока говорит все это. Закончив, он дружески обнимает меня, пробормотав на ухо: — К тому же, я был полным ослом и хочу это исправить.

Я злилась на него из-за той глупой ситуации, несмотря на то, что он уже извинялся, много раз — и даже несмотря на то, что Рид надрал ему задницу. Но из-за всего этого я смягчаюсь. Ну, не могу я на него злиться, когда он участвовал во всем этом, поэтому обнимаю его в ответ и благодарю.

— Вот наш план действий, — вклинивается Камми. — Сегодня мы будем украшать этого монстра, пить дешевое вино и есть пиццу. Таковой была традиция у меня дома, и сейчас я предлагаю вам присоединиться к ней. Давайте, — говорит она Лие и Мел. — И помогите мне на кухне с напитками, а ещё мы закажем еду, пока мальчики принесут из машины все украшения.

И все тут же разбегаются по своим делам. Стоявший позади Рид притягивает меня ближе и обнимает, а затем начинает танцевать, как делали мои родители — без музыки, без ритма, без танцплощадки. Только мы. Я точно влюблена.

Я кладу голову ему на грудь, вдыхая невероятный запах. Он — мой дом, и я чувствую себя в безопасности в его руках. Он целует меня в макушку, и я смотрю в его кристально-голубые глаза, светившиеся от эмоций.

— Ты же не злишься на меня? Я хотел сделать тебе сюрприз, о котором ты так мечтала.

Его вопрос застаёт меня врасплох. Злюсь? Он шутит? Это же невероятно, он так старался.

— Рид, как я вообще могу злиться? У меня даже слов нет. Ты заставил меня почувствовать, что меня любят и оберегают. А из-за этого невозможно злиться. Ты самый милый, — я легко целую его в губы. — Самый добрый, — еще один поцелуй. — Самый горячий, — еще один поцелуй, но более глубокий. — Парень в мире, и я невероятно везучая, если ты принадлежишь мне.

Он целует меня глубоко и страстно, влюбленно, а потом берет мое лицо в руки.

— Угу, я находка, да? — какой же он милый сейчас и игривый, Боже, он невероятный. Рид продолжает более серьезным тоном. — И ты меня нашла, Мэдди, — он нежно гладит мои щеки. Я приближаюсь к нему и еще раз целую, понимая, как сильно я его люблю.

Мое любопытство наконец-то выходит на первый план, и я хочу узнать всю правду. Я слегка отталкиваю его и спрашиваю:

— И как вы все это придумали? И я не хочу слышать очевидного ответа, что все это сделала Мел, — я выгибаю бровь в ожидании ответа.

Его губы тут же изгибаются в игривой улыбке, он тянет нас к дивану, и только сейчас я понимаю, что тот новый.

— У вас новый диван! Ох, слава Богу! Так как раньше, после сидения на том старом, мне сразу хотелось принять душ.

Рид смеется и говорит:

— Он был чуть-чуть грязноватым, да?

— Грязноватым? Рид, да он был мерзким. У меня были мурашки от догадок о произошедшем за все это время на том диване, — я вздрагиваю от своих слов. — Давай, милый, рассказывай. Как все это произошло, и как ты смог все это оплатить? Елка,

украшения, новый диван...

— Ну, ты сказала, что хочешь большой семейный ужин, и я решил втянуть в это Мел. Все сразу поменяли свои планы ради тебя. Они все любят тебя, ты же знаешь это, правда? — он легонько касается моих губ, перед тем как продолжить. — Твое жилье было прекрасным вариантом, но оно было слишком маленьким, чтобы уместить нас всех. Поэтому я нанял горничных, чтобы они выдраили это место, и я провел вчерашний и сегодняшний день в Таргете и продуктовых магазинах, закупаая все необходимое, пока ты была на парах. Я даже не представлял, сколько всего нам не хватает, пока Мел все здесь не прошерстила. У нас даже тарелок не было. И еда — все чертовы шкафы были пустыми. Поэтому я все закупил, и когда пришел сюда и увидел насколько все чисто, я захотел поменять и мебель. Удача улыбнулась мне, и я уговорил продавца продать мне образцы. И мне пришлось дать большие чаевые, чтобы они привезли все это рано утром.

По его словам, все было так просто, но где он достал столько денег?

— Но деньги, Рид, ты потратил дофига денег ради одного человека.

— Ты права. Я потратил много денег ради одного человека, Мэдди, и ты не *просто* знакомая для меня. Ты — все для меня. Я просто хотел сделать что-то хорошее для тебя. А деньги — это не так уж и важно, пожалуйста, поверь мне.

Я хочу верить, но он всего лишь 21-летний студент, который потратил на меня слишком много.

— Но, Рид, это все так безумно! Пожалуйста, давай я отдам тебе деньги. Мое обучение и жилье практически полностью покрывает стипендия, а остальное я оплачиваю деньгами со страховки родителей. Я могу тебе отдать деньги.

Он становится злым — очень злым — когда я предлагаю ему это.

— Нет, — его голос такой твердый и холодный. Даже он это понимает, поэтому пытается сбавить пар. — Ты не будешь отдавать мне деньги. Ты не будешь отдавать деньги своих родителей на то, чтобы покрыть мои расходы на сюрпризы для тебя. Я смог заплатить за все сам. У меня остались деньги еще с одного судебного дела, когда я был подростком. Я выиграл его и никогда не использовал те деньги. У меня не было причин задействовать их, поэтому они просто накапливались. Сейчас у меня есть ты, и твое счастье — замечательная причина начать их тратить. Поверь мне, там столько денег, что можно считать, я ничего не потратил. И к тому же, если бы у меня не было денег, смог бы я заплатить тогда в парке, чтобы они показали твой любимый фильм?

Ну, вот как тут можно не растаять? Я смотрю ему в глаза и искренне говорю:

— Спасибо, Рид. За все это — я не про деньги — за семью, которой у меня никогда не было, за то, что ты даешь мне шанс наконец-то кому-то открыться. Ты делаешь меня такой счастливой, и я надеюсь, что ты чувствуешь хотя бы половину того, что чувствую я.

— Счастливый? Ты шутишь? Мэдди, ты — причина, по которой я дышу. Без тебя в моей жизни не будет смысла, поэтому твое «ты делаешь меня счастливым» — это чертовское приуменьшение. Ты дала мне намного больше счастья, чем я того заслуживаю, — его губы врезаются в мои, и в этом поцелуе Рид открывает мне свои чувства, доказывая сказанное. Ощущения любви и наслаждения такими ошеломляющие, что, кажется, еще чуть-чуть — и мое сердце взорвется.

Наш поцелуй прерывается, когда мы слышим, как парни начинают вваливаться в комнату, держа сумки с покупками Рида.

— Рид, тащи свою задницу сюда, чувак! Вся эта херня очень тяжелая.

Голос Джека кажется очень напряженным из-за сумки, которую он пытается протянуть в дверь. Я двигаюсь на помощь ему, но Рид говорит мне стоять и не рыпаться. Я прислоняюсь к спинке дивана, наслаждаясь мыслью, что мне не придется скрабировать свое тело, после того как встану с этого дивана.

Я слышу, как хлопается дверь и небрежно кинутый пакет. Девчонки возвращаются в комнату с полным всяких закусок и напитков подносом. Лия раздает всем по бокалу вина и начинает говорить тост:

— За наш первый День благодарения вместе, как одна большая семья, — все поднимают свои бокалы, крича при этом. — Ура, ура, — и выпивая.

Когда Лия сказала «семья», я вдруг вспоминаю:

— Ох, нет, Мел, мы должны позвонить твоей маме и рассказать ей обо всем этом. Она же будет очень сильно волноваться за нас, — я смотрю на часы, понимая, что мы должны были быть дома уже два часа назад. — Она уже точно позвонила в спасательные службы, разыскивая нас.

Я кидаюсь за своим телефоном к сумочке, которую выронила, когда Рид снял с меня повязку. Оторвав глаза от сумки, я не могу сдержать шокированного вскрика.

— Мама Крейн! — я кричу так громко, что всем приходится закрыть уши. Я кидаюсь в ее распростертые объятия. Она, должно быть, пряталась за стеной в холле.

— Но... Как... Когда... Что ты тут делаешь? Как ты вообще узнала, что мы будем здесь? Я не видела твою машину у дома, — я запинаюсь, удивление от её присутствия такое приятное.

Мел подходит к маме и обнимает ее за талию, и вот мы стоим втроем перед нашими друзьями.

Я вижу, как мама Крейн вытирает слезу, перед тем как начать говорить:

— Ну, Мэдди, это все твой парень, — она тепло улыбается ему, да, он точно заполучил её сердце. — Он мне позвонил мне на днях и спросил, не против ли я поменять свои планы, чтобы быть здесь с тобой и твоими друзьями. А потом Рид пообещал, что мне не надо будет ничего делать, он обо всем позаботится. Я не смогла ему отказать. Выходные с моими девочками и их лучшими друзьями, и... — последнее «и» она тянет, будто напоминая Риду об обещании. — Мне не надо готовить или убирать, только наслаждаться, и как же я могла отказать? Рид заказал мне машину, поэтому мне не пришлось добираться на своей, и вот я здесь.

Рид подходит к нам, протягивая свою руку маме Крейн.

— Очень приятно наконец-то с Вами познакомиться, миссис Крейн. Я очень рад, что вы согласились приехать.

Она подходит к Риду, глядя на его руку, будто это какой-то странный предмет. Она точно человек-обнимашка, а не человек-пожми-руку, поэтому легонько обнимает его. Когда женщина что-то шепчет ему на ухо, он улыбается уголком губ. Затем она начинает говорить громче, чтобы все смогли услышать:

— Я очень рада принять твое приглашение, Рид. Тот, кто устраивает ради моей Мэдди такое, заслуживает некоторых усилий и с моей стороны.

Закончив со всем этим, мы возвращаемся назад к своим напиткам и разговорам. Мы начинаем распаковывать все украшения и украшать елку. Вечер проходит быстро, так как все наслаждаются этим временем. Мы едим пиццу с бумажных тарелок на полу в гостиной, и

все делимся своими воспоминаниями о праздниках. Рид смотрит на меня обеспокоенно, и я понимаю почему: у меня нет таких воспоминаний, но я лишь тепло улыбаюсь ему.

— Все в порядке, малыш? Я не хочу, чтобы ты грустила, — он так мило беспокоится обо мне.

— Все даже лучше, чем могло быть. Все прекрасно, — целую его в щеку и кладу руку ему на грудь, шепча в ухо. — И позже я хочу тебя *идеально* поблагодарить, — я чувствую, как его дыхание начинает прерываться, а сердцебиение ускоряться.

Все уходят, и мы с Ридом остаемся у красиво украшенной елки. Мама осталась с Мелани у нас в домике. Она хотела сказать что-то Риду обо мне, когда была тут, но не сделала этого. Я знаю, что она догадалась о моих чувствах к Риду, и я практически уверена, что она разгадала и его чувства, даже не смотря на то, что мы с Ридом еще не говорили об этом. Женщина оставила это при себе, ничего не говоря, и за это, да и за все остальное, я люблю ее.

— Надеюсь, тебе понравился вечер, малыш.

Его неуверенность кажется милой, он, должно быть, шутит. Это был лучший вечер в моей жизни, и скоро он станет еще лучше.

— Рид, все было замечательно. Я наслаждалась каждой минутой этого вечера.

Он прерывает меня до того, как я успеваю напомнить ему о своем обещании лучшей ночи.

— Я купил тебе сюрприз в магазине. Подождешь здесь пару минут, чтобы я все устроил?

Рид смотрит на меня влюбленными, широко раскрытыми глазами, и я не могу ему отказать, я даже не могу придумать, какой же еще сюрприз он собирается мне преподнести. Быстро поцеловав меня, парень бежит наверх по лестнице, в свою комнату.

Я сажусь на диван, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Я улыбаюсь, вспоминая сегодняшний вечер и два последних месяца, которые провела с Ридом. Я точно знаю, что люблю его. И безумно хочу ему сказать это, но боюсь испугать. Даже несмотря на уверенность в его ответных чувствах. Но часть меня до сих пор боится отдаться этим чувствам полностью, пока я точно не узнаю, что он чувствует ко мне. Я не даю себе полностью потеряться в нем, а вдруг Рид меня оттолкнет? Я должна знать, что все его стены разрушены, как и мои, до того как отдаться ему.

Рид спускается в гостиную и направляется ко мне. Он стал каким-то другим — более чувственным, страстным и голодным. Он переплетает наши пальцы и поднимает меня с дивана. Держась за руки, мы поднимаемся наверх. Мое сердце вырывается из груди. Желание, которое я испытывала с того момента, как только встретила его, снова бежит по венам. Я хочу его. Я хочу его сильнее, чем кого или что-либо в этой жизни. Я уже давно знаю, что люблю Рида и готова пойти на поводу у своих желаний. Да, у меня были отговорки, но я готова. Ради него. Ради нас.

Мы останавливаемся возле его комнаты, и он говорит:

— Я не заставляю тебя ничего делать. Я просто хочу сделать сегодняшнюю ночь, — и под этим «сегодняшняя ночь» он имеет в виду все, что скоро произойдет, — такой же особенной, как и все остальные.

— Рид, я знаю, ты никогда не заставишь меня делать то, чего я не хочу. Поэтому замолчи и веди уже меня к кровати, — я встаю на носочки, чтобы дотянуться до него, и

провожу языком по его невероятно мягким губам. Он открывает дверь, и передо мной предстает нечто невероятное.

Его комната стала совершенно другой. Там, где когда-то стоял полноразмерный матрас с шаткой рамой и с прошарпанным одеялом, сейчас стоит невероятная кровать с натянутой над ней шелковой тканью, создавая импровизированный навес. Кровать застелена кремово-белым покрывалом. И несмотря на то, что комната светлая и легкая, она остается по-мужски красивой. А ещё он перекрасил стены в мягкие серо-голубые тона, точь-в-точь как его глаза. Он поставил свечи везде, где только можно. Включил колонки, стоявшие на комод, и я наслаждаюсь голосом David Gray. Рядом с ними в большой белой вазе стоит невероятно красивый букет белых калл. Я не могу произнести ни слова, хотя сейчас они вовсе не нужны. Только я и Рид в этом маленьком раю, который он создал.

Парень разворачивает меня и притягивает ближе к себе. Пройдясь руками по затылку, он распускает мои волосы, от чего они мягко лежатся на мои плечи. Аккуратно убрав прядки, упавшие мне на глаза, он притягивает мое лицо ближе к себе и целует. Этот поцелуй отличается от всех предыдущих. Он полон обещания наслаждения.

Сначала Рид ведет себя неуверенно и неспешно. Он пытается себя контролировать, но я этого не хочу. Я хочу раствориться в нем, потеряться, полностью отдаться мужчине, которого люблю. И я знаю, что это самый подходящий момент, чтобы рассказать ему об этом. Несмотря на то, что раньше я боялась испугать его этим, он должен знать о моих чувствах. Не важно, какие стены он не может разрушить, не важно, какие он хранит от меня секреты, это не может изменить мою любовь, Рид просто должен знать это.

Я прерываю поцелуй и смотрю в его пронзительные голубые глаза.

— Рид, я хочу кое-что тебе рассказать.

Он вопросительно смотрит на меня:

— Мэдди, ты можешь честно все мне рассказать, — он мягко проводит по моей щеке и продолжает. — Я сделал что-то не так? Говори, скажи все, что тебя беспокоит.

Я тяну его через всю комнату, чтобы мы могли сесть на кровать. Я вся дрожу от нервов, из-за того, что хочу сказать ему, и из-за того, что должно скоро произойти. Он сидит на краю кровати, опираясь на ногу. Я сажусь на него, обвив ногами, чтобы смотреть в его кристальные глаза во время признания. Я дотрагиваюсь до его щеки и делаю глубокий вздох, собирая в кучу слова, которые собиралась произнести.

— Я люблю тебя, Рид, — я останавливаюсь, всматриваясь в его глаза, пытаюсь найти там шок, но его нет. Он просто очаровательно улыбается, медленно выводя узоры на моей спине. Тишина уже давит на уши, и я пытаюсь прервать ее. — Я знаю, что все произошло очень быстро, и у нас обоих есть преграды, но я всё равно это чувствую. Ты замечательный, и ты разрушил все стены, которые я строила, чтобы отгородиться от людей. Ты тот, кто мне нужен. И я знаю, что мы преодолеем все преграды. Я уверена в нас. Это страшно, но я хотела, чтобы ты знал, что я люблю тебя. Я очень сильно люблю тебя, — я тараторю все это так быстро, что мне приходится глубоко вздохнуть, чтобы запустить в легкие воздух.

Его губы изгибаются в чертовски красивой улыбке, и он говорит:

— Ты закончила? Можно я продолжу?

Я киваю, сказав «угу» в ответ. По-моему, мой мозг уже не может нормально функционировать.

— Мадлен, я тоже люблю тебя, — я хочу что-то сказать, но он затыкает меня

поцелуем. — Твоя очередь уже прошла, теперь моя, — он еще раз целует меня и продолжает. — Я люблю тебя больше всех на свете. Я бы положил к твоим ногам весь мир, чтобы доказать тебе свою любовь. И даже не думай, что я сказал это только из-за того, что ты первой сказала мне эти слова. Я уже давно думал об этом, да, у меня есть какая-то херня в голове, и именно из-за нее я возвел все свои стены, вот только ты их уже растворила. Только ради всего этого я сделал этот вечер таким незабываемым. Я хотел, чтобы ты помнила каждый его момент, и в особенности тот, когда я признаюсь тебе в любви. Когда мы решим перейти на физический уровень наших отношений, я хотел, чтобы эта кровать была только нашей. Я хотел, чтобы были только ты и я — и больше никаких воспоминаний, кроме этого, когда ты сидишь в моих руках при свете свечей и слушаешь мои признания в любви, — он целует кончик моего носа и вытирает слезы на моем лице.

Его признания медленно разжигают огонь у меня в животе. Как же я ошибалась, когда думала, что хотела его раньше. Я хватаю низ его рубашки и стягиваю ее через голову, наш зрительный контакт прерывается только на мгновение, когда ткань закрывает ему голову. Я толкаю Рида на кровать, и получается так, что я до сих пор сижу на нем. Он держит меня ладонями за талию, какие же у него большие руки, он практически полностью обвивает меня. Приспустив свои руки к моей попе, он аккуратно сжимает ее. Его пальцы начинают медленно вырисовывать круги на опасном расстоянии от центра огня.

Я наклоняюсь ближе и целую его грудь. Она широкая и мускулистая, но в то же время нежная и теплая. Его волоски на груди щекочут мое лицо. Я целую его в место, где бьется сердце, сказав «Я люблю тебя», и следую вниз, за линией роста волос, которая пропадает в джинсах. До того как я успеваю расстегнуть их, Рид одной рукой хватается за запястья и садится, все еще со мной на руках.

— Нет, Мэдди. Дай мне любить тебя, пожалуйста.

Во рту тут же становится сухо, и внутри все сжимается от представления, что он только может сделать со мной. Я кивает, практически незаметно, но Рид видит. Потянув подол моей рубашки, он снимает эту раздражающую ткань. Его зрачки расширяются при виде моего розового кружевного лифчика. Тот практически прозрачный, и соски прижимаются к ткани, не оставляя место для воображения.

Рид тянется расстегнуть его. Но я опережаю его. Захватив задние застёжки, я медленно и соблазнительно расстегиваю каждый из крючков. Моя грудь оголяется от отсутствия чашек, и я выкидываю свой лифчик куда-то на пол, где уже лежит наша одежда. Рид не дотрагивается до меня в ту же секунду, как обычно делал. Вместо этого он просто смотрит. Он смотрит так долго, что по коже начинают бегать мурашки, а соски под его внимательным взглядом твердеют еще сильнее.

— Красивая. Ты невероятно красивая, Мэдди.

Он обнимает меня за талию и быстро меняет нашу позицию, теперь я нахожусь под ним. Рид удерживает свой вес на руках, чтобы мне было не тяжело. Когда он начинает целовать мою шею, я стону, не в силах сдерживать эмоции. Его язык ощущается таким горячим в отличие от моего тела, и моя грудь просто умоляет его прикоснуться. Пальцы парня бегают по моей груди, не касаясь самых ноющих участков. Он приспускается вниз, и я чувствую на левой груди его дыхание, но Рид не делает ничего больше. Я чувствую лишь его теплое дыхание, возбуждающее меня еще сильнее.

Он целует каждый участок моей груди, но не касался тех участков, где мне больше всего

хочется. Пока он двигается от одной груди к другой, продолжая свою пытку, я практически извиваюсь под ним.

— Пожалуйста, Рид. Ну, пожалуйста.

— Что случилось, малыш? Скажи мне, чего ты хочешь. Я сделаю все, что ты захочешь, — какие же его глаза сейчас сексуальные.

— Я хочу тебя, Рид. Я хочу тебя сейчас. Пожалуйста, — мой голос срывается, превращаясь в шепот.

Он тут же превращает мое желание в действительность, втягивая мой сосок в рот, и все внутри меня сжимается от ощущения его горячего языка, скользящего по моей груди. Рид глубоко втягивает розовый сосок в рот и аккуратно прикусывает его. Я выгибаюсь под ним и стою в экстазе. Он делает это снова и снова до тех пор, пока я могу это выдерживать. Я уже теряю способность себя контролировать: если он еще раз дотронется до любого участка моего тела, я упаду в бездну наслаждения.

Рид, должно быть, чувствует это, что я очень близко, поэтому отрывается и всматривается в мои глаза, ища разрешения зайти дальше. Не видя никакого сопротивления, он спускается вниз, ведя дорожку поцелуев от груди до живота. Когда он дотрагивается до моего пупка, я выкрикиваю его имя.

— Рид... пожалуйста... больше... я хочу большего... пожалуйста.

Он, должно быть, видит какое-то смятение у меня в глазах и говорит:

— Ты самая красивая девушка из всех, Мэдди. Я хочу тебя сильнее, чем ты можешь себе вообразить, но если ты не готова, то все в порядке. Я просто хочу показать насколько сильно люблю тебя. Я хочу, чтобы ты почувствовала нечто невероятное, — его слова успокаивают меня, и вдруг я перестаю смущаться своей наготы.

Спускаясь вниз, Рид целует практически каждый сантиметр моих ножек. Когда он снова поднимается вверх, я уже вся горю от желания. Он целует мою плоть сквозь ткань моих трусиков, и я становлюсь еще более влажной.

Глубоко вдохнув, Рид говорит:

— Ты пахнешь чертовски привлекательно, Мэдди. Такая сладкая. Я хочу облизать всю тебя.

Способность связно думать и говорить пропадает, я полностью в его власти. Он подцепляет пальцами мои трусики и стягивает их.

— Откройся мне. Позволь показать тебе мою любовь, сладкая Мэдди.

Я раздвигаю ноги, ожидая удовольствия, которое он хочет мне дать.

Одно резкое движение языком по моей разгоряченной плоти — и я снова на краю удовольствия. Когда Рид проводит языком по моему пульсирующему клитору, я не могу сдержать крика.

— Рид... уже... близко... пожалуйста...

Но в тот момент я сама не уверена, чего хочу. Остановиться? Продолжить? Я не могу связать и двух слов. Он останавливает движения языка, и внутрь скользит его палец.

— Ох, Господи, Мэдди. Ты такая влажная, — его голос полон благоговения, и когда он вытягивает палец, я хныкаю. Внутренняя пустота долго не продолжается, Рид добавляет второй палец. Найдя нужную точку, он начинает безжалостно двигать пальцами. Его язык возвращается к клитору с мягкими и аккуратными движениями.

Я нависаю над краем пропасти наслаждения, но в этот раз он не останавливается. Своим волшебным языком Рид доставляет невероятное удовольствие и массирует стенки

пальцами до тех пор, пока я громко не выкрикиваю. Мое тело окунается в бассейн благоговения к нему. Если такое вообще возможно, сейчас я хочу его сильнее, чем до этого.

Он поднимается наверх и целует меня. Мой вкус на его языке — пока самое эротичное и возбуждающее ощущение.

— Если скажешь мне остановиться, Мэдди, я так и сделаю. Если скажешь, что для сегодняшней ночи этого предостаточно, все будет в порядке. Мы просто уснем вместе.

— Я знаю, что говоришь это только ради того, чтобы успокоить меня, но я так люблю тебя, что даже не хочу думать о страхах, Рид, я готова. Я люблю тебя и хочу быть с тобой. Все очень просто, — я глубоко целую его, давая ему понять серьезность моих слов.

— Господи, Мэдди, как же я хочу заняться с тобой любовью. Ты — заветная мечта, которая наконец-то сбылась.

Я знаю, что сейчас у нас идут очень серьезные темы для разговора, но я не могу молчать:

— Ты просто рад, что тебе больше не придется принимать холодный душ.

Он легко усмехается, но тут же продолжает серьезным тоном:

— Я готов принимать хоть три холодных душа в день, если ты не готова. Черт, *были же* и такие дни.

Мы мило улыбаемся друг другу, а потом просто молчим. Я лежу обнаженная в его руках, пресыщенная и голодная одновременно, а Рид страстно смотрит на меня.

Я смело целую его и говорю:

— Рид, я твоя. Я не хочу больше ждать. Возьми меня, пожалуйста.

Независимо от того, насколько он сдерживается, сейчас все остатки его контроля летят к чертовой матери. Рид буквально накидывается на меня, и его язык завладевает моим ртом. Его руки везде, все сильнее разжигая огонь внутри меня.

Я пытаюсь расстегнуть пуговицу его джинсов, но мои руки трясутся от нервов. Он придерживает их, успокаивая, и помогает мне.

Я прохожусь по его выпуклости, которая так отчетливо показывает его желание:

— Сейчас моя очередь. Теперь я буду показывать тебе свою любовь, Рид. Можно?

Он приподнимает бровь, смотря на меня взглядом «и ты еще спрашиваешь?» Я воспринимаю это как зелёный свет к действию.

Когда начинаю стягивать с него штаны, он приподнимает бедра, как раньше это делала я. Еще одна вещь присоединяется к остальным на полу, и сейчас мое внимание полностью сосредоточено лишь на одной вещице, которая разделяет нас — его серые плотно-прилегающие, невероятно сексуальные боксеры. Рид напрягается, от чего его боксеры прилегают еще плотнее. Я мягко целую его сквозь ткань.

— Черт, Мэдди, — шипит он, чувствуя каждый мой поцелуй. — Ты убьешь меня, ты же знаешь это, правда?

— Нет, еще рано. Я даже не попробовала тебя.

Я стягиваю с него боксеры, освобождая его.

Теперь куча на полу собрана до конца, и мы полностью обнажены друг перед другом. Рид и в одежде кажется самым красивым мужчиной, но обнаженный — это предел моих мечтаний, он просто великолепный. Каждый его сантиметр идеален. Я прохожусь по всей длине пальчиками. Он такой твердый и мягкий одновременно. Его кожа невероятно горячая под моими пальцами, и я наклоняюсь, чтобы взять головку в рот.

Он убирает мои волосы.

— Я хочу видеть тебя, Мэдди. Хочу видеть, как исчезаю у тебя в ротике, — я заглатываю пару сантиметров, и он дергается, выгибая спину. — Ох... Господи... Мэдди... — его слова тяжело разобрать, он их просто стонет.

Я никогда не делала этого раньше, но приятно осознавать, что ему нравится.

Воодушевленная, я беру его глубже, расслабляя горло. Рид обнимает меня, помогая мне найти нужный ритм. Мы продолжаем в том же темпе, пока он не освобождает мой рот. Громкий, гортанный звук раздается по комнате. Вот дерьмо, я все таки сделала что-то не так. Я причинила ему боль, и ему уже не нравится. Он, должно быть, читает мои эмоции на лице, так как в тот же момент садиться рядом со мной.

Рид гладит меня по волосам, убирая их от моего лица. Он проводит большим пальцем по моей нижней опухшей губе, не давая мне кусать ее от волнения.

— До того как ты еще будешь минуту думать о том, что сделала что-то не так, прекрати. Ты сделала все чертовски круто, Мэдди — ты чертовски невероятная. Просто чтобы ты знала, ещё одна секунда, и я бы кончил. Ясно? — его голос окутывает меня, давая понять, что я сделала все правильно.

— Ладно, я верю тебе, — хотя всё-таки не до конца, остается такое чувство, что я сделала что-то не так, что сказала что-то не так и веду себя не так. Это всё так ново для меня, но потребность в нем превосходит все.

— Хорошо, Мэдди, — Рид тянет меня вниз вместе с собой, и получается так, что он опять практически лежит на мне. Я чувствую, что он пытается дотянуться до чего-то на ночном столике, не сложно предположить, что за презервативом. Я хватаю его за руку, тем самым прекращая его поиск в слепую.

— Не беспокойся, Рид.

Его брови хмурятся, выдавая замешательство.

— Что ты имеешь в виду под этим «не беспокойся», Мэдди? Я не понимаю, — как бы неловко мне не было в тот момент, и такую реакцию стоило ожидать.

— Я принимаю таблетки. Я знала, что это будешь ты, и это всего лишь вопрос времени. И я имею в виду, что если ты не против такого, то он нам не нужен, — я взглядом указываю на презерватив.

— Я... ух... Мэдди... у меня никогда не было секса без презерватива до этого, и я сдал тест крови перед началом борцовского класса, я чист.

Упс, как же неловко. Надо было поговорить с ним об этом преждевременно, но это как-то не всплывало.

— У тебя никогда не было секса без презерватива? Честно? — я не хотела, чтобы это прозвучало с таким недоверием, но, честно говоря, у него было много секса, даже страшно представить сколько. Несмотря на все это, я верю ему, он не будет врать.

— Никогда. Честное слово. Если ты хочешь, мы будем использовать презерватив, но клянусь, я чист, и если ты принимаешь таблетки, то я бы с превеликим удовольствием сделал это без него.

Всё, неловкие моменты подошли к концу.

Опять очень горячо.

Чертовски горячо.

— Рид, — я внимательно смотрю ему в глаза, чтобы он не сомневался в моих словах. — Я люблю и хочу тебя. Сейчас. И я хочу, чтобы между нами ничего не было. Займись со мной любовью, пожалуйста.

В ту же секунду он нависает надо мной, а я обхватываю его талию ногами. Рид наклоняется и целует меня со всей любовью и чувствами, которые он ко мне испытывает. Я чувствую, как он не спеша начинает входить в меня. Тут же появляется какое-то чувство наполненности, которое до этого я никогда не испытывала. Мои глаза закатываются от наслаждения, и я мотаю головой по подушке, чувствуя, как он наполняет меня.

— Господи, Рид. Ты — невероятный.

— Черт, Мэдди. Ты тоже. Господи, ты такая узкая, — он останавливается на секунду, спрашивая.

— Можно продолжать?

— Ты хочешь сказать, что еще не полностью вошел? — неужели может быть еще лучше, внутри все приятно тянет от этой мысли.

— Черт, я чувствую, как ты сужаешься вокруг меня. Я сейчас буду двигаться. Посмотри на меня, пожалуйста. Я хочу смотреть тебе в глаза, — какие же у него большие глаза. Тонкий голубой лед вокруг зрачков, затягивающих в глубокий черный бассейн любви.

Я смотрю на него, и он входит полностью. Я чувствую барьер, резкую боль, и как Рид останавливается от сопротивления. Вот и все, барьера больше нет.

— Детка, ты в порядке? Извини, если сделал тебе больно. Я обещаю больше никогда не делать тебе больно.

Я не могу связать и слова, у меня в голове нет ни одной мысли, только удовольствие. Я обнимаю его за шею и дотягиваюсь до его губ, чтобы поцеловать, показывая все свои чувства и отгоняя его сомнения. Он начинает двигаться — медленно и чувственно. Его язык сплетается с моим, так же как и наши тела. Его челюсти напряжены, и бицепсы играют под моими пальцами. Он сдерживается, я чувствую это.

— Рид, не сдерживайся. Я хочу тебя.

Мы и так уже сдерживались очень долго, и сейчас я чертовски хочу его. Я хочу видеть страсть, которая только будет поджигать нас. Я никогда не была такой развязной и беззастенчивой, но он выпустил это на свободу.

После моей просьбы Рид начинает двигаться в бешеном ритме. Когда он заполняет меня, появляется такое чувство, будто я горю в огне наслаждения. Я выкрикиваю его имя, когда мое тело чувствует наслаждение. Он делает еще пару резких и быстрых толчков, после чего вздрагивает.

Он дрожит, покрытый потом. Притянув его ближе, я упиваюсь ощущением его тела надо мной, во мне. Я обнимаю Рида еще сильнее. Мы восстанавливаем наше дыхание. Появляется такое чувство, будто у меня нет костей, и я ощущаю себя удовлетворенной, спрятавшейся в его руках, сердце Рида стучит у меня на щеке. Мои веки тяжелеют и до того, как они закрываются, я чувствую, как Рид встает с кровати. Он поднимается и идет в ванну. Чуть позже возвращается с теплой губкой и таблеткой обезболивающего. Я пытаюсь двигаться, чтобы встать, но он останавливает меня, продвинувшись к моим ногам, чтобы помыть меня. Я и раньше знала, что он заботливый, но это переходит все границы, я невероятно краснею. Знаю. Знаю, что после того, что между нами произошло, это глупо, но это так интимно. Я люблю его.

Закончив, Рид протягивает мне таблетку со стаканом воды.

— Но у меня не болит голова. Зачем ты даешь мне таблетку?

— Ну... ты... эмм... возможно, завтра утром тебе будет больно, и я подумал, что это

может помочь. И к тому же, откровенно говоря, я не могу дождаться следующего раза, поэтому, чем быстрее пройдет боль, тем лучше.

Его улыбка такая чертовски обаятельная, и я не могу удержаться, чтобы не поцеловать его.

Он притягивает меня ближе. Я чувствую спиной его грудь, он шепчет мне приятные нежности на ухо. Говорит, что любит меня, притягивает еще сильнее и накрывает нас одеялом. Тепло окутывает меня, и я больше не могу держать глаза открытыми.

Я расслабляюсь, чувствуя, как Рид играет с моими волосами и как его дыхание касается моей шеи. Я чувствую полное удовлетворение от того, что сегодня мы открылись друг другу.

Глава 12

Рид

Я бегу так быстро, как только могут бежать ноги семнадцатилетнего парня. Легкие уже горят, а глаза слезятся от сильного ветра, бьющего в лицо. Щупальца страха добираются до меня, и от этого хочется бежать еще быстрее. Мир рушится вокруг меня, поглотив, похоронив меня под собой. Света больше нет, только темнота окружает меня.

Я ворочаюсь в постели, проснувшись после страшного сна. Только не сегодня. Только не когда Мэдди тут. Только не после того, что произошло сегодня между нами. Я отгоняю страх моего прошлого, глубоко вздыхая и считая до ста. Я начинаю засыпать, когда досчитываю до 55, надеясь, что наконец-то спокойно посплю.

Я забегая в свой дом, но там никого нет. Я отчаянно зову маму и папу, хотя знаю, что они на работе. Мое горло уже начинает болеть от отчаянных криков, но я продолжаю орать. Но тот, чей ответ мне хотелось услышать сильнее всего, уже никогда не ответит. Я пытаюсь сделать шаг, но мою ногу сводит судорогой, и я падаю вниз лицом. От удара об холодный и твердый паркет я разбиваю свой подбородок.

Мое сердце неистово бьется в груди. Уши заливаются краской. Лоб покрывается испариной. Инстинктивно, я провожу рукой по шраму на подбородке. Быстрая и резкая боль пронзает меня. Но этот шрам поверхностный, настоящий шрам уже спрятан глубоко-глубоко внутри меня. Похоронен. Холодный и мертвый, как Шейн.

Я смотрю на милую Мэдди, которая спокойно спит, свернувшись в клубок. Я пристраиваюсь к ней сзади, чувствуя, как ее попа касается моего паха. Я легко обвиваю девушку руками, пытаюсь не разбудить. Вдыхая приятный кокосовый аромат ее шампуня, который ассоциируется у меня со свободой и умиротворением, я пытаюсь успокоиться и отогнать от себя ступор. Я опять начинаю считать до ста. На сотне сон всё еще не собирается забирать меня в свое царство, и я начинаю счет заново. Практически досчитав до трети, я опять засыпаю.

Когда я наконец-то добираюсь до второго этажа, то слышу, как в ванной бежит вода. Страх сковывает меня. Кажется, мои ноги приклеились к полу. Я не могу сдвинуться с места. Я не могу говорить. Мир вращается вокруг меня с бешеной скоростью. Я зову его.

— Шейн? Чувак? Это ты там?

Но ответа нет, его уже никогда не будет. Я пытаюсь открыть дверь, но она заперта. Я стараюсь толкнуть сильнее. Я бью кулаками белую деревянную дверь, пока рама не

начинает трещать, а руки кровоточить. Я меняю тактику, но паника начинает подкатывать все сильнее и сильнее. Я толкаю дверь плечом, но ничего не происходит. Я толкаю снова и снова. Боль усиливается. Я уверен, что сильно повредил плечо, но просто не могу остановиться. Я не остановлюсь, пока не добьюсь своего.

Дверь трещит, и я бью ее еще раз, зная, что если ударю посильнее, то она разлетится на куски. Я толкаю её плечом и буквально вваливаюсь в ванную, падая на залитый кровью холодный пол. Дрожь пронзает мое тело, и дикий крик срывается с моих губ — это крик раненного животного. Я неуклюже ползу. От воды, смешанной с кровью, ноги все время поскользываются. Кровь везде. Я пытаюсь убедить себя, что это моя кровь: с подбородка, с кровоточащих кулаков и с плеча, в котором застрял деревянный осколок. Но я всё равно понимаю, что она не моя. Это его. Это кровь Шейна.

Я добегаю до ванны и вижу, как его руки безжизненно свисают с бортиков. Кровь уже не идет с вен на запястьях. Я хватаю Шейна за плечи, пытаюсь встряхнуть, пытаюсь вытянуть его из воды, пытаюсь спасти его. Но его голова просто качается из стороны в сторону, а глаза мертвые и пустые. Его тело уже холодное, Шейна уже здесь нет. Я опоздал.

Я падаю на пол, где меня тошнит. Я не спас его. Я опоздал. Это моя ошибка. Если бы я пришел раньше, он бы до сих пор был здесь, со мной. Я не смог сдержать боль внутри себя и начал крушить все вокруг.

— Рид! О, Господи! Рид, милый, проснись. Это всего лишь плохой сон. Пожалуйста, милый, проснись. Ты пугаешь меня. Пожалуйста! — ее испуганный тон вырывает меня из ада. Мэдди гладит мое лицо и шею. Она притягивает меня ближе, и я щекой чувствует ее сердцебиение. Я никак не могу успокоиться и понять, где нахожусь. Единственное, что приводит меня в чувство, это пальцы Мэдди, нежно гладившие мои волосы, руки, которые вырисовывают круги на спине, и голос, повторяющий "все будет в порядке".

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Мэдди, но из-за этого маленького движения внутри все неприятно скручивает. Внутри поднимается комок, я вскакиваю с кровати и кидаюсь в туалет. Она находится рядом со мной — успокаивающая и поддерживающая. После того как мой желудок наконец-то пустеет, Мэдди встает и подходит к раковине, чтобы намочить полотенце. Потом она возвращается ко мне и вытирает пот, выступивший на лбу и щеках. Я не могу смотреть ей в глаза. Я сломан, я знаю это.

Она вытирает полотенцем мои губы и дает стакан воды.

— Хей, милый. Выпей. Что еще я могу сделать для тебя?

Мэдди такая хрупкая, невинная, такая обеспокоенная. Я до сих пор не говорю ни слова и не уверен, что смогу. Я точно знаю, что если расскажу ей обо всем этом дерьме, то она уйдет. Я не могу потерять эту девушку и справляться со всем этим в одиночку. Плотину прорывает, и я плачу лишь от мысли, что могу потерять Мэдди.

Она идет в комнату, надевает футболку и приносит мне шорты. Я натягиваю их на себя, не вставая с пола. Чувствую себя очень уязвимым, поэтому рад, что мы хотя бы оделись.

Я не могу потерять Мэдди, только не после сегодняшней ночи. Я не могу успокоиться, даже представить не могу, как выгляжу — слово "нытик" единственное, что приходит мне на ум, но когда это видит Мэдди, мне на это наплевать, с ней я хочу быть самим собой.

— Рид, милый, пожалуйста, поговори со мной. Ты и слова мне не сказал, я очень волнуюсь за тебя. Пожалуйста, ты можешь рассказать мне все. Я всегда тебя поддержу. Мы преодолеем все вместе. Ты поддерживал меня и был опорой. Теперь моя очередь.

Пожалуйста, милый, дай мне помочь тебе.

Это заставляет меня заплакать еще сильнее. Она притягивает меня в свои объятия, окутывая своей теплотой. Я чувствую себя в безопасности. И вдруг понимаю, что высокая стена вокруг моего сердца рушится.

Я чувствую себя в безопасности. В ее объятиях я чувствую себя защищенным от всего мира. Мэдди уже открылась и доверилась мне. Она была невероятно сильной, мне хотелось ей довериться тоже. Возможно, я смогу это сделать. Возможно, она не уйдет. Я делаю глубокий вдох и морально готовлюсь рассказать ей свой самый страшный секрет.

— Я... Мэдди... Я никогда, — я не знаю с чего начать. Никогда и никому я этого не рассказывал. Громкое «черт» врывается из моей груди, и я пытаюсь начать заново.

Мы до сих пор сидим на полу в ванной, и плитка неприятно холодит ноги. Я не могу открыть ей этот секрет здесь, поэтому поднимаюсь и притягиваю девушку в свои объятия. Я крепко обнимаю Мэдди, пытаюсь найти силы, чтобы рассказать ей все.

Я дохожу с ней до кровати и опускаю на покрывало. Мой телефон вибрирует на ночном столике, но я просто игнорирую его. Единственный человек, с которым я хочу сейчас говорить, нежится в моих руках.

Она нежно берет меня за лицо и внимательно смотрит мне в глаза.

— Рид, я здесь, с тобой, но если ты не можешь или не хочешь рассказывать, я пойму тебя. Только, пожалуйста, скажи, что ты в порядке.

И я наконец-то могу что-то произнести.

— Ты здесь. Я в порядке. Это легко, — Мэдди громко вздыхает, я даже не уверен, замечает ли она, что задерживала дыхание. — Если ты не против, то я хочу тебе кое-что рассказать. И я бы хотел тебя попросить, чтобы ты не уходила после того, как закончу рассказ, но я знаю, что это будет невозможно. Я просто не могу скрывать это от тебя.

— Я люблю тебя. Я не уйду. Это тоже легко.

Девушка утыкается лицом мне в грудь и обнимает, и на тот момент все кажется на своих местах. Я целую Мэдди в макушку и понимаю, что мне надо почистить зубы. То, что я собираюсь ей рассказать, достаточно отвратительно, я не могу сделать это с ужасным привкусом рвоты во рту.

Когда я возвращаюсь назад, Мэдди смотрит на меня широко распахнутыми глазами, желая наконец-то услышать мой секрет. Это не то страстное желание, с которым ждут подробностей подростки, сплетничая, — она хочет услышать меня, чтобы помочь. Она знает, каково чувствовать боль и никому ничего не рассказывать о ней. Эти мысли только укрепляют мою решимость рассказать ей все.

Мы сидим на кровати со скрещенными ногами, смотря друг на друга в глаза и держась за руки, показывая, что мы можем сражаться с призраками моего прошлого.

— Не существует легкого пути сделать это, поэтому я начну с самого начала. Ладно? Я не уверен, смогу ли я рассказать все, если остановлюсь.

Мэдди кивает. Давая знать, что она не будет прерывать.

— Шейн был моим старшим братом, — я вижу шок в её глазах от моего признания. — Знаю, я говорил, что у меня нет семьи, и это правда, — она понимающе смотрит на меня — Мэдди понимает *каково* это, потерять семью.

Я закрываю глаза и впервые за все время разрешаю себе подумать о своём брате и лучшем друге.

— Он был таким, каким я всегда хотел быть. Шейн всегда светился, как солнце. Он был

на два года старше меня, поэтому мы были больше, чем просто братьями — мы были лучшими друзьями. Мы делали все вместе. Делили одну комнату, и вечно разговаривали до ночи. Когда мы были маленькими, то просто доводили родителей до безумия. Я уверен, что иногда они были убеждены, что когда-нибудь мы проломим потолок. Становясь старше, мы уже, конечно же, не так сходили с ума — но мы никогда не были спокойными — обычное вечернее бешенство превратилось в спокойные разговоры. Я знаю, что это звучит так по-девчачьи, но мы действительно были лучшими друзьями. Я считал, что это так чертовски круто — когда все расходятся, то расстаются со своими друзьями, но не я — Шейн всегда был со мной.

— Когда я пошел в старшие классы, брат взял меня с собой в класс борьбы. Он был тем, кто привел меня в спорт. Мы часы напролет проводили вместе, тренируясь, и уже скоро его друзья стали и моими друзьями. Но все поменялось, когда Шейн окончил школу, но только в том смысле, что его не было рядом со мной целый день. Мы всё равно отдыхали вместе на выходных, и Шейн всё равно остался жить дома, только днем ходил в колледж, то есть мы до сих пор жили вместе.

— Одной ночью я проснулся от странного звука, Шейн пытался подавить плач. Он пытался не показывать этого, но тихие звуки всё равно вылетали из его рта, было очевидно, что что-то не так. Его трясло, и я был чертовски напуган. Он был для меня как супергерой. Но тогда он был таким сломленным и переживал что-то очень серьезное. Я сказал ему, что позову маму с папой, на что он отреагировал негативно. Они всё равно ничего не знали. Я пытался его успокоить, но на самом деле все было наоборот, Шейн меня успокаивал. Я сказал ему, что если он не может рассказать маме с папой, то ему нужен хоть кто-то, кому он сможет довериться. Неважно, каким тяжелым был для него секрет, он не мог сражаться с ним в одиночку. Шейн сказал, что расскажет мне, но только если я поклянусь никогда и никому не раскрывать его тайну, ибо он умрет, если кто-нибудь когда-нибудь об этом узнает.

— И, конечно же, я пообещал, что никогда и ни одной живой душе не расскажу, показывая, что мой рот на замке, и я действительно имел это в виду, — от понимания, что я нарушил обещание, комок слез опять ползет вверх по горлу. Это моя ошибка, что он умер.

Мэдди начинает успокаивать меня и притягивает ближе, когда я начинаю плакать. Она ничего не говорит, и я люблю ее за это. Она просто дает мне перетерпеть эту боль, давая время, чтобы та отступила. Пытаясь сдерживать слезы, я продолжаю историю.

— Он сказал мне, что он гей, и честно говоря, я не был шокирован. Ну, я имею в виду, что мы никогда не говорили об этом, но часть меня всё равно подозревала это. Но это не изменило мое отношение к нему. Шейн был моим братом. Я любил его несмотря ни на что, но я понимал его страх, он не хотел, чтобы кто-то узнал. Мои родители очень консервативные, и в нашем маленьком городке его бы не поняли. Все друзья сразу отвернулись бы от него, а родители могли тут же отказаться от него. Тогда мне было только шестнадцать, поэтому я не мог понять всей глобальности ситуации, но я понимал, что это страшно. Для нашего города, для нашей семьи, это была ужасная проблема. Поэтому я не сказал никому.

— Пока не встретил *ее*. Шейн начал встречаться с девушкой, Алекс. Он встретил ее на семинаре по английскому. Она была очаровательной и невероятно красивой. Брат подумал, что это будет хорошим прикрытием для него, но я подозревал, что он еще не хотел до конца принимать, что он гей. И самое грустное, что ему было бы легче, если бы всего этого не

было. Я даже не могу представить, что было у него в голове — как он себя чувствовал и готов ли был принять себя. Они встречались некоторое время — я бы сказал, месяца три или четыре — до того как она заметила меня. Однажды Алекс прислонилась к своей машине, стоявшей рядом с местом моей работы. Я тут же узнал ее. Я видел ее уже сотню раз. Шейн приводил ее домой, чтобы познакомить с родителями, да и в городе, когда они гуляли, я их часто видел. Я просто смеялся с его выходки, но в тоже время хотел, чтобы у него было место, где он мог побыть самим собой. Настоящий Шейн был невероятным, но я также знал, что пока он живет с родителями и пока гуляет в городе, настоящего Шейна никто не видит.

— Ну, короче говоря, она пригласила меня просто поболтать, что показалось мне очень странным. Алекс сказала, что ждала Шейна, который что-то доделывал — домашку, или что-то в этом духе — и она просто хотела где-то убить свое время. Я не до конца ей поверил, но она была девушкой Шейна, и она была очень горячей. У нее была бутылка Джэка Дэниэлса на переднем сидении, и она спросила, не хочу ли я выпить. Я не хотел показаться слюнтяем. Ну, я пил уже до этого, но что-то внутри меня просто кричало. Мы приехали на какой-то холм, откуда было видно весь город, и сели на капот, выпивая Джэка. Сначала диалог был довольно невинным. Ну, ты понимаешь, что-то вроде "как дела в школе?" или «жду ли я начала весеннего бейсбольного сезона?". Я даже не успел понять, когда успел напиться. Джэк быстро бежит по крови, особенно когда ты не привык к нему.

— Поняв, что я пьян, Алекс сразу же придвинулась ко мне. А потом начала целовать и прижиматься ко мне своим телом. Я был подонком из-за того, что делал это с девушкой моего брата, но я не мог не реагировать. Я был шестнадцатилетним пареньком, в рот которому засунула язык студентка. Она спустила мои штаны, и мой член оказался у нее во рту быстрее, чем я вообще понял, что происходит. Уже буквально через секунду она была на мне и трахала меня так, будто завтрашний день уже никогда не наступит.

Я останавливаюсь, смотря в шокированные глаза Мэдди. Она не заслуживала этого. Она не заслуживала меня. Знаю, я полный дебил, рассказываю ей такое после сегодняшней незабываемой ночи. Я понимаю, что значила для нее эта ночь. Но для меня она тоже была дороже целого мира. И вот сейчас, я рассказываю ей о чертовой Алекс, но Мэдди должна все узнать. Я собираю все свои силы, чтобы продолжить, и просто надеюсь, что после всего этого Мэдди не уйдет.

— Это был мой первый раз, поэтому все произошло быстро. Когда Алекс слезла с меня, то сказала, что ее впервые за долгое время хорошо оттрахали. Она точно увидела мой непонимающий взгляд. Я даже спросил у нее, спали ли они с Шейном. Этот вопрос я задал шокированным голосом, хотя и не хотел этого показывать, но я был пьян. Увидев мой шок и непонимание, она начала давить на меня. Я видел жестокость у нее в глазах. И казалось, что она закипала, но алкоголь всё равно не давал мне ясно мыслить, и когда Алекс поняла, что я знал, что Шейн гей, она просто взорвалась. Я никогда не хотел говорить ей, да и не имел права, но именно из-за меня она узнала. Это из-за меня все об этом узнали.

Практически все время, пока я говорю, моя голова опущена. Я не хочу смотреть Мэдди в глаза, зная, что увижу там только осуждение и злость.

Когда я, наконец, осмеливаюсь посмотреть моей девушке в глаза, то вижу в них только шок, как, наверное, было бы у любого другого на ее месте. Я слишком много взвалил на нее, черт, это было бы слишком для всех. Я должен попытаться переубедить ее, что больше не являюсь тем человеком.

— Мэдди, ты должна поверить мне, я никогда бы ей ничего не рассказал. Пожалуйста,

поверь мне. Вот почему я никогда не пью. Вот почему я никого, кроме тебя, к себе не подпускаю.

Она до сих пор ничего не говорит.

— Мэдди, пожалуйста. Скажи мне, что у нас все в порядке. Что ты в порядке, — я тянусь к ее щеке, опешив, когда она тянется на встречу.

Она не ненавидит меня.

— Могу я сейчас что-то сказать, Рид? Я не хочу прерывать тебя, если ты не закончил, — девушка за меня беспокоится, ну как ее можно не любить?

— Нет, продолжай, пожалуйста, скажи что-нибудь, — я просто умоляю ее. Мне надо еще кое-что сказать ей, но я нуждаюсь в передышке и должен еще раз собрать свои мозги в кучу. А еще мне очень нужно услышать от нее, что она меня не ненавидит за все то, что уже произошло.

— Я пытаюсь подобрать правильные слова. Знаю, ты не хочешь услышать "все хорошо" или "это не твоя вина", потому что знаю, что это не хорошо. Ты видишь это все в кошмарах — и это точно не хорошо. И я могу поклясться, что это не твоя вина, ведь это так и есть, но я знаю, что это никак не изменит твоих чувств.

Я киваю головой, соглашаясь. Глубоко внутри я знаю, что если бы не спал с Алекс и не раскрыл бы секрет Шейна, то он до сих пор был бы здесь.

— Я никогда не винила себя за то, что мои родители умерли. Ну, я имею в виду, что никто не мог ничего изменить.

Я саркастически улыбаюсь ей. Если Мэдди пытается избавить меня от чувства вины, то у нее это совершенно не получается.

Она понимает это, но продолжает:

— Я имею в виду, что даже несмотря на то, что не испытываю чувство вины, я до сих пор чувствую боль из-за того, что потеряла их. Я понимаю твое горе, и то, что ты сейчас чувствуешь — боль, от которой ты просыпаешься ночью и которая полностью поглощает тебя. И ты делаешь все возможное, чтобы защитить себя, чтобы держать весь мир в страхе и на расстоянии вытянутой руки. Ты научился защищать свое разбитое сердце, потому что ты даже не можешь представить каково это — чувствовать себя целым. Я даже не знаю, как сказать, чтобы ты простил себя, но я точно знаю, что ты хороший человек, и я люблю тебя больше жизни. Я здесь, рядом с тобой. И я хочу помочь тебе разобраться с прошлым и двигаться дальше, прямо как помог мне ты, как ты помог двигаться дальше мне.

Мэдди останавливается, и я вижу, как в своей голове она по кусочкам собирает мою историю воедино.

— Ты расскажешь мне до конца? — застенчиво спрашивает она.

Я никогда не был откровенным, говоря о своей семье, но она знала, что было что-то еще, что я не рассказал. Чувствуя ее поддержку, я продолжаю:

— После того как Алекс все разузнала, она отвезла меня домой, пообещав никому ничего не рассказывать. Чертова ложь. Это можно было прочесть по ее лицу. Алекс была смущена оттого, что ее обманули, оттого, что ее парень пытался обвести ее вокруг пальца. Она презирала его, и у этой девушки была миссия уничтожить Шейна за то, что он выставил ее в плохом свете. Это было пять лет назад, когда я был в старших классах, поэтому я мало знал про Фейсбук и Май Спейс, да и про все остальные соц. сети. Но Алекс знала, и именно через них она превратила жизнь Шейна в ад. Она сделала видео из их совместных снимков, раскрывая его тайну. Это было так жестоко и мстительно, но настолько совершенно.

— Как я уже говорил, мы жили в маленьком городке. В Дэннинге — небольшом сельском городке на север от Нью-Йорка, в котором я вырос — живет только около пятисот человек. Практически все работают фермерами или офисными работниками. Люди живут там поколениями и не воспринимают то, что для них *неестественно*. Новость быстро разлетелась, и уже скоро все знали, что Шейн гей. Однажды, когда он возвращался после занятий, спустя несколько дней после моей встречи с Алекс, мои родители уже ждали его. Они сказали ему, чтобы он убирался. Их сын не должен быть геем. С тех самых пор, как они услышали его тайну, он фактически перестал быть их сыном. Они перестали его любить. Они просто вышвырнули его из дома. Я до сих пор не могу поверить тому, как жестоко они поступили с ним. Но Шейн, он не начал кричать или истерить, он просто ушел с низко опущенной головой. Мои родители на самом деле не мертвы, но после того случая для меня их уже ничего не воскресит.

— Я даже не могу представить, как он себя чувствовал, когда над ним издевались в интернете или на учебе. Когда он проходил мимо меня по лестнице, его глаза были грустными, убитыми, но всё же где-то внутри был огонек облегчения — облегчения оттого, что все наконец-то узнали. От этого огонька у меня тоже проснулась надежда, я надеялся, что теперь все будет в порядке, что Шейн наконец-то разберется в себе и все снова станет таким, как раньше.

— Но этого не произошло. На следующее утро, когда я проснулся, Шейна уже не было. Спустившись вниз, чтобы найти его, я обнаружил только родителей, которые сидели за столом, завтракали и спокойно пили кофе, будто бы ничего не произошло. Я закричал на них. Сказал, что они совсем выжили из ума, что у них нет сердца и совершенно неважно, гей их сын или нет. Они сказали мне, что если я такой же, как и он, то тоже должен убраться из их жизни. Я смотрел на них и совсем не узнавал. Они были моими родителями. Я знал их всю свою жизнь, но когда они сказали мне такое, я был просто в шоке.

— После обеда того же дня, когда родители были на работе, я вернулся из школы домой пораньше, чтобы собрать сумки. Я собирался найти Шейна и уехать вместе с ним. Неважно, что он делал, я не хотел оставлять его одного, и я определенно не хотел оставаться в этом доме. Внутри меня уже все кричало, что что-то не так. Я бежал и бежал, и бежал, чтобы добраться домой как можно быстрее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я останавливаюсь, пытаюсь собраться с силами, чтобы рассказать следующую часть. Глубокий вдох и воздух застревает у меня в легких, я так похож на ребенка, который боится заснуть и снова встретиться с ночными кошмарами.

— Он был в ванной, с перезанными запястьями, кровь была везде. Я опоздал. Я уже ничего не мог сделать. Шейн покончил жизнь самоубийством из-за меня, из-за моей гребанной ошибки. Он оставил записку, в которой написал, что сожалеет и не может быть тем, кем все хотят его видеть. Я убил его. Из-за моей ошибки мой брат мертв, — слезы уже не переставая текли по моему лицу.

Мэдди притягивает меня ближе и обнимает. После долгого молчания и после того, как я устраиваюсь, она спрашивает:

— Именно из-за этого ты хочешь работать с детьми, да?

Я улыбаюсь, перед тем как ответить.

— Да. Шестнадцатилетний я винит себя за все, что случилось с Шейном, но двадцати однолетний я знает, что если бы он мог к кому-то обратиться, то мой брат до сих пор был бы

здесь, со мной. Тогда я не мог ему помочь, но, возможно, сейчас я смогу помочь хоть кому-то.

Девушка улыбается и нежно обнимает меня. Мы долго не говорим, просто нежимся в объятиях друг друга, растворяясь в своих чувствах.

Я долго думал о том, как был счастлив, пока Шейн был жив, и как сильно я любил свою жизнь и свою семью. Все разрушилось в одну секунду. Я знаю, что Мэдди понимала, каково это: ее никто не предупреждал о смерти родителей. Ее мир разлетелся на осколки в один миг, как и мой.

Она будто читала мои мысли, потому что когда я думаю про то, что мои родители практически мертвы для меня, она спрашивает о них.

— И что произошло между тобой и твоими родителями потом?

Я не могу сдержать вздох и нервный смешок.

— Ну, они выгнали меня, я был готов уйти с Шейном. Но после его смерти я потерял силы делать что-либо. Последние полтора года школы я жил как в тумане. Я просто существовал. С родителями я пересекался в кухне или в коридоре, соединявшем наши комнаты, но мы никогда не разговаривали. Окончив школу, я упаковал вещи и больше никогда туда не возвращался. С тех пор я ничего не слышал о них. Они никогда не пытались связаться со мной, да и я их не беспокоил.

Если ей не нравится то, что я практически вычеркнул своих родителей из своей жизни, то она чертовски хорошо это скрывает.

— Но как же ты платишь за обучение? И за этот дом? Ну, понятно, что это не Ритс, но ты же не работаешь. Как без помощи родителей ты можешь позволить себе все это? И те деньги, которые ты потратил вчера — откуда все это, если ты живешь за свой счет?

— Они просто пытаются выиграть приз “родители года”, — язвлю я. — После того как Шейн покончил жизнь самоубийством и мои родители узнали обо всем этом дерьме в интернете, они просто хотели, чтобы Алекс извинилась за клевету. Я вообще перестал обращать внимания на то, что они делали, а родители оставили в покое меня. Мать с отцом вообще не трогали меня, я был в трауре. Я просто не мог понять, почему они вели себя так, будто ничего не случилось. В любом случае, родители хотели сделать так, чтобы все следы о том, что Шейн был геем, исчезли. Они хотели, чтобы Алекс взяла свои слова обратно, даже если они были правдой. Их на тот момент вообще не интересовали деньги. Они хотели сохранить свое лицо. Поэтому, выиграв суд, они просто положили все деньги в банк мне на обучение. Я даже уверен, что если бы отец или мать узнали, что я инвестирую их в карьеру, помогающую таким детям, как Шейн, то они тут же забрали бы их назад. Но, честно говоря, кроме учебы и аренды я их ни на что не трачу. Я никогда еще не тратил столько, сколько сегодня, — я расплываюсь в улыбке, вспоминая ее счастливые глаза, когда Мэдди увидела все это.

— Шейн любит тебя, ты же знаешь? — тишина опять становится напряженной, так как мои страхи опять подбираются ко мне.

— Мэдди, так что теперь на счет нас?

Она не ожидала такого вопроса, и я не могу точно сказать, хорошо это или плохо.

— Что ты имеешь в виду, говоря «что на счет нас»? — она поворачивается, и теперь мы лежим лицом к лицу, смотря друг другу в глаза.

— Я не хотел тебе это рассказывать, потому что у меня было предчувствие, что ты уйдешь от меня, если я тебе все расскажу. Ты слишком хороша для меня, для моего прошлого

и всего того, что произошло между мной, Алекс и Шейном.

Но девушка останавливает мой поток мыслей. Ее губы затыкают меня. Боже, я снова дышу. Она же не целовала бы меня, если бы хотела уйти?

— Рид, я уже сказала, что люблю тебя. Да, сейчас это может быть шоком для тебя, — она пыталась быть игривой — Боже, я люблю ее. — Но я же не раскидываюсь такими словами. Это все очень серьезно, и я не играла с тобой, а ещё мне не нравится то, что ты боялся мне что-то рассказать. Милый, я здесь, с тобой. Я люблю тебя, и все, что уже произошло, не твоя вина.

Я пытаюсь прервать ее, но Мэдди только шикает и смотрит на меня "заткнись" взглядом.

— Не твоя, Рид — все произошло не по твоей вине. Алекс соблазнила тебя. Псу существу, она даже изнасиловала тебя. Конечно, она не избивала тебя, но напоила и соблазнила шестнадцатилетнего парня, чтобы разузнать информацию, которую вообще не имела права знать. Ты был ребенком. Твой брат доверял тебе, а она использовала тебя. Ты не специально рассказал ей все. Ты же не отрекся от него, как это сделали твои родители. Ты собирался уйти вместе с ним, чтобы быть с братом и поддерживать его. И ты, безусловно, не сам резал ему вены. Просто Шейну было очень больно, и он решил, что это единственный выход. Это не твоя ошибка, милый. Ты решил помогать детям — вот, что чертовски хорошо. Ты должен простить себя. Иначе чувство вины и злости сожрёт тебя заживо.

Я в восторге от этой красивой и невероятной девушки. Как я вообще смог заполучить такую?

— Мэдди, не все так просто. Боже, я люблю тебя. Я не могу полностью простить себя и не могу в один момент проглотить всю злость и боль целиком, но впервые с того случая я попытаюсь это сделать. Из-за тебя я хочу сделать это.

Я целую её, показывая все свои эмоции. Мэдди просто невероятная. Она не сбежала, не отвернулась и не жалеет меня. Она сейчас здесь, со мной, и обнимает меня как раз в тот момент, когда мне это как никогда стало необходимо, слушает меня, когда мне надо выговориться и вытирает мои слёзы.

Мэдди прерывает поцелуй и говорит:

— Я люблю тебя, Рид, — Мэдди делает большой вдох, пытаюсь сменить тему, и когда она выдыхает, то говорит, — сейчас я собираюсь сходить в душ и засунуть этого монстра-птицу в духовку. Что вы с ребятами сделали, она же такая большая?

— Ох, черт, Мэдди! Я совсем забыл, что сегодня День благодарения и мы должны сделать ужин на девятерых, — я дотягиваюсь до своего телефона, чтобы посмотреть время, и обнаруживаю пять пропущенных звонков с одного и того же неизвестного номера.

— Все в порядке, милый. Все под контролем. Все, что ты должен сделать, это успеть сесть за стол и хорошо выглядеть, — она саркастически улыбается. — Так, я в душ, а потом готовить.

Когда Мэдди встает с кровати, я игриво шлепаю ее по попе. Она делает со мной невероятные вещи. Господи, если бы ее не было здесь сегодня после того ночного кошмара, я даже не знаю, что бы я делал. Но я бы точно не смеялся и не улыбался. Я никогда еще не был так благодарен своей жизни.

Я слышу, как включается вода, и иду к ней в душ. Я могу с пользой для нас обоих использовать этот час, показывая ей свою благодарность.

Мэдди уже находится под горячим душем, смывая пену со своих длинных и красивых волос. Вода струится вниз по ее идеальному телу. Я могу смотреть на это вечно. Ее ноги длинные и стройные, переходящие в самую красивую попу, которую я когда-либо видел. Округлая, налитая — как же хочется ее укусить. Ее бедра и талия невероятно женственные. Она далека от тех моделей, которых можно описать только как «кожа да кости» и которых все считают идеалом. Если кто — то считает, что те девушки красивы, значит, они никогда не видели Мэдди.

Девушка стоит спиной ко мне, поэтому я быстро скидываю боксеры и залезаю к ней под душ. Она резко выдыхает от шока.

— Ты до чертиков испугал меня, Рид! Что ты здесь делаешь?

Она пытается прикрыться — глупая моя. Я обнимаю Мэдди за талию и притягиваю к себе, чтобы ее спина касалась моей груди, вода невообразимо приятно заставляет скользить по нашим телам. Я нежно целую ее шею, перед тем как легонько укусить. Она поворачивает голову, ловя мои губы.

— Неужели ты действительно думала, что я останусь в комнате, зная, что ты здесь вся такая горячая, мыльная и влажная? — я опять целую ее шею. Проследив губами дорожку от ее длинной, грациозной шеи до уха, легко посасываю мочку. Ее дыхание становится тяжелым, да оно вообще сбивается. Мой член встает только от мысли, насколько Мэдди влажная, и не только от душа. Почувствовав это, она протягивает руку, чтобы дотронуться.

Мои колени слегка подкашиваются. У нее уже есть власть надо мной. Только от одного прикосновения ее пальчиков, я чувствую любовь и невероятную силу ее эмоций, и я открываюсь перед ней. Я прижимаюсь к ней еще сильнее, толкаясь бедрами ей в ладонку. Вода всё ещё льется на нас, делая все наши движения легкими. И, наконец, Мэдди поворачивается ко мне лицом.

Ее красивые зеленые глаза затуманены любовью и страстью. И я точно знаю, что точно такие же чувства она видит и в моих глазах. Мои руки скользят по ее талии вверх, обхватывая налитую грудь. Ее грудь такая же прекрасная. Ее соски твердеют от моих прикосновений. Я легко щипаю их и оттягиваю. Девушка стонет и вдавливая в меня свои бедра. Я склоняю голову к ее груди и втягиваю в рот правый сосок, мягко посасывая.

— Оххх, Рид. Это просто невероятно, — она обхватывает меня за шею, запуская пальцы в волосы, удерживая меня на месте.

Я отстраняюсь, втягивая воздух в легкие, и говорю:

— Ты чертовски красива, Мэдди. Каждый твой сантиметр идеален, — я провожу руками по ее телу, доказывая ей свою правоту. — Здесь, — я пробегаю пальцами по ее волосам, вызывая у неё дрожь. — Ох, Господи, ты самая умная из всех, кого я знаю, — я кладу свою руку на ее сердце. — И здесь. Боже мой, здесь самое доброе и отзывчивое сердце. Я до сих пор не могу поверить, что я заслужил быть здесь и вообще быть частью твоего мира и жизни. Я люблю тебя, Мэдди. И ты даже не можешь представить себе насколько сильно.

Ее губы буквально врезаются в мои, прежде чем я успеваю что-либо сказать. В мире даже не существует таких слов, чтобы описать силу моей любви, а особенно сейчас, когда она все узнала и не ушла. Я открыл свое сердце и отдал ей. Никогда в жизни я не думал, что буду таким счастливым.

Мэдди углубляет поцелуй, беря на себя первенство. Наши зубы врезаются. Мы кусаем

губы друг друга. Наши языки танцуют в диком танце. Мы растворяемся друг в друге, в этом моменте необузданной страсти. Я тяну руку вниз, чтобы сделать ей приятно, и в этот раз уже ее колени подгибаются от удовольствия.

— Расставь ножки для меня, детка. Дай мне до тебя дотронуться.

— Ох... Господи... да... Рид...

Ее голос прерывается от стонов удовольствия. Я касаюсь клитора, нажимая мягко как никогда. Ей может быть больно из-за прошлой ночи, и я не хочу причинить ей эту боль. Когда Мэдди сильнее опускается на мою руку, то едва ли задумывается о боли, да она вообще о ней не думает. Два моих пальца скользят по её мягким складочкам, и девушка полностью растворяется в чувствах. Ее голова запрокидывается, и она с трудом держится на ногах, я обвиваю ее талию руками, чтобы поддержать.

Мои пальцы терзают ее, большой палец кружит вокруг ее клитора. Мое имя, что сорвалось с ее губ, самый красивый звук, который я когда-либо слышал. Она ломает все цепи вокруг моего сердца, наполнив его любовью.

Вновь обретя способность стоять на ногах, Мэдди обнимает меня и кладет голову мне на плечо.

— Рид, это было так хорошо. Ты заставляешь меня чувствовать...ох, Господи...я даже не могу говорить. Я люблю тебя, — она опять начинает двигаться вниз, чтобы возобновить поглаживание, но спустя пару касаний я сам не могу сдерживаться.

— Мэдди, твои руки фантастические. Мне так нравится, когда ты меня касаешься. Оххх... детка... почти, — я вообще не воспринимаю ничего вокруг себя, и поэтому не сразу понимаю, что Мэдди стоит передо мной на коленях. От этого одного вида, я уже подхожу к краю. Ее язык, ее губы — они моя погибель.

Я пытаюсь поднять Мэдди, я не ожидал, что она будет делать это ртом. Я не хотел, чтобы она думала, что я буду ее принуждать к тому, чего она не хочет делать. Но Мэдди просто хватает меня за зад и притягивает к себе, принимая мой член в рот. Я хочу сказать ей, что она не должна это делать, но кончаю раньше.

Она, не дрогнув, не сдвигается даже на миллиметр. Девушка принимает меня всего — тело и душу — принимает все и делает это незабываемым. Я поднимаю Мэдди и притягиваю ближе к себе. Целуя ее в макушку, я говорю:

— Ты же понимаешь, что не должна была это делать... ну... ты понимаешь, о чем я, — смотря ей в глаза, мне не хотелось быть вульгарным и называть такие вещи вслух.

— Рид, неужели ты действительно думаешь, что я не хотела того, что сделала? Я люблю тебя и хочу показать, насколько сильно. Или... я сделала что-то не так? Ох, Господи, я же сделала что-то не так? Черт, я идиотка.

Боже, какая она сейчас милая, показывая свою неуверенность. Я кончил в ее ротик спустя минуту, и после этого она думает, что сделала что-то не так.

— Мэдди, поверь мне. Ты сделала все совершенно отлично, — мы стоим под водой, обнимая друг друга и утопая в блаженстве. Когда вода начинает остывать, мы спешим выбраться с душа.

Я обматываю и себя, и ее полотенцем. После чего опять притягиваю Мэдди ближе и кладу ее голову себе на грудь. Впервые с прошлой ночи я осознаю, что я у нее первый, да и у меня такого утра никогда раньше не было. Это был первый раз, когда я признался в любви и рассказал кому-то про Шейна и Алекс. Впервые я почувствую, что меня любят в ответ, несмотря на всех демонов моего прошлого.

У меня такое ощущение, что в душе не только мое тело стало чище. Рядом с Мэдди я чувствую, будто моя душа наконец-то очистилась, а сердцу дали второй шанс.

Когда от осознания всего этого у меня на лице появляется улыбка, я впервые за все время не пытаюсь ее стереть.

Глава 13

Мэдди

Я нахожусь в восторге от всего передо мной, и не только из-за ужина, который мы с девчонками соорудили. Но и от любви и чувства, будто у меня появилась семья, согревавшего всё внутри меня. Мальчики весь день провели в гостиной за просмотром футбола. Конечно, немного несправедливо, но я бы соврала, если бы сказала, что мое сердце не таит каждый раз, как до меня доносились их крики на телевизор. Мой папа делал тоже самое, когда смотрел футбол, да и необязательно футбол, любой спорт. Неужели это мужская фишка — кричать на телевизор? Неужели они не понимают, что вне зависимости от того, насколько громкими будут их крики, это всё равно ни на что не сможет повлиять?

Глупые мальчишки.

— Ладно, стол засервирован, и все блюда готовы. Я думаю, что мы готовы, — информирует меня Мелани. Честно говоря, я бы не смогла сделать все это без девочек. Я никогда не готовила ничего серьезней, чем макароны с сыром. Господи, я надеюсь, что никого не отравлю сегодня!

Мама Крейн сегодня очень милая. Даже несмотря на её клятвы не вмешиваться в кулинарный процесс, она зависает на кухне целый день. Я вижу, как она все пробует и добавляет щепоточку той или иной специи.

Я вытянула гигантскую птицу из духовки ещё несколько минут назад, а сейчас просто стою и смотрю на нее, даже не представляя, как разрезать это чудо природы. Даже в мыслях не могу предположить, откуда начинать.

Может, у ребят есть бензопила. Это точно должно сработать.

И как только я собираюсь запаниковать, на кухню заходит Рид. Он тоже целый день ведет себя хорошо. Каждые двадцать минут, ну или около того, он заходит на кухню и спрашивает, нужна ли его помощь. Он не хочет, чтобы на меня свалилась вся работа, но спустя пять-шесть попыток, он понимает, что это бесполезно, и перестает заходить.

Но вот он опять здесь.

— Нужна помощь, Мэдди? — он ведет себя, как маленький чертенок, так как ранее я буквально выталкивала его из кухни и запрещала сюда заходить.

— Почему бы и нет? — я игриво выгибаю бровь, глядя на него. — Можешь отнести это на стол и разрезать, ради меня? — я пытаюсь изобразить Джун Кливер (*прим. ред.: главный женский персонаж американского телевизионного ситкома “Предоставьте это Биверу”*), но от этого он смеется еще сильнее.

Я не должна была завестись от одного взгляда на то, как он несет индейку в гостиную, но моя кровь закипает в тот же момент, как я вижу его напрягшиеся мышцы, когда он без особых усилий берет гигантскую птицу. И смотреть, как его аппетитная и замечательная задница идет в комнату, тоже довольно приятное занятие.

Мне нравится то, что они решили не наряжаться, да и вообще были без заморочек. Я никогда не понимала смысла наряжаться, просто чтобы поесть. Я всегда считала, что джинсов и обычной кофты более, чем достаточно.

Когда я захожу в комнату, то на несколько секунд теряю способность дышать. Все сидят за невероятно красиво обставленным столом, что своего рода походит на одну из картин Нормана Роквелла. Рид сидит у изголовья стола, оставив мне место рядом с собой.

Перед тем как сесть, он поднимает бокал и прочищает горло, чтобы привлечь внимание.

— Прежде чем приступить к ужину, я бы хотел сказать пару слов. Прежде всего, я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы сделали все это возможным. Я знаю, что предложил всё в последнюю минуту, но сейчас вы все здесь, и я надеюсь, что мы хорошо повеселимся.

В речь Рида вмешивается Джек:

— Да, даже не поспоришь, было очень весело затягивать огромную шестифутовую елку с моей машины в дом.

Логан добавляет:

— Не могу пожаловаться. Сейчас дом чище, чем в рекламе порошка!

Рид с улыбкой смотрит на них и продолжает свой тост:

— Миссис Крейн, я даже выразить не могу Вам всю свою благодарность. Без Вас этот День благодарения был бы не тот, я уверен, что все со мной согласятся.

Мама Крейн подмигивает ему. Мне кажется, что она приятно поражена, так как еле сдерживает слезы от его слов.

— Ну и самое последнее, но не по значению, Мэдди, спасибо тебе зато, что ты вошла в мою жизнь. Даже не представляю, что я сделал, чтобы заслужить тебя. Я даже не уверен, что я вообще что-то делал, но с этого момента и каждую минуту я буду прикладывать все усилия, чтобы ты оставалась со мной. Я люблю тебя, милая, и надеюсь, что тебе понравится этот День благодарения.

На своих последних словах Рид наклоняется, чтобы легко поцеловать меня в щечку. Все встают с криками “Ура!! Ура!!” и начинают чокаются.

Прежде чем начать кушать, мама Крейн произносит тост. Мое сердце млеет от любви к этой женщине, которая была мне второй мамой на протяжении уже восьми лет.

Когда она заканчивает, Рид разделявают индейку, и все начинают передавать тарелки. Моя тарелка заполняется до краев, как и мое сердце. Я получила всё, о чем мечтала, и всё благодаря Риду.

Я беру его за руку и легонько сжимаю.

— Рид, я люблю тебя. Спасибо тебе. Это был лучший сюрприз и лучшие выходные за всю мою жизнь.

Он подмигивает мне и отвечает:

— Ради тебя я сделаю все, Мэдди. Все, что ты только пожелаешь.

— Ох, я так рада, что ты это сказал, потому что если ты думаешь, что я буду мыть все это после ужина, то ты ошибаешься.

Он смеется и сексуально смотрит на меня.

— Я позабочусь о тарелках, детка. Ты свободна на весь вечер. Ну, по крайней мере, до того момента, как все уйдут. Потом ты целиком и полностью моя.

Мы все сидим в гостиной и смотрим “*Волшебника из страны Оз*”. Все разговаривают между собой, но я могу думать только о том, как Рид все время смотрит на дисплей своего телефона. Одна мысль просто не дает мне покоя, он же никогда в нем не сидел, но за последние недели гаджет стал его постоянным спутником — телефон все время находится в его руках или вибрирует на любой поверхности.

Но, в любом случае, кто ему звонит? Мы все здесь.

Что-то здесь не так.

Неприятные мысли так и лезут в голову. Он мне изменяет? Одному только Богу известно, сколько девушек Рид может себе выбрать — и все они более горячие, чем я, и уж точно опыта у них предостаточно. Возможно, у него кто-то был все то время, пока мы встречались. Я пытаюсь удержать свои мысли, чтобы они не лезли туда, куда не надо. Я напоминаю себе о том, сколько приятных сюрпризов Рид сделал с тех пор, как мы начали встречаться. Изменщик не будет каждый час писать смс, спрашивая о настроении. Он не стал бы покупать цветы при каждой встрече — иногда просто одну красивую красную розу — если бы спал с кем-то еще.

В любом случае, когда бы он мог спать с другой? Мы проводим вместе практически каждую ночь.

Но секс у нас был только один раз.

Вы не должны, проводя ночи вместе, каждый раз заниматься сексом.

Когда я думаю о том, что он спит еще с кем-то, то понимаю, как по-глупому было заниматься сексом без презерватива. Мое сердце и мозг сражаются за то, во что действительно верить. Но одно я знаю точно, я не люблю такую себя — эту устраивающую допросы и неуверенную Мэдди, которую я пыталась искоренить последние несколько месяцев.

Я глупая. У меня нет причин думать, будто Рид пойдет по своим прежним стопам. Я впустила его, а он впустил меня, и тут я вдруг стала напуганной девочкой, которая пытается всё испортить. Так же, как я поступила с Джемом, прежде чем уехать.

Выкинь это из головы. Он хороший парень, Мэдди. Он бы не поступил так с тобой.

Рид ловит мой взгляд и поднимает бровь, будто спрашивая, что произошло. Я быстро улыбаюсь, давая ему понять, что все в порядке, и зеваю, делая вид, будто устала. Он улыбается в ответ и продолжает разговор вместе с Логаном и Брайаном. Наверняка они анализировали каждую деталь футбольного матча, просмотренного ранее.

Когда все наконец-то уходят, на часах уже почти десять часов вечера, и я ужасно устала. Если учесть прошлую ночь, сегодняшнее утро в душе — и плюс эти догадки про звонки Рида — я вообще удивляюсь, что у меня остались силы подняться по лестнице и улечься в кровать.

Он называл ее *нашей* кроватью — кроватью, которую он купил, чтобы у нас были только новые замечательные воспоминания.

Рид бы не делал всего этого ради меня, не открыл бы мне свои секреты, если бы у него была другая женщина.

Я чертовски надеюсь, что это так.

Я уже почти засыпаю, когда Рид говорит:

— Я хочу принять душ перед сном, — он соблазнительно улыбается, и его глаза загораются. — Не хочешь ко мне присоединиться?

— Рид, я бы очень хотела, но у меня нет сил. Я просто хочу закутаться в одеяло и уснуть

на двенадцать часов. Извини, милый, могу я попросить отсрочку?

— Конечно, солнышко. Хочешь, я сделаю тебе массаж, когда выйду с душа? Он расслабит тебя.

Ох, Господи, он такой хороший и милый. Я пытаюсь загнать в дальний угол свои страхи и ухватиться за то, что он любит меня.

Какая я глупая, ну, серьезно. Я поговорю с ним об этом утром, потому что думать о том, что Рид мне изменяет, утомляет еще больше.

— Просто замечательно, — я встаю, чтобы взять одну из его футболок в шкаф.

— Хорошо. Я вернусь через пару минут.

Он стягивает с себя свитер одним невероятно сексуальным движением захватив одной рукой свитер сзади, прям как все парни. Мне становится дико интересно, понимают ли они, насколько сексуально это смотрится. Наверное, они с такими же ощущениями смотрят, как мы расстегиваем бюстгальтер и снимаем его, не раздеваясь. Мне самой становится смешно из-за этих размышлений.

Мой смех стихает, как только я слышу вибрирующий телефон на комод. Я не хочу смотреть.

Да, ты хочешь.

Нет, не хочешь.

Черт.

Пока я стою и не знаю, как поступить, телефон смолкает. Думаю, он сам решил мою дилемму — как будто если бы я подняла телефон, пока он звонил, мои подозрения стали бы менее оскорбительными.

И потом он звонит снова, и меня просто тянет к нему. Я как спящая красавица, которую тянет к веретену, хотя она знает, что ей нельзя к нему прикасаться. Ничего хорошего из этого не получится. Я знаю это, но и сдержаться не могу. Я так долго охраняла свое сердце, что даже маленькое подозрение по поводу Рида ставит все под сомнение.

Я поднимаю телефон и провожу по экрану, принимая звонок. Я открываю рот, собираясь что-нибудь сказать, но не могу выдать из себя и слова. Что я могу сказать? Имя не высветилось, и на секунду я думаю, что это уже хорошо. Если бы это был кто-то, с кем он общается или часто встречается, он бы точно подписал номер. И в тот момент тихий голос в глубине сознания начинает трубить в полную громкость, что если бы это “ее” номер, то он бы никогда не стал его подписывать.

Так или иначе, как бы он его сохранил?

Измена?

Другая женщина?

Не Мэдди?

Я думаю над всем этим и тихо жду ответа на всю эту чертову ситуацию, в которую сама же себя и втянула. Я до сих пор ничего не могу сказать, но голос молодой девушки прерывает тишину, и в тот же момент стены вокруг моего сердца выстраиваются заново. Даже несмотря на то, что я вообще не могу сказать и слова, я сижу и внимательно слушаю девушку на другом конце провода.

— Привет? Рид? Это ты? Привет? Кто со мной разговаривает? — и потом звонок обрывается.

Перед тем как положить телефон назад на комод, я смотрю журнал вызовов. Ну и как после этого меня можно назвать хорошей девушкой? Я в шоке, когда вижу сорок шесть

звонков с одного и того же номера. Тут я слышу, как Рид выходит из душа, поэтому у меня нет времени просмотреть другую информацию — сколько длились звонки, сколько раз он звонил ей и их переписку. Вместо этого я быстро сохраняю номер на свой телефон и пытаюсь загнать внутрь все эмоции, которые сейчас одолевают меня. Мне нужно в одиночестве разобраться, что со всем этим делать.

У меня нет сил — ни физических, ни моральных — чтобы разговаривать с ним об этом сейчас. Может, потому что я не хочу слышать его оправдания. Может, потому что я не хочу знать всю правду. Но сейчас я хочу просто проигнорировать все это. На данный момент игнорирование кажется мне лучшим выходом.

Когда Рид возвращается в комнату, я делаю вид, будто сплю. Он ложится сзади и целует меня в шею, вызывая мурашки.

— Массаж тоже откладывается, солнце?

Мое сердце таит от его слов и нежности, с какой он их говорит.

— Ты не против? Я такая уставшая, что не могу даже перевернуться.

Я знаю, очень глупо вести себя так с ним, но чувствовать его руки на своем теле и думать о том, что этими же руками он трогал другую женщину, просто невыносимо. Я знаю, что если Рид начнет трогать меня, я сдамся.

— Шшш. Все в порядке. Давай просто спать. Я люблю тебя, Мэдди. Я люблю тебя очень сильно. Я даже не представляю, какой была бы моя жизнь без тебя. Спасибо тебе за то, что ты дала мне шанс доказать, что я не полный мудак и идиот.

Я чувствую на шее его улыбку. Мне хочется поверить ему, и где-то внутри значительная часть меня действительно верит ему. Черт, четыре часа назад у меня не было даже сомнений, что он меня любит, что каждое его слово было чистой правдой. Но сейчас — сейчас все по-другому. Я не хочу, чтобы все было, как сейчас, но ничего не могу поделать. Даже несмотря на то, что он раздавил меня всем этим, я не сдержалась, сказав, что тоже люблю его.

Потому что люблю. Я люблю его сильно-сильно. Но любовь делает нас слабыми и уязвимыми.

Любовь сделала меня такой, какой я старалась никогда не быть.

Уже воскресенье. Я до сих пор не нашла в себе силы, чтобы поговорить с Ридом про сложившуюся ситуацию со звонками. Мне удалось избежать встречи с ним в пятницу, сказав, что мы с мамой Крейн, Мел, Камми идем по магазинам, так как была Черная пятница. В субботу, сославшись на то, что мама Крейн уезжает на следующий день, и я хочу побыть с ней, мне снова удалось избежать встречи. Знаю, я трусиха, и мне стыдно, что и сегодня я делаю вид, будто мне некогда, на этот раз, сказав, что я готовлюсь к экзаменам, которые начнутся завтра.

Я сижу на кровати у себя в комнате, споря с самой собой, совершенно не зная, что делать со всем этим дерьмом. Я знаю, что не могу поговорить об этом с Мел. Несмотря на то, что она любит меня, она дружит и с Ридом тоже. Не поймите меня неправильно — если я когда-нибудь разойдусь с Ридом, думаю, Мел примет мою сторону, но я просто не хочу, чтобы моя подруга знала про это, пока я сама во всем не разберусь.

Кажется, я придумала как решить эту дилемму. Я нервно набираю цифры номера,

сомневаясь, стоит ли звонить. Я знаю, что если сделаю этот звонок, то у меня будут ответы на все мои вопросы. Но пока я не знаю, буду ли рада этим ответам — только время покажет. Преодолев в себе все разногласия, я нажимаю кнопку вызова.

На другой стороне провода поднимают трубку, и я слышу глубокий мужской голос.

— Здравствуйте?

— Привет, Брайан. Это Мэдди, соседка Мел.

— А-а-а, привет, Мэдди. Я не знал твоего номера. Что случилось?

— Эмм, ну, могу я тебя попросить об одной услуге?

— Ладно, конечно. Чем могу тебе помочь? — какой же он хороший парень.

— Ну, я подумала, раз ты бог компьютеров, ты сможешь мне разъяснить, кому принадлежит телефонный номер и кто этот человек, — я не хочу сильно вдаваться в подробности и говорить еще что-то. Нельзя рассчитывать, что он будет врать Мел. У них все так хорошо складывается, и я бы не хотела становиться между ними.

— Мэдди, зачем тебе это? Обычно я не занимаюсь такими вещами, — голос у него неуверенный.

Я знаю, что должна была найти хорошую причину, поэтому сделала так, как и любой другой человек: я соврала.

— Этот номер звонит мне уж очень часто. И я не знаю, кто это, и волнуюсь, что это тот парень, Майк, который пытался меня напоить. Я не могу вспомнить, давала ли я ему свой номер, но думаю, что он все-таки у него есть. Я просто волнуюсь, что он не успокоился. Я не хочу волновать Мелани, да и Рид, как только все узнает, начнет творить глупости. Я просто подумала, что стоит начать с этого, — я уже корчу гримасу, но только потом до меня доходит, что он меня не видит.

Дура.

— Вот это да. Я не думал, что все так серьезно. Да, конечно, я поищу. Я приложу все усилия, чтобы хоть чем-то тебе помочь. И я никому ничего не скажу, пока мы сами во всем не удостоверимся.

— Спасибо, Брайан. Ты мне очень сможешь, — когда я диктую ему номер, чувство вины буквально душит меня.

— Без проблем. Я позвоню тебе, как только что-нибудь узнаю.

Я чувствую себя ужасно, когда кладу трубку. Не передать мою радость от того факта, что в тот момент я нахожусь одна и могу купаться в жалости к самой себе из-за этой чертовой ситуации. Я бы не хотела, чтобы кто-нибудь увидел меня в таком состоянии. Я никогда не была так рада, что девочек нет дома. Мел сейчас в лаборатории, Камми и Лия в библиотеке. Они не могли учиться здесь. Дома их отвлекала каждая мелочь.

Я тоже хочу, чтобы меня что-то отвлекало. Но вместо этого я слышу только тишину и свои собственные мысли. С одной стороны, Рид за всё это время был невероятным. И я люблю его, вот, правда, люблю. Он тоже любит меня. Это ясно. Но даже если он любит меня, этого достаточно? Я не думаю, что смогу простить измену. И опять-таки, с другой стороны, еще не известно, изменял ли он мне.

Чем больше я думаю об этом, тем сильнее я склоняюсь к тому, что он мне не изменял. Это просто идет в разрез тому, что я о нем знаю. И даже он сказал, что я знаю его лучше всех, и я не могу себе даже представить, чтобы он спал с кем-то другим, притом, что он очень счастлив со мной.

И невозможно проигнорировать тот факт, что Рид делает счастливой меня саму. Я

могла бы быть ванильной чикой и процитировать фразы из романтических фильмов, сказав, что мы дополняем друг друга, но это полная чушь. Он не может полностью заполнить ту пустоту, которая была в моем сердце почти всю мою жизнь. Нельзя сказать, что он панацея от всего, но с ним я чувствую себя настоящей. Я становлюсь такой, какой всегда хотела быть — веселой и светлой, игривой и завораживающей, сексуальной и кокетливой, соблазнительной и любимой. Рид открыл мне совершенно другое будущее — будущее, в котором он неотъемлемая часть меня.

Если быть откровенной, то мое сердце знает, что он мне не изменяет. Думаю, я просто использую эту идею, чтобы защитить себя от боли, которую мне принесёт его секрет. Я защищаю себя от неизвестности.

Прежде чем уснуть, пред глазами проплывает картинка, как мы занимались любовью. В тот момент я вспоминаю, какие обещания давала себе, когда семестр еще только начинался, и как ни странно, но все три обета были нарушены прямо в тот момент.

В любом случае, я выберу быть счастливой, и не дать этому — неважно, чему — встать на моем пути. Нет смысла расстраиваться из-за того, что еще не доказано, или чего вообще не было.

Я ценю каждый наш совместный момент и что мы приносим друг другу.

Я уже впустила любовь. Он не только в моем сердце — он владеет им. Сейчас я просто должна попытаться всё не разрушить.

Глава 14

Рид

Наступил понедельник, а вместе с ним и неделя финальных экзаменов — моя последняя такая неделя — и я с нетерпением жду Мелани в студенческом кафе, где мы встречаемся каждую неделю. После рассказов Мел я влюбляюсь в Мэдди еще больше. Мелани — как маленькая сестренка, которой у меня никогда не было, и каждый раз, когда мы встречаемся, с моего лица не сползает улыбка. Счастье Мел было заразным.

Прежде чем приступить к делу — то есть узнать что-то про Мэдди — сначала я пытаюсь начать обычный разговор.

— Ну как, готова к финальным?

Она кидает на меня взгляд. Мелани знает меня, как облупленного.

— Охх, заканчивай с этой фигней, Рид. Я вижу все по твоим глазам. Чего ты хочешь?

Я делаю непонимающий взгляд, но она опять меня рассекретила, поэтому выкладываю все как есть.

— Ну, я выпускаюсь и подумал, что лучшим способом это отпраздновать будет поездка на отдых. Зимой тут невероятно холодно, поэтому я подумал уехать с Мэдди куда-нибудь. Ну, знаешь, отпраздновать окончание этой ступеньки моей жизни. Ну, окончание до того времени, как начнётся интернатура.

Как же я хотел увидеть Мэдди в бикини.

Или без бикини.

Но не только из-за этого.

— Иууу! Ты думаешь об обнаженной Мэдди. Я вижу это в твоих глазах, у тебя такой

странный взгляд, — она кивает в меня картошкой фри.

Я не хочу признавать, что Мел права. Я мог мечтать о своей девушке — моей горячей, обнаженной девушке.

— Ладно. Ладно. Я помогу. Как и всегда, ты же знаешь. Так, что тебе от меня надо? — спрашивает она.

— Ну, она когда-нибудь хотела куда-то поехать? Я бы хотел чего-то тропического, вдали от этой холодной долины. У нас был очень тяжелый семестр, и я бы хотел уехать с ней одной на неделю.

Сначала Мелани теряется. Я вижу, как она буквально перебирает воспоминания, пытаюсь найти что-то полезное для меня. И потом над ней словно зажигается лампочка.

— Ну, это не совсем тропики, но это пляж, и я не уверена, что тебе будет это интересно. Когда мы были в старших классах, я помню, как Мэдди упоминала, что хотела бы поехать в Монтаук Поинт на Длинных островах. После того как ее родители умерли и она переехала к тете Мэгги, у нее не было возможности съездить домой. Я никогда у нее не спрашивала, чем поездка в Поинт так особенна — возможно, они ездили туда на отдых семьей или что-то вроде того. На самом деле, очевидно, Мэдди не хотела даже говорить об этом и больше никогда про это не упоминала. Но она погружалась глубоко в себя, когда мы об этом говорили.

— Это идеально, Мел. Спасибо, — теперь я представляю, что мне надо делать.

— Конечно, без проблем. Так много, чтобы всю неделю видеть её в купальнике, да? Я имею в виду, что там ненамного теплее, чем здесь, — она думает, что сделала меня. И, конечно же, думает, что это так смешно.

Я наклоняюсь над столом.

— Мел, я уверен, что там есть джакузи.

Мэдди

В среду утром я иду по кампусу на встречу с Брайаном в компьютерную лабораторию. Он сказал, что нашел кое-какую информацию для меня. Мел в тот момент была на экзамене по экономике, поэтому это время было просто идеальным для встречи с ним, чтобы никто больше не узнал. Мне интересно, не так ли чувствовали себя Мел и Рид, когда встречались впервые, будто скрывали то, что они не должны были делать, и знали это. Но есть одна большая разница: их намерения всегда были хорошими. Должна сказать, я чувствую себя так, будто обманываю Рида.

Между мной и Брайаном ничего нет, но это все равно неправильно. Ведь тот, кто скрывается за этим номером, часть жизни Рида, не моей. И я просто пришла и забрала это у него.

Брайан тепло приветствует меня со своего стола. Это смешно: я видела его уже сотни раз, с тех пор как Мел начала с ним встречаться, и даже несмотря на утверждения всех вокруг, что он компьютерный гений, мне никогда так не казалось. Но вид того, как он сидит на столе, возмнив себя таким Королём компьютеров, вызывает у меня смех.

— Хей, Мэдди. Как ты? Как сдала экзамен по психологии вчера?

Я знаю, что парень искренне заинтересован, потому что помогал мне учиться той

ночью, когда был у нас в гостях.

— Эхх, я была такой растерянной в последние дни, что буду рада, если вообще его сдам, — я действительно имею это в виду. Для меня уже считается провалом написать ниже, чем на пять, поэтому если я говорю, что хотела бы получить хотя бы тройку, то со мной действительно что-то не так.

Стремясь покончить со всем этим, я спрашиваю:

— Так, что ты узнал, Брайан?

Он внимательно смотрит на меня, прежде чем ответить.

— Хочу тебя обрадовать, это был не Майк, — он ищет облегчение на моем лице, но его нет. Когда он это понимает, то продолжает: — И глядя на твое лицо, я понимаю, что для тебя это не сюрприз. Мэдди, что произошло? — его тон меняется, сейчас он более внимательный и серьезный. Брайан разоблачил меня, хоть мы успели перемолвиться буквально несколькими предложениями.

Черт.

Пора выложить все карты на стол, Мэдди.

Он долго смотрит на меня. И я понимаю, что должна всё ему рассказать, в противном случае я просто не получу информацию, которую он нашел.

— Ты прав, Брайан. Майк тут и не был замешан, — я делаю вдох, чтобы найти подходящие слова. — Это касается Рида. Ему вечно звонит этот номер, и он все время висит на телефоне. Один раз, когда он был в душе, я посмотрела журнал вызовов и переписала себе номер. Я подумала, что только ты сможешь мне помочь. Что ты узнал?

Он выглядит разочарованным во мне. Черт, я сама в себе разочарована.

— Мэдди, а что я должен был найти? Ты же знаешь, что Рид любит тебя, да? Почему ты просто не спросила у него?

Я чувствую себя невероятно виноватой после его вопроса. Я уже жалею, что не спросила у Рида напрямую. Это избавило бы меня от многих беспокойств на этой неделе.

— Я не знаю. Ну, у меня есть проблемы с доверием. Рид, очевидно, преодолел все барьеры, но когда я увидела звонки, моя первая мысль была об измене. Думаю, я просто хотела подготовить себя, если бы вдруг это оказалось правдой. Да, это глупо, потому что если я узнаю, что он действительно мне изменяет, неважно от кого, от тебя или от него, это в любом случае разобьет мне сердце.

Брайан понимает, что разговор пошел уже о чём-то личном и это слишком для обычного компьютерного класса, поэтому он тянет меня в маленькую комнатку, где никого нет. Он включает комп и садится перед ним.

— Код номера принадлежит маленькому городу, который находится не так уж и далеко отсюда — Дэннинг.

Когда я слышу название города, мое лицо тут же бледнеет, а живот скручивает. Это место, где вырос Рид. Ощущение, что я его предала, с невероятной силой накатывает на меня. Я же знала, насколько он ненавидит свое прошлое и уж тем более знала, по какой причине он игнорировал звонки.

Брайан замечает мою реакцию.

— Ты в порядке, Мэдди? Ты плохо выглядишь.

Я пытаюсь сохранить самообладание, зная, что он еще сильнее колеблется, говорить ли мне что-то еще.

— Да, Брайан, я в порядке. Мне нужно выпить воды.

Мне требуется минута, чтобы все осмыслить, поэтому я иду к кулеру, стоящему возле двери. Я могу остановиться. Мне *не обязательно* дослушивать Брайана до конца. Я могу это оставить и разрешить Риду разобраться со всем одному. И потом мой разум осеняет еще одна догадка. Что, если это Алекс? Я не могла этого допустить. Алекс ужасный человек — самый ужасный — и сейчас она звонит Риду, спустя столько лет. И вдруг желание защитить и оградить Рида от всего вспыхивает с новой силой, мне нужно было всё разузнать. Возвращаясь назад к Брайану, я чувствую себя сильнее — я готова услышать правду.

— Ладно, все уже в порядке. Прости за это, — я извиняюсь, но Брайан лишь смотрит на меня взглядом «не будь такой нелепой».

— Ничего страшного, найти человека было не очень просто, поскольку это номер мобильного, но с помощью нового онлайн справочника это было реально.

Я его не понимаю. Всё, что я могу, — это проверить электронную почту и пошарить по некоторым сайтам, всё остальное за гранью моего понимания.

Брайан видимо не хочет, чтобы я чувствовала себя полной идиоткой, поэтому только улыбается с моих широко распахнутых глаз и продолжает:

— Ну, не важно, я обнаружил, что номер принадлежит Кейтлин Донован.

Я не осознавала, что мое сердце перестало биться, пока он не сказал это имя. Не услышав имени Алекс, оно начало биться снова. Я выдыхаю воздух, который непроизвольно задержала.

Я могу себе только представить, какие эмоции видит Брайан на моем лице, но честно сказать, мне все равно. Это не она — это не Алекс. Спасибо тебе, Господи.

— После того, как я узнал *ее* имя, — на этом моменте он смотрит на меня и кривится, — и что *она* не была Майком, я решил все-таки поискать про нее информацию.

— Ты хочешь сказать, что все это время ты знал, что это не Майк, и ничего мне не сказал?

Парень ничего не отвечает, просто мило улыбается. Господи, как же он похож на Мел, и это не смешно.

— Да, я знал, Мэдди. Но также я знал, что если ты пришла ко мне, не желая, чтобы узнал кто-то еще, это должно было быть очень важным для тебя. Я не хотел тебя беспокоить, поэтому раз я пообещал, что помогу тебе с этим, то решил не останавливаться и поискать что-нибудь на нее.

— Огромное спасибо, Брайан. Я даже не могу описать тебе свою благодарность. Так, что ты узнал?

Он нажимает куда-то на компьютере, и открываются какие-то файлы — фотографии и ссылка на фэйсбук.

— Даже несмотря на то, что код номера принадлежит Деннингу, кажется, она там больше не живет. Кейтлин Донован студент-новичок в Сани Нью Палтс. Жила со своим отцом, Джозефом. Ее родители развелись, когда она была в средней школе, и мама уехала. И как я понимаю, то с мамой она больше не видится.

Я смотрю на экран, где открыта ее фотография, а она красивая. Чем-то напоминает ту стерву-блондинку, которая вешалась на Рида, когда мы впервые встретились. Но все-таки можно разглядеть и различия. На ее лице читается невинность: можно было видеть, что у девочки есть самоуважение. Черт, такая черта делает любую девушку красивой.

Несмотря на всю информацию, найденную Брайаном, самая главное, что это не Алекс звонила ему и что он не изменяет мне — ну, на самом деле это еще не полностью доказано,

но тот факт, что она живет в трёх часах езды отсюда, делает это маловероятным — я до сих пор ничего не понимаю. Ну, то есть, что у меня есть? Вся информация, которой я располагаю — это ее номер и колледж, в котором она учится. Да, не очень-то густо.

Брайан выключает компьютер, на котором показывал информацию.

— Извини, Мэдди, я больше ничего не узнал, но мне кажется, что там и нечего искать. И что ты теперь собираешься со всем этим делать?

— Я не уверена, Брайан. Я даже не думала об этом. Я же не могу допросить Рида. Что я ему скажу? «Я начала действовать за твоей спиной, потому что думала, что ты мне изменяешь, даже несмотря на, что ты доказывал мне свою любовь снова и снова. Ох, а также рассказал мне то, что никогда и никому не рассказывал. Я сглупила, не так ли?»

Я вижу, как он мысленно делает выводы для самого себя.

— Да, не очень хорошо получается, Мэдди, — парень пробегается руками по черным, как чернила, волосам и потирает челюсть, пытаясь найти для меня ответ. — Хочешь честное мнение, Мэдди?

Как же я ненавижу этот вопрос, со словами «честное мнение». Это означает, что тебе собираются сказать то, что ты уже знаешь, но боишься признаться самой себе.

Я киваю ему, подталкивая сказать то, что он хочет.

— Поговори с Ридом. Ты поступила неправильно, но если эта девушка звонила ему уже много раз, значит что-то не так. И тебе не станет лучше, пока ты сама ему во всем не признаешься. Ты не сможешь построить отношения на лжи. Не пойми меня неправильно — я не думаю, что ты натворила полную лажу, но все же он заслуживает все узнать. И самое главное, тебе надо разобраться с тем фактом, что твой мозг воспринял все как измену. Ты должна была найти выход из такой ситуации, и думаю, что это Рид должен был пройти через это с тобой, а не я. Не надо было втягивать меня, чтобы я искал для тебя информацию о непонятной девушке, которую он, возможно, даже не знает.

Так, похоже, Брайан эксперт еще и в отношениях, а не только в компьютерах.

Я не хочу говорить, что парень Мел прав, но он был.

— Я знаю, ты прав, но я боюсь. Я боюсь того, как он отреагирует на это, и что потом будет с нами. Но я знаю, что должна поговорить с ним — это единственный способ всё узнать. Спасибо тебе еще раз. Я у тебя в долгу.

Когда я иду назад в комнату, то чувствую себя ужасно. Я ни на шаг не приблизилась к разгадке и вообще не понимаю, что мне теперь делать. Единственное, чего я хочу, это завалиться на кровать и уснуть. Экзамены тоже не облегчают жизнь, и на мне до сих висит сочинение, которое само себя не напишет. Сейчас я ничего не хочу делать. Я хочу засунуть голову в песок и спрятаться от всего окружавшего меня мира. Я хочу вернуться в прошлые выходные и не ответить на тот чертовый звонок.

Каким образом я могла столкнуть Рида с его прошлым и заставить противостоять ему даже сильнее, чем он уже это делает? Какое у меня вообще было право делать это? Он верил мне, а я разбила это доверие. Я больше, чем кто-либо знала, чего стоит открыться другому человеку. После всего, что я наделала без его ведома, мне еще больше хотелось быть с ним. Я хотела спрятаться у него в объятиях от всего мира. Знаю, завтра утром у него последний экзамен, но я все равно хочу прервать его и позвонить.

Конечно же, Рид принимает звонок еще на первом гудке.

— Привет, милая, — его голос успокаивает ноющую боль в моей душе, и у меня появляется надежда, что, возможно, все будет в порядке. — Как твое сочинение? — этот

парень помнит всё. Ладно, хорошо, не всё. Но какой парень помнит о том, что надо опускать стульчак в туалете? Думаю, это заложено глубоко в их ДНК.

— Ух, я еще даже не начинала, но знаю, о чем буду писать. Как только я засяду за него и сосредоточусь, все будет в полном порядке. А как твоя подготовка? — этот обычный разговор успокаивает меня.

— Это хорошо. Я почти заканчиваю. А что ты сейчас будешь делать?

Конечно, он кинет все, лишь бы провести со мной время. Он невероятный.

— На самом деле, ничего.

— Мэдди, все в порядке? Ты расстроенная, — его голос звучит заботливо, и это разбивает мне сердце.

— Милый, я в порядке. Честно, — и вдруг внезапное желание увидеть его становится подавляющим. — Думаю, я просто соскучилась. Это неубедительно, знаю, но мы не виделись с воскресенья, а сейчас вечер среды, и с тех пор, как мы начали встречаться, это самая длинная наша разлука. Мы только переписывались. Я скучаю, — мои эмоции просто выливаются, и несмотря на все то плохое, что я сделала, мне нужно, чтобы Рид успокоил меня.

Знаю, я не заслуживаю его утешений, но сейчас мне это необходимо, и я собираюсь пользоваться этим, пока еще могу.

— Могу я прийти к тебе сегодня? Я не хочу отвлекать тебя от сочинения, поэтому не буду засиживаться допоздна, но я очень хочу тебя увидеть.

Если он будет еще милее, я зарыдаю в голос.

— Это было бы просто идеально, Рид. Сочинение надо сдать завтра во второй половине дня, а утро у меня полностью свободно, поэтому ты мне не помешаешь, — я знаю, что если не заверю его, что он не будет меня отвлекать, то волнения будут снедать его всю ночь. Он, конечно, милый, но и жуткий невротик.

— Супер. Я возьму с собой еду и фильм. Буду у тебя через час. Люблю тебя, — Рид такой счастливый, и мне становится легче оттого, что он скоро будет здесь.

— Я тоже люблю тебя, милый. Скоро увидимся.

Положив трубку, я сразу же пытаюсь выкинуть из головы все, что произошло за последние несколько дней. Только сейчас там ничего не существовало. Сейчас были только Рид и я. Все остальное было неважно и, несмотря на все, что произойдет, я всегда буду любить его, и должна верить в то, что он всегда будет любить меня.

В противном случае думать об этом было слишком больно.

Глава 15

Рид

Суши и фильм — не совсем романтика, но роза в руке должна спасти положение. Я стучу в дверь. Не поймите меня неправильно, я не то чтобы против кинематографического вкуса Мэдди, просто сегодня хочется другого. Да и к тому же, я полагаю, что романтическая комедия тоже далека от мальчишеских боевиков.

Когда Мэдди открывает дверь, я застываю в восторге. На ней очень короткие шортики. Конечно, я не эксперт в мире женской моды, но эти сильно смахивают на белье. Поэтому

уже мне нравятся. И тонкая майка... неплохой выбор — совсем неплохой.

— Привет, малыш. Я принес суши. Ты же говорила на днях, что очень их хочешь.

Она восторженно улыбается. Думаю, это удивило ее, а в особенности то, что, как оказалось, я слушал ее.

Я дарю ей розу, на что в ответ девушка просто закатывает глаза.

— Не стоит каждый раз дарить мне цветы, — она подносит цветок к лицу, втягивая терпкий аромат, и ее глаза сияют.

— Солнце, ну ты ведь сказала, что я первый человек, который подарил тебе цветы, и я хотел бы стать последним. Значит, да, я должен дарить тебе каждый раз цветы, доказывая, что всегда буду любить тебя. — Я наклоняюсь и мягко целую ее губы, проведя рукой по ее мягкой щеке. Мэдди закатывает глаза, но в этот раз уже от удовольствия.

Когда поцелуй заканчивается, я игриво шлепаю ее по попе, направляя в маленькую кухню. Мы берем тарелки, напитки и идем на диван.

— Что сегодня смотрим? — спрашивает она, пока идет к DVD проигрывателю.

— *«Отступники»*.

Мэдди разочаровано смотрит на меня, из-за того, что я принес «мальчишеский» фильм. Какая она милая.

— Просто давай попробуем, и тебе понравится. Он ничего, — уговариваю я, и она сдается.

— Ладно, ладно — твоя взяла. О чем он?

— Он про двух лучших выпускников полицейской академии, которые оказались по разные стороны баррикады: один из них — стал агентом мафии в рядах правоохранительных органов, а второй — «кротом». Этот фильм несколько лет назад выиграл награду «Лучший фильм».

По всей видимости, описание ее заинтересовывает.

— Не волнуйся, солнце, там нет крови. И я тебя буду обнимать в страшных моментах.

Я подмигиваю и улыбаюсь ей. Флирт всегда поднимает ей настроение, но Мэдди, до сих пор, какая-то напряженная. Когда фильм начинается, я притягиваю ее ближе к себе и обнимаю. Она ничего не говорит, только кладет мне голову на плечо и устраивается уютней. Но, спустя некоторое время, перекладывает голову мне на колени и начинает зевать. Я перебираю ее волосы, зная, что это расслабит ее. Меня это тоже приносит удовольствие, и уже через 30 минут она посапывает. Мне жалко ее будить, к тому же я люблю, когда она засыпает у меня на коленях. В итоге, остаток фильма я смотрю сам, пытаюсь не разбудить ее каждый раз, когда наклоняюсь, чтобы взять еду.

Когда пошли титры, я вытягиваю ноги, чтобы расслабить их. Это движение будит Мэдди, и она сонно смотрит на меня.

— Привет, соня. Я думаю, мы с уверенностью можем сказать, что ты не фанат Скорсезе, — она опять закатывает глаза. Вот почему я ее люблю. Не проходит еще и двух минут, как девушка просыпается, а уже играет со мной.

— Вставай, тебе пора в кровать. Утром нужно написать сочинение, да и у меня есть дела.

— Дела? Какие дела? Я думала, ты сегодня сдал последний экзамен, — Мэдди начинает привыкать к моим выходкам, но иногда буквально выпытывает меня, пытаюсь узнать мой следующий шаг.

Я смотрю на нее, приподняв бровь.

— Просто дела. Не бери в голову, — я улыбаюсь ей, показывая, что здесь не о чем говорить.

Она встает с дивана и, протерев сонные глаза, поднимает руки, показывая, что сдается. Потом тянется, чтобы размять спину, от этого ее грудь приподнимается, и соски показываются сквозь тонкую ткань топа. В паху тут же тянет от страстного желания. Увидев это, Мэдди наклоняется, так, чтобы мне открылся еще более прекрасный вид.

— Ты ведь знаешь, что необязательно уходить? Можешь остаться здесь. Или тебе ночью тоже надо делать «свои дела»? — она разворачивается и уже собирается уходить.

Ох, нет, не нужно.

Я хватаю ее за запястье и притягиваю к себе так, чтобы она встала передо мной. Теперь, напротив моего лица находится ее идеальный, точеный животик. Я провожу дорожку поцелуев над поясом шорт, отчего Мэдди сильнее сжимает мои плечи, затем нежно обнимаю ее за узкую талию и хватаю пальцами ее шорты с трусиками. Медленно стягивая их, я продолжаю дорожку поцелуев, только в этот раз уже ниже, в опасной близости к ее женственности. Она вся напрягается.

Я приспускаю руки, мягко сжимаю ее попу, и в тоже время, притягиваю ее еще ближе к своему лицу. Она чуть-чуть сдвигается, незаметно расставив ноги, но я улавливаю это движение. Как я мог проигнорировать это предложение?

Я хватаю ее за бедра под одеждой, и стягиваю ткань, которая так мешает, вниз по ее стройным ножкам. Пробегаюсь пальчиками верх-вниз по ним и надавливаю, чтобы она открылась мне. Ее киска блестит от возбуждения. Мой рот наполняется слюной, все — я больше не могу сдерживаться.

Я аккуратно раздвигаю пальцами ее губки, мягко лизнув клитор. Ее колени подгибаются, а дыхание сбивается. Затем, слегка дую на него, а потом снова целую, в этот раз с большей горячностью.

— Рид, твой рот... это нечто. Ох, Господи,... пожалуйста.

Боже, как я могу ей отказать?!

Я облизываю ее затвердевший бутон, заставляя Мэдди стонать от невероятного удовольствия. Вскрики срываются с ее губ, но разобрать слова невозможно. Я отрываюсь, чтобы посмотреть на нее. Черт, какая она сейчас красивая! Раскрасневшиеся щеки, горящие глаза и напрягшиеся соски.

Массируя большим пальцем ее клитор, я ввожу в нее два пальца.

— Ох, черт, Рид, — ее ноги дрожат, а внутри все напрягается и начинает пульсировать вокруг моих пальцев. Мэдди уже близко, и я хочу, чтобы она кончила. Я не видел ничего красивее, чем эта девушка, потерявшая контроль, разбиваясь от удовольствия на осколки.

Я хватаю ее за талию и встаю перед ней, а ее сажу на свое место. Мэдди может не устоять на ногах, а я хочу, чтобы она насладилась оргазмом в полной мере, не волнуясь ни о чем.

Оттолкнув кофейный столик, я присаживаюсь на корточки, прямо перед ее ногами и кладу их себе на плечи.

Ее глаза впиваются в меня, и я вижу в них неуверенность. Я знаю, все это для нее ново и неизведанное, но Мэдди должна узнать, как сильно я ее люблю и насколько она красивая. Узнать, как заводит меня, особенно сейчас, когда так открыта и уязвима передо мной.

Языком я веду дорожку по внутренней стороне ее бедра.

— Господи, Мэдди. Какая ты красивая и вкусная, — сделав такую же дорожку и на

другом бедре, шепчу, — я так сильно люблю тебя и хочу, чтобы кончая, ты выкрикивала мое имя.

Я дотягиваюсь до ее губ еще раз, лаская языком ее центр женственности, чем вызываю ее громкий стон. Мои пальцы опять скользят в нее, массируя стенки, и Мэдди, буквально начинает биться в экстазе.

Я облизываю затвердевший комочек нервов, втягиваю его в рот, нежно посасывая и не прекращая движения пальцев.

— Ты вся промокла, Мэдди, и мне это нравится.

Она тихо скулит, и начинает сама насаживаться на мои пальцы. Я усиливаю движение большим пальцем, понимая, как близка она к краю. Мое имя срывается с полных губ, а вкус ее возбуждения остается на моих пальцах.

— Рид! Рид, ох, Господи, милый! Я... я... ох...

Как же я люблю доводить ее до состояния, когда она уже и слов связать не может.

Я спускаю ее ноги со своих плеч и встаю, держа на руках. Неся Мэдди в комнату, я притягиваю ее лицо и страстно целую. Когда она начинает посасывать мой язык, я чуть не роняю ее.

— Как же я люблю свой вкус на твоих губах, милый.

Оставшийся путь, я преодолеваю практически бегом.

Когда мы добираемся до ее комнаты, наши тела буквально переплетаются. Это лихорадочная страсть, которая сжигает все на своем пути. От желания завладеть друг другом, мы теряем контроль, и уже через минуту мы в постели, оба обнаженные.

Мэдди находится снизу, ее волосы красивым веером лежат на подушке, когда она притягивает меня за шею к себе и наконец-то целует. Наши языки сплетаются, а тела сталкиваются.

Она такая узкая, горячая и влажная. Когда я вхожу в нее, кажется, будто весь мир исчезает. И существует только она, я и наша любовь.

Мои бедра двигаются в своем, бешеном ритме, я хватаю ее лодыжки и закидываю себе на плечи. Ее глаза закатываются от удовольствия.

— Рид... так... глубоко... я... уже... не... могу!

Я чувствую ее дрожь, и как она начинает сжиматься вокруг меня. Все — я сдаюсь.

Еще несколько сильных толчков, и я кончаю, выдыхая ее имя, а она притягивает меня за плечи к себе. Я устроил нам коллапс, и теперь мы лежим, выравнивая дыхание.

Я легонько опускаюсь на нее, зная, что ей тяжело, но мне было необходимо чувствовать Мэдди. Я ложусь ей за спину, убираю волосы с шеи и целую, прошептав:

— Я люблю тебя.

Мы засыпаем спокойным сном, обнимая друг друга.

Легкая, счастливая улыбка появляется в уголках моих губ.

Глава 16

Мэдди

Я сижу за столом, упорно пытаюсь написать это дурацкое сочинение, но мысли мои ежесекундно улетают к прошлой ночи. После того, как Рид сказал, что этот фильм о «людях — крысах», мне захотелось сбежать. И я собиралась ему рассказать все, вот честно, собиралась, но не смогла.

Возможно, это было неправильно, делать вид, будто ничего не происходило, и я ничего не скрывала. Даже когда мы занимались любовью, я не могла полностью выкинуть это из головы. Когда он узнает, ему будет очень больно. А «это» обязательно всплывет. Неважно, кто такая эта Кейтлин, что их связывает — и, даже неважно, как вся эта ситуация связана с его прошлым. Но, что действительно было важно, так это моя реакция — я сразу подумала, что он изменяет мне и не поверила ему.

Чувство вины все сильнее накрывает с каждым, написанным мной словом о любви. Сочинение плохо получалось, но спустя три часа наконец-то покончив с ним, я иду по кампусу, чтобы отдать его. Это была не самая лучшая моя работа, но хотя бы сдала ее вовремя. А тогда, этого для меня предостаточно.

Трудно поверить, что три коротких месяца назад, моя жизнь являлась совершенно другой. Семестр скоро заканчивался, и, похоже, что мое хорошее настроение вместе с ним. Столько всего произошло за такое короткое время, что даже не верить.

Я не могу сказать, что ситуация с моими родителями полностью разрешилась, и чувство опустошенности, связанное с ними, полностью прошло, но семья, которая здесь, рядом со мной — Камми, Лия и Мел — сделали меня намного сильнее.

Мои отношения с Ридом раскрыли новую сторону меня, о которой я даже и не подозревала. Он снова научил меня любить, несмотря на всю накопившуюся во мне боль. Я нашла в нем лучшего друга, и сейчас я очень боюсь, что потеряю его, вместе с частью своей души. Но, даже понимая это, я все равно расскажу ему правду. Чем дольше я буду скрывать это от него, тем дольше предательство будет разъедать меня. Ему в любом случае будет больно, но если я не расскажу ему сейчас, а спустя неделю или даже месяц станет еще больнее. Я точно не знаю, как это все ему преподнести, но, по крайней мере, у меня есть один вечер, чтобы обдумать это.

У нас с девочками сегодня по плану «девичник». Так как наступил конец семестра, а экзамены были невероятно тяжелыми, мы практически не виделись, вот почему, когда Лия предложила посмотреть «Друзей», поесть вредной еды и выпить дешевого вина, все, как один, поддержали идею.

Лия практически сбивает меня с ног, забирая у меня чипсы, когда я вернулась в общежитие.

— Пожалуйста, скажи, что у тебя есть чипсы с солью и уксусом! Я умираю, как хочу их, — она выглядит как кролик-монстр, когда разгребает пакеты с едой, которые я принесла с супермаркета. Я не понимаю, как она еще не растолстела, учитывая количество потребляемой ею еды.

— Да, Лия. Я, конечно же, купила твои чипсы. Ты ведь написала мне всего десять раз за сегодня, напоминая о них, — я закатываю глаза, а она в ответ показывает мне язык.

Камми уже по локоть залезает в ведерочко с мороженым, а Мел нарезает тесто для шоколадного печенья. Я чувствую, что мой живот будет набит до отвала, но оно того стоило.

Когда пошла десятая серия «Друзей», Мел пробормотала от наслаждения.

— Ох, Боже! Разве может быть что-то лучше?

Мел — ярый фанат «Друзей». Мы провели много ночей, пересматривая этот сериал, и я могу сказать с уверенностью, что мы уже посмотрели каждую серию раза по два.

Но я должна отметить, что это тоже мой любимый сериал. Сейчас идет серия, где Росс пытается вернуть Рейчел, после того как он написал список ее плюсов и минусов, а она его нашла. Фиби доказывает Рейчел, что Рос ее лобстер — так как лобстеры, до конца жизни

должны ползать вместе, взявшись за клешни — но, в данном случае, что-то не сработало. В конце концов, Рейчел осознает, что он любил ее еще со школы и хотел спасти на выпускном вечере. Она справляется со своими эмоциями и откидывает обиженность и боль. Какое совпадение, чем-то напоминает нашу ситуацию с Ридом. Я надеюсь, Рид тоже поймет, что он мой лобстер.

Потерявшись в своих мыслях, я не замечаю, что кто-то стучит в дверь. Прежде, чем осознаю это, Рид уже стоит перед нами и с улыбкой наблюдает за нашей пижамной вечеринкой.

— Ох, пожалуйста, скажите, что я не пропустил битву подушками без одежды, — он пытается скрыть смех, но терпит крах.

Изображая раздражение, Камми спрашивает:

— Что ты здесь делаешь? Сегодня вечер для девочек, и если ты не отрастил за ночь грудь, прощу на выход. Мальчикам вход запрещен! — она включает режим «маленькая девочка», положив руки на бедра и топая ножкой. Я не могу сдержать смех.

— Ох, Кам, поверь мне — если бы я за ночь у меня выросли сиськи, я был бы сейчас дома и играл с ними, но так как у меня их нет, то я подумал, почему бы не прийти сюда и не одолжить их у Мэдди?

— Рид! — кричу я. — Я не могу поверить, что ты сказал это! — мое лицо горит от стыда.

— В чем дело, детка? Разве я не могу сделать своей девушке комплимент? — в его глазах горит озорная искорка, а на губах появляется улыбка. Он — замечательный, но я не могу себя сдержать и закатываю глаза.

Я подхожу к нему и обнимаю. Смотря в его глубокие голубые глаза, я понимаю, что лучше его мне никогда никого не найти. Никогда и никого я не полюблю так сильно, как этого мужчину. Он — мое всё.

— Серьезно, Рид, что ты здесь делаешь? Это вечер для девочек. Я думала, что ты сегодня будешь гулять с парнями.

Услышав мой вопрос, он быстро смотрит на Мелани, так, понятно, здесь что-то намечается. Прежде чем я успеваю что-то сказать, Мел выходит из моей комнаты, таща за собой маленький чемоданчик на колесиках.

Я не могу сдержать раздраженный вздох, оттого, что они опять провернули все у меня за спиной, но я бы соврала, сказав, что очень большая часть меня не против таких сюрпризов.

— Ребята, что вы придумали в этот раз? — мой тон больше взволнованный, чем злой.

— Ничего особенного. Ладно, ничего, кроме отпуска для нас, и как всегда мне нужна была маленькая помощь друга, — он улыбается Мел, объясняя мне все.

У меня нет слов.

— Мы едем на отдых? Куда? Когда мы уезжаем? — ну ладно, они есть, но я ничего не понимаю.

— Успокойся, милая. Я когда-то тебя подводил? Все продумано. Тебе нужно только это переодеться для долгой поездки в машине, и мы уезжаем. Остальное уже готово.

Все так просто. Он обо всем позаботился, и я так люблю его за это.

— Путешествие на машине? А как долго мы будем ехать? Почему бы нам не подождать до утра, ведь уже почти полночь?

Когда он говорит «отдых», я думаю, что мы куда-то полетим на самолете. Я не могу придумать идеальное место для отдыха поблизости, куда бы мы могли поехать, но я

уверенна, что Рид придумал что-то совершенно грандиозное.

— Просто переоденься, и тащи свою милую задницу в машину, — он прислоняется к углу и скрещивает ноги. Посмотрев на часы, он добавляет:

— Давай, милая, сделай шажочек.

Пять минут спустя, после абсолютно неинформативного разговора с Мел, я выхожу из двери в темную ночь, чтобы поехать неизвестно куда со своим невероятным парнем.

На секунду я думаю о том, что этот маленький отдых будет прекрасной возможностью, рассказать Риду обо всем. Я улыбаюсь от мысли, что целую неделю мы проведем с ним вдвоем.

Спустя час езды, Рид останавливается на заправке, и я чувствую тошноту. Я никогда хорошо не переносила путешествия на машине. Но в этот раз все еще хуже, видимо из-за всего, что я слопала пару часов назад.

Прежде чем пойти и заплатить за топливо, Рид наклоняется и спрашивает нужно ли мне что-то.

— Милый, пожалуйста. Я не очень хорошо себя чувствую, — я понимаю, что все внутри болит не только от тошноты, но пока не хочу ему говорить об этом.

— Конечно, солнышко, я быстро, — он аккуратно целует меня и уходит платить.

Когда он возвращается в машину, то дает мне таблетки и бутылку воды. Потянувшись на заднее сидение, он достает оттуда маленькую подушку и плед.

— Почему бы тебе не закрыть глазки и не поспать?

Он целует меня в лоб и укутывает в плед. Я регулирую наклон сидения, пытаюсь устроиться комфортно, и засыпаю, переносясь в страну, где пожилые лобстеры прогуливаются со своими любимыми половинками.

Когда я просыпаюсь спустя несколько часов за окном до сих пор темно. Я не могу понять, где мы, рядом нет ничего, что выдавало бы наше местоположение. Дорога узкая, всего две полосы в каждом направлении, которые разделяют деревья. И стоит отметить, что нет ни шопинг-центров, ни заправок, а на дорогах попадаются немного людей.

Я поднимаю сидение, потягиваюсь и кладу голову Риду на плечо.

— Где мы? — мой голос мягкий и сонный.

— Где-то.

Ладно, все с ним понятно. Он ничего мне не расскажет, пока мы не доберемся в пункт назначения.

— Есть ли смысл задавать еще какие-либо вопросы?

— Детка, ты можешь задавать любые вопросы, но я ничего не отвечу, — он смотрит на часы, а потом на горизонт, — и к тому же мы скоро будем там.

Я решаю оставить его в покое и просто прижимаюсь тесней. Так тихо и спокойно, люблю такую тишину. Слышно лишь урчание Мустанга, и единственное, что я чувствую — сердце Рида.

Спустя несколько минут, солнце начинает подниматься из горизонта. Это потрясающее зрелище: тени красного и оранжевого переплетаются, танцуют друг с другом, они смешиваются, соединялись, создавая невыразимо красивую палитру цвета. Когда солнце поднимается выше в небо, волшебная картина превращается в мягкие оттенки фиолетового и цвета фуксии, становиться безумно красиво.

Рид замечает, как я наблюдаю за этой красотой, и улыбается. Наверное, это тоже была

часть его плана, ведь он невероятный.

— Это неопишимо, Рид. Такты специально спланировал все по времени? Из-за этого мы выехали так поздно?

— Наверное. И да, это было очень красиво, но ты намного красивее, — парень легонько целует меня в носик, возвращая свое внимание на дорогу.

Мы едим дальше и дальше, я вся растворяюсь в рассвете, не обращая ни на что внимания, как вдруг, я замечаю большой маяк. Сосны исчезают, и мягкий ровный пейзаж встречает нас. Я читаю указатель, который гласит, что через пять миль будет Монтаук Поинт.

Я не могу говорить, не могу думать. Время замирает, я, конечно, понимаю, что оно продолжает бежать для всего остального мира, но для меня все вокруг останавливается.

Спустя несколько минут, Рид останавливается на парковке возле пляжа. Прежде чем он заглушает машину, на радио играет песня Imagine Dragons' "It's Time". Эта песня подходит к этому моменту, как никакая другая.

Рид вылезает с машины и быстро обходит ее, чтобы открыть мне дверь. Он хватается за мою руку и буквально вытаскивает с машины. Я хватаюсь за него для равновесия — но, на самом деле, для того, чтобы найти в себе хоть какие-то силы.

— До сих пор не проснулась, да? Давай прогуляемся по берегу? Морской воздух поможет тебе взбодриться.

Я не могу ответить, мой голос задавила лавина эмоций, поэтому я просто беру его за руку и бреду в заданном им направлении.

Мы доходим до воды, которая громко разбивается волнами о берег, превращаясь в белую пену, она такая будоражащая и успокаивающая одновременно. Песок под ногами мягкий и податливый, принимая в себя мои ступни. Вода достает до моих кроссовок и немного мочит их. Ощущение холодной морской воды затягивает меня в пучину воспоминаний.

Я не готова к этим сильнейшим эмоциям и падаю, а ладонями все сильнее врезаюсь в песок. Я стараюсь держать свою боль в узде, но так же, как эта вода, она вырывается наружу. Эти чувства слишком сильны и глубоки, чтобы сдерживать их. Не в силах успокоить истерику, которая рвется из меня, я начинаю плакать — рыдать. Рид крепко прижимает меня к себе и начинает гладить по волосам, пытаюсь успокоить.

— Мэдди... я... я не знаю, что сказать. Что не так, солнышко? Пожалуйста, поговори со мной, я не могу смотреть, как ты плачешь. Пожалуйста, скажи мне, что я сделал не так?

Его голос очень тихий, он практически шепчет или, может, он говорит нормально, но я просто не могу расслышать его из-за своих громких рыданий.

Вырисовывая круги на моей спине, он шепчет:

— Тише, малыш. Тише. Все в порядке. Я здесь, с тобой. Прости меня, слышишь? Я просто хотел отвезти тебя в место, где бы ты расслабилась, отдохнула. Мелани сказала, что ты всегда хотела приехать сюда, и я просто подумал... ох... Господи. Даже не понимаю, о чем только думал, прости меня, я не хотел расстраивать тебя. Пожалуйста, поговори со мной, я хочу исправить всё, пожалуйста!

Я уже лучше слышу его голос, так как слезы понемногу прекратились, а паника внутри нарастает.

Он слегка пододвигается, чтобы посмотреть на меня, а потом аккуратно берет мое лицо в ладони и стирает пальцами слезы. Но это бессмысленно, они продолжают капать. Его

голубые, глубокие глаза вглядываются в мои, пытаюсь найти там ответы и старую Мэдди, которую он знал, но ее там нет.

Все, что я строила десять лет, разрушилось, и горькие воспоминания проносятся в голове. Я будто чувствую, как тетя Мэгги аккуратно сжимает мою руку, пока ветер играет с моим лицом, заставляя прищурить глаза. Я ощущаю, как странная боль скручивает все мои внутренности — эта боль намного хуже, чем обычная, физическая. Физическую боль практически всегда можно успокоить, а эта будет жить долгие годы и полностью никогда не уйдет, ее отпечаток всегда будет на тебе. Душевная рана всегда может открыться заново, даже когда ты уверен, что рубец уже практически пропал. Шрамы остаются, и в тот момент вскрывается мой.

В голове всплывает сцена, в которой священник произносит слова «покойтесь с миром». Тетя Мэгги ведет меня ближе к воде, и маленькие волны опять касаются моих ног. Вода холодная, очень холодная, но я рада этому холоду, он притупляет боль. Одним движением, мы обе кидаем в глубокую, голубую воду две красные розы — для мамы и папы.

Священник произносит молитву, открывая урны, в которых покоятся прах моих родителей. Он рассеивает их прах по ветру, и тогда я понимаю, что родителей больше нет, они ушли навсегда. Ушли в рай, танцуя без музыки на бесконечных волнах моря, которое относит их в самые дальние уголки мира. Вскоре они будут летать в небе, создавая облака причудливой формы.

Наконец все заканчивается, и я возвращаюсь в реальность, стоя рядом с Ридом, а его голос полон боли. Он уже практически плачет, и я понимаю, что еще не проронила и слова.

Рид сжимает мои руки и смотрит в глаза, умоляя меня сказать хоть что-то.

— Ты ничего плохого не сделал, Рид. Пожалуйста, поверь мне. Ты же не мог знать, сколько тяжелых воспоминаний хранит для меня это место. Никто не знает. Я не думаю, что когда-либо говорила об этом даже Мелани.

— Расскажешь мне? Это очень важно для меня, я хочу помочь тебе.

Я вижу, как одинокая слеза скатывается по его щеке. Аккуратно вытерев ее пальчиком, я прижимаюсь к нему. Он обнимает меня крепче и мягко целует в макушку.

— Мы рассеяли здесь прах моих родителей. Ну, конечно, не прямо на этом месте, но это было на пляже в Монтаук. Здесь я их видела в последний раз, в последний раз сказала, как сильно их люблю. Я наблюдала, как они улетают, рассеиваясь по морскому бризу, и утопают в голубой глубине моря. В этот момент, я поняла, что их больше не будет рядом со мной. У тети Мэгги не было денег на захоронение, тем более двойное, поэтому она решила кремировать их. Тем более, я переезжала к тете Мэгги, следовательно, смысла в надгробии не было, ведь никто бы их не навещал. Спустя пару дней после церемонии, мой дом был продан, а вещи упакованы. Я сразу же переехала к тете Мэгги и никогда больше не возвращалась сюда, чтобы увидеть моих родителей снова, тихо посидеть на пляже, поговорить с ними и понять, что они покоятся с миром.

Пока я говорю, глаза Рида расширяются и наполняются чувством вины.

— Мэдди, прости меня, дорогая. Зная это, я бы никогда тебя сюда не привез.

Где-то в глубине души, я понимаю, что это не только грустный момент, но и счастливый.

Пожалуй, я выбираю счастливый вариант.

— Нет, Рид. То есть, да, мне сейчас грустно. Я очень люблю своих родителей и скучаю по ним. И после того как они умерли, иногда я просыпалась, забыв, что их больше нет. Те

пару минут, в течение которых я была уверена, что они были живыми, были самыми лучшими минутами в грустные дни. Но потом наступала реальность, и темнота опять заполняла мою душу.

Он кивает, подтверждая мои чувства, я уверена — иногда он чувствует себя точно также.

— Спустя некоторое время, такое чувство по утрам стало пропадать. Они — мертвы, и это невозможно забыть. Мне всегда нравилось думать, что, куда бы я ни пошла, они всегда будут рядом со мной — ветер принесет их частичку ко мне. Но я скучаю.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, у меня тоже было такое по утрам. Иногда, когда что-то невероятное случалось, моим первым желанием было рассказать об этом Шейну, но, естественно, это было невозможно. Мне особенно запомнился один случай: я сделал невероятный хоумран, в последний год своей учебы, в завершающей сезон игре. Когда я пробегал базы, то искал в толпе лицо Шейна. Конечно же, моих родителей там не было — мы не разговаривали друг с другом с той самой истории, а это произошло еще до этой игры. И в тот момент я четко осознал, что остался совершенно один.

Даже не смотря на то, что моя рана в сердце сейчас невероятно ноет и болит, я хочу забрать и его боль. Я хочу стереть ее и вылечить нас обоих.

— Я знаю, что мой ответ не сильно убедительный, но поверь мне, я не грущу.

Он не верит, да и, откровенно говоря, я бы тоже не поверила.

Я пытаюсь объяснить ему:

— Ты не понимаешь? Ты привел меня к ним.

— Ты никогда не перестаешь удивлять меня Мэдди. Ты такая сильная, и я даже иногда не понимаю, как ты можешь находить позитив во всем. Я люблю тебя.

Мы долго еще сидели на песке, обнявшись и поддерживая друг друга, растворяясь в воспоминаниях о родителях, которых у нас больше не было.

Но мы были друг у друга.

Когда темнота внутри немного рассеивается, я вспоминаю вчерашнюю серию «Друзей». Думая о том, что пейзаж моря перед нами идеально подходит к тому эпизоду, я слегка улыбаюсь.

— Милая, почему ты улыбаешься?

Скорее всего, он считает меня сумасшедшей, но я все же говорю:

— Ничего. Просто я подумала о том, что ты мой лобстер.

На его лице отражается комичное непонимание, и он осторожно спрашивает:

— Это хорошо или плохо?

— Это прекрасно, Рид. Я люблю тебя.

Я встаю и тяну его за собой. Все оставшееся утро, мы ходим вперед-назад по замечательному пляжу, взявшись за руки и потерявшись в нашей любви. Это исцеление для нас обоих. И когда мы идем к машине, я понимаю, что так легко и хорошо никогда еще себя не чувствовала.

Глава 17

Рид

Мы провели все утро, гуляя по берегу, и поверьте, это даже лучше тропического отдыха, каким бы классным он не был. Я всегда чувствовал, что Мэдди близкий мне человек, даже,

когда отталкивал ее, но после того, как мы поделились друг с другом сокровенными переживаниями, я понял, она часть меня — моего сердца и души.

Мы приходим в отель и заселяемся. Наступает обед, и солнце светит очень ярко, это место невероятно красивое — морской пейзаж, еще не испорченный людьми.

Я вставляю карту-ключ и открываю дверь. Когда Мэдди видит номер, то она взвизгивает а от удовольствия, хлопая руками и подпрыгивая.

— Рид, комната шикарная, она мне безумно нравится!

— Как же я люблю, когда ты улыбаешься. Я бы и горы начал сдвигать, лишь бы чаще видеть твою улыбку, — я аккуратно обнимаю ее, приподнимая и кружа в воздухе. Она прижимается ко мне, чувствуя мой затвердевший пах.

Мэдди обнимает меня за шею и запускает пальцы в волосы. Притянув мое лицо к своему, она страстно целует меня, но не лихорадочно быстро, а медленно и соблазнительно. Как настоящая искусительница, чувственно пробует, посасывает и кусает мои губы, от чего мой пах еще сильнее твердеет.

Взяв меня за руку, она тянет меня в спальню, где снимает мою одежду, медленно, ни на секунду не отрывая свой горячий взгляд от моих глаз. И когда я полностью обнажен перед ней, она проводит руками по каждому миллиметру моей груди и спины, не прерывая своего умопомрачительного поцелуя. Она подталкивает меня к кровати, пока мои икры не упрутся в матрас. Толкнув меня на кровать, девушка начинает снимать с себя одежду, невероятно сексуальными движениями, это самый лучший стриптиз, который я когда-либо видел. И самым сексуальным из всего этого, был ее невинный и полный доверия взгляд. Каждый предмет одежды Мэдди снимает преднамеренно медленно, и от этого мои пальцы горят от желания прикоснуться к ней.

Наконец-то распрощавшись с одеждой она, оседлав меня, принимает в себя всю длину. Нет никаких слов, и даже если они были, то сейчас в них нет никакой надобности. Я вижу по ее глазам, как она любит меня и знаю, что такие же чувства Мэдди читает в моих.

Дотянувшись до нее, я помогаю двигаться, и она опускается на меня так мучительно медленно, что я ощущаю каждое ее сжатие.

— Черт, Мэдди! Ты сводишь меня с ума. Ахх... Я люблю тебя, — я едва мог связать два слова.

Когда она наклоняется, чтобы поцеловать меня, я обнимаю ее за талию и начинаю двигать по собственному ритму.

Мэдди не говорит ничего, не думаю, что она могла бы промолвить хоть слово, когда я полностью вхожу в нее, но я чувствую, как она сжимается от удовольствия. Я привстаю, садясь удобнее, и теперь мы оба в вертикальном положении. Она опирается на мои колени, и я врываюсь в нее все сильнее и глубже. Притянув ее к себе, я хватаю за попу и подчиняю ее своему ритму, а второй рукой, медленно поглаживаю и вывожу круги вокруг ее чувственного клитора.

— Оххх... Рид... да, быстрее, пожалуйста,... да... ох, милый. Я почти.

Прогнув спину, Мэдди выгибает спину, приближая свою грудь ко мне, и я яростно облизываю и посасываю ее соски, чувствуя, как ее внутренние мышцы все сильнее и сильнее сжимают мою эрекцию.

Когда она кончает второй раз, но уже от того, как я посасываю ее грудь, я делаю два завершающих грубых толчка и кончаю следом за ней. Я крепко обнимаю ее за хрупкую талию, притягивая к себе.

Мэдди кладет голову мне на грудь и водит на ней пальчиками, рисуя узоры. Как же я люблю, когда она так делает. Я накрываю нас одеялом, которое лежит у наших ног, и целую ее в макушку.

— Я люблю тебя, Мэдди. Как насчет того, чтобы вздремнуть, а потом пойти на шикарный ужин и отпраздновать окончание первого семестра?

— Ох, я полностью «за», но есть одно «но».

— О чем ты, солнце?

— Мы пойдем праздновать окончание *твоей* учебы и начало интернатуры. Я безумно горжусь тобой, милый.

На моем лице тут же расплывается улыбка от ее слов, как же давно ни кто не гордился мной.

— Тогда мы отпразднуем два события сразу, а теперь давай поспим. Я уверен, что энергия пригодится нам.

Я чувствую, как она улыбается, и спустя несколько минут ее дыхание замедляется, а пальцы перестают выводить узоры.

Я засыпаю, зная, что когда проснусь, моя боль никуда не уйдет, но она будет терпимой. Я не мог быть несчастным, когда лучшая женщина в мире посапывала у меня под боком, защищая от призраков прошлого.

Мэдди

Когда я просыпаюсь, то Рида рядом нет, но есть записка.

«Привет, малыш!

Мне надо сделать несколько дел, чтобы подготовить для тебя сюрприз. Я купил тебе обед в маленьком гастрономе, недалеко от отеля. Он в холодильнике. Я заберу тебя в 5. Скоро увидимся.

Я люблю тебя»

Я обедаю на балконе, наслаждаясь свежим воздухом и видом. Погрузившись в книгу, до которой не могла добраться из-за экзаменов, я еле вспоминаю, что мне надо принять душ и подготовиться к свиданию.

После душа, уложив волосы так, чтобы кудри красиво обрамляли мое лицо, я наношу легкий макияж и чувствую себя сексуальной, как никогда раньше.

Когда я иду к спальне, чтобы одеться, то осознаю, что не имею понятия, какие вещи собрали ребята мне. Я уверена, Рид сказал Мел, что упаковать, но ее вкус в одежде всегда базируется на четырех словах «чем меньше, тем сексуальней».

Когда я открываю шкаф, то вижу шикарное черное платье, от которого у меня перехватывает дух. К вешалке прикреплена записка.

«Не могу дождаться, когда увижу тебя в нем — и без него.

Люблю тебя»

Я скольжу в шелковую ткань, платье подходит идеально. Оно не короткое и вульгарное, а лишь слегка выше колена. Ассиметричный верх красиво подчеркивает грудь, изощренно и аккуратно — не крича «эй, посмотри на мои сиськи». Но самая интересная деталь этого платья — что оно на одно плечо. Одна рука полностью обнажена, а вторая скрыта под легким шифоном. Туфли, конечно же, стоят рядом, так как мой замечательный парень все продумал. Мне немного страшно открыть коробку от Джимми Чу, но, мой внутренний бог

туфель прыгает от радости. Я всегда мечтала приобрести обувь этого дизайнера, но не могла себе позволить. Туфли оказываются серебристые, с блестящим ремешком и шикарной шпилькой. Я влюбляюсь в них с первого взгляда.

Я еще раз смотрю на себя в зеркало, наношу бежевый блеск на губы и, взяв серебристый клатч, который Рид тоже приготовил для меня, направляюсь к двери. Я чувствую себя Золушкой, которая идет на свидание к своему Принцу.

Когда двери лифта открываются, Рид уже ждет меня с красной розой в руке. Осмотрев меня с головы до ног, он довольно улыбается. Он ведь сам все выбирал, в конце концов.

— Привет, красавица, — он притягивает меня к себе и целует.

— А ты? Посмотри на себя! Этот наряд тебе к лицу, — я привыкла видеть его в джинсах и футболке или в спортивном костюме, но сегодня он выглядит так, будто сошел с обложки журнала *GQ*. Светло-голубая рубашка подчеркивает его глаза, красиво обтягивает его крепкую грудь и спину. Я вижу, как перекачиваются его мышцы при движении, от чего мой рот тут же наполняется слюной. Его сильные ноги затянуты в черные брюки, но я плююсь на его фантастическую задницу. Не думаю, что у него была еще какая-то обувь, кроме кед, поэтому я уверена, что эти черные туфли новые. Я не могу сдержать счастливую улыбку, любуясь им.

— Ну что, мы можем идти? — я не могу дождаться, когда мы сдвинемся места и не хочу пока думать о том, что собираюсь рассказать ему за ужином.

— Конечно. Но, прежде я хочу кое-что сделать, — он достает черную длинную бархатную коробочку с кармана, и я немею.

Я пытаюсь спрятать слезы, слезы счастья — но так же и вины.

— Рид, ты не должен был этого делать. Это слишком, ты и так сильно потратился на меня. И теперь еще это? Извини, я не могу это принять.

— Ты — единственная женщина в мире, которая не любит подарки. Пожалуйста, возьми его. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты приняла его.

Он открывает коробочку, и о Боже! Я никогда еще не видела таких украшений на шею — это не обычная цепочка с подвеской. Две переплетенные цепочки, усыпанные бриллиантами. Одна цепочка усеяна черными бриллиантами, а вторая — белыми, переплетались между собой, создавая необыкновенной красоты узор, который буквально светится.

— Рид, нет... Я...

Но он не дает мне закончить предложение. Достав украшение из коробки, он заходит мне за спину и убирает волосы на одну сторону. Застегнув ожерелье, он нежно целует меня за ухом и шепчет «я люблю тебя».

— Когда я его увидел, то не смог его не купить. Он символизирует нас. Увидев белое и черное, я тут же подумал о том, какое у нас было прошлое, сколько дерьма нам пришлось преодолеть, но белый цвет символизирует все, то светлое, что ждет нас впереди. И то, как они переплетаются и связаны друг с другом, тут же натолкнуло меня на мысль, что без тебя, — он целует меня в нос и продолжает, — у меня не было бы сил двигаться дальше. Ты дала мне понять, что жизнь может снова стать яркой и все вокруг не такое уж и черное.

— Это самое романтическое и милое, что я когда-либо слышала в своей жизни. Спасибо тебе большое и не только за украшение — которое, кстати, необычайно красивое. Но и за то, что я снова испытываю такие яркие эмоции. Я тебя так сильно люблю.

— Не то, чтобы ты раньше была некрасивой, но сейчас твои глаза светятся, — он целует

меня в кончик носа и зовет, — пошли. Я столько всего интересного придумал на сегодня, — Рид берет меня за руку, и мы направляемся к машине.

Ужин проходит просто замечательно. Он приводит в меня в небольшой, уютный рыбный ресторан. Блики от свечей играют на его лице, когда Рид рассказывает об интернатуре, которая начинается через неделю. Как я люблю слушать о его желании помочь детям. Суицид Шейна и странное поведение родителей сильно изменили Рида, и сейчас он готов помогать другим детям с похожей судьбой, но я знаю, что именно это помогло ему найти свою цель в жизни; так он наконец-то обретет спокойствие, зная, что помогает найти его другим. Я думаю, что из-за этого он и оберегает меня так. Я не могу злиться от того, что он меня так балует, если это делает его счастливым, но чувствую себя немного виноватой потому, что знаю, что я не заслуживаю этого.

Мы съедаем напололам шоколадное фондю, и, впихнув в себя еще один кусочек, я бормочу:

— Ух. Я больше не могу. Но это было очень вкусно.

Он кладет на стол еще одну маленькую коробочку и протягивает ее мне, на что я закатываю глаза.

— Нет! Я больше не возьму от тебя подарок. Платье, туфли и украшение на шею — этого уже предостаточно, — я практически кричу на него.

Он только покачает своей головой и смеется.

— Мэджи. Просто замолчи и открой коробочку, только на которую, кстати, я и потратил деньги, поэтому не бесись.

Я закатываю глаза, но я сбита с толку. Я открываю коробочку и достаю оттуда маленькую бутылочку, которая наполнена песком. Мои брови приподнимаются от удивления, и я непонимающе смотрю на него.

Он отвечает на мой незаданный вопрос:

— Ты сказала, что хотела бы, чтобы у тебя было место, где ты сможешь посетить своих родителей. Мы не сможем быть здесь все время, поэтому я решил подарить тебе маленький кусочек пляжа. Теперь они всегда будут рядом с тобой.

Я нахожусь в шоке от его подарка.

— Рид... не знаю, что сказать.

— В этом нет нужды. Расслабься. Не хочешь прогуляться, чтобы очистить мысли? Перед, ну понимаешь, тяжелыми упражнениями? — он озорно смотрит на меня, раскрывая свои планы на оставшуюся ночь.

— Было бы замечательно прогуляться по пляжу. Хотя, любая прогулка с тобой — это уже замечательно.

Он подписывает чек и, подойдя к моему стульчику, отодвигает его для меня — всегда джентльмен.

Когда мы выходим на улицу, уже заметно похолодало. Ветерок, который был успокаивающим и согревающим днем, теперь стал яростно холодным и пронизывающим до костей. И не проходит и пяти минут, как мы уже бежим в машину, чтобы согреться.

— Прости, малыш. Я думаю, что лучше вернуться сюда летом, — Рид тянется к карману, чтобы проверить телефон, который вибрирует.

Я слышала его уже несколько раз за этот вечер, но так как мы были в ресторане окружены людьми, ничего не сказала. Это была просто отговорка, серьезно, но сейчас, когда мы одни в машине, я должна рассказать ему все. Я больше не позволю этому продолжаться,

потому что рано или поздно вина сожрет меня полностью, особенно после сегодняшнего дня.

— Кто это, Рид?

Он просто отмахивается от меня, бросив «никто», и уже собирается сдвинуться с места, но я продолжаю:

— Я видела, как ты уже несколько раз за сегодня проверял телефон. На самом деле, в последнее время ты довольно часто это делаешь.

Его лицо тут же превращается в маску, а напряжение в машине накаляется. Возможно, мне не стоило начинать с обвинений.

Видно, что Рид пытается справиться со злостью, но она буквально вырывается наружу. Наконец, он цедит:

— Я же сказал, что никто — и это не важно. Я даже не знаю этот номер.

Я тянусь и беру его за руку, сжав, пытаюсь успокоить его. Он чуть-чуть сбавляет обороты, но я понимаю, что внутри он кипит.

— Рид, я должна кое-что рассказать тебе. Только, пожалуйста, не сердись, — я вижу шок в его глазах, и он хорошо обдумывает свои следующие слова, прежде чем их сказать.

— Ладно, я обещаю, что постараюсь, но когда ты с таким подозрением относишься ко мне, это тяжело.

Я сейчас вижу перед собой Рида таким, каким я его впервые встретила — холодным и жестким, глубоко вздохнув, пытаюсь подготовить себя к правде.

— Еще на Дне благодарения я заметила, что ты постоянно проверял свой телефон. Один раз, когда ты был в душе, он зазвонил, и я ответила.

— Ты сделала что? — его глаза расширяются от удивления, я слышу панику в его голосе. — Почему? Что ты хотела узнать? — он подталкивает меня к ответу, и я понимаю, что Рид уже знает ответ на свой вопрос, просто хочет услышать это от меня.

— Я... Я не знаю зачем, просто подумала, что ты мне изменяешь. Я помнила, что до нашей встречи ты менял девушек, как перчатки. И зная, что у тебя есть определенные нужды, я полагала, что у тебя было несколько девушек на стороне, которые были способны удовлетворить их.

Он резко поворачивается, будто его ударили наотмашь. Он буквально рычит мне в ответ:

— Я не могу поверить в это, Мэдди! Ты собираешься тыкать мне моим прошлым в лицо? Я твою мать, недостаточно сделал, доказывая свою чертову любовь? И одна маленькая, глупая и незначительная вещь в виде звонков — с номера, который я даже не знаю, кому принадлежит — и ты уже меня обвиняешь в самом худшем? Как только ты, черт тебя побери, могла подумать, что я изменяю? — его голос ядовитый, злой и пронизанный болью, кулаки сжаты, вены на шее вздулись, он пытается обуздать свою ярость.

— Милый, я...

— Какой я тебе, к черту, «милый»?! — орет он, и слезы тут же появляются на моих глазах. Его плечи опускаются, а голова ложится на руль. Он выглядит убитым и проигравшим, — Я любил и верил тебе, а ты взяла и начала шпионить за мной. Скажи мне, Мэдди, кто это был, когда ты подняла трубку?

Я знаю, что если начну говорить, то заплачу, а у меня нет никакого права быть расстроенной, только чтобы вернуть его расположение ко мне. Но мне так хочется, чтобы он просто притянул меня к себе и сказал, что все будет хорошо. Не услышав мой ответ, он бьет

кулаками по рулю, от чего я подпрыгиваю.

— Твою мать, Мэдди, кто это был?

— Это была девушка. Она ничего не сказала, кроме «привет». Я ничего ей не сказала. Я не знала, что говорить, но когда услышала женский голос на другом конце провода, я... я... прости... тут же сделала неправильный вывод. Я... просто... я была напугана. Подумала — ты изменяешь мне, а я тебя так люблю, и лишь одна мысль о том, чтобы потерять тебя, затуманила мне голову. Прости меня. Я никогда не хотела причинять тебе боль.

Тишина кажется буквально угрожающей. Я знаю, что должна рассказать ему все до конца. Или сейчас или никогда. Я сама себе вырыла яму, и разбираться с этим только мне.

— Есть еще кое-что, — мой голос превращается в шепот.

— Что ты имеешь в виду под этим твоим «есть еще кое-что»? Куда еще больше? Ты не веришь мне!

Его тихий, полный боли, голос разрывает мое сердце. Что же я наделала? Как мне хотелось забрать его боль.

Закипая, он говорит:

— Твою мать, Мэдди, давай, договаривай.

Вот он — момент — все или ничего.

— После того, как она скинула, я увидела, что у тебя была куча пропущенных звонков с этого номера, поэтому переписала его и отправила Брайану. Я подумала, что он поможет мне разузнать, чей это номер.

От сарказма, который сочится в его словах, меня передергивает.

— И он узнал? Ты узнала, что тебе было нужно? Почему ты просто не спросила у меня? Господи, Мэдди, я даже не знаю, как реагировать?!

Я слышу, как в его голосе прорывается паника и безысходность. В маленькой машине он выглядит, как зверь, загнанный в клетку.

— Я не знаю, почему я не пошла к тебе. Прости, это убивает меня.

— Тебя? Это убивает тебя? Ох, как мило с твоей стороны, — он усмехается, — скажи мне, что он узнал? — его смертельно спокойный голос скрывает злость, которая кипит внутри.

— Когда Брайан сказал, что этот номер с Деннинга, и я начала волноваться за тебя, подумав, что это Алекс. Я не понимала, зачем ей было звонить тебе спустя столько лет, но не хотела, чтобы она вновь причинила тебе боль. Ты только рассказал мне о Шейне и своей семье, и, милый, пожалуйста, поверь мне. Я действительно переживала за тебя.

Его гнев немного спадает, и, кажется, он немного смягчается, после моих слов.

— Как только он сказал, что номер с Деннинга, я тут же отмела идею про измену. Пожалуйста, поверь мне! Сколько я бы не извинялась, этого будет не достаточно, чтобы забыть о моем первом предположении. Я просто так долго держала свое сердце закрытым, что это получилось рефлексивно.

Он зажимает пальцами переносицу и трет глаза, чтобы хоть как-то скинуть напряжение. И снова передо мной сидит мой Рид, которого я так люблю, он поворачивается ко мне и смотрит мне в глаза.

— Именно поэтому я не поднимал трубку телефона. Я не знал номер телефона, но узнал код города. С этого города я не знал никого, с кем хотел бы поговорить, — он пытается говорить спокойно, но у него это не очень удается.

Я тянусь к его руке, но Рид отдергивает ее. У него полное право сердиться на меня, но

все же мне становится больно от этого жеста.

Он замечает мою реакцию, и видно, что внутри у него происходит борьба. Я не могу описать то чувство облегчения, которое я испытываю, когда он переплетает наши пальцы. Возможно, еще не все потеряно.

— Пожалуйста, Рид, поверь мне. Я очень сильно люблю тебя и сделаю все, лишь бы доказать тебе свои чувства. Мне так жаль, милый, прости меня.

Он ничего не говорит в ответ. Рид просто держит мою руку и поглаживает ее большим пальцем. Я притягиваю наши сцепленные руки к губам и нежно целую его руку. Слезы текут по щекам, но не потому, что я хочу разжалобить его, а от переизбытка эмоций.

Тяжесть от того, что я рассказала ему, наконец, пропадает. Я так сильно люблю его и готова сделать многое, лишь бы он остался со мной. Мы уже пережили много ужасных моментов и преодолеем и это.

Другой рукой Рид вытирает мои слезы. Как же приятно чувствовать его руки. У нас все будет в порядке. Должно быть.

Парень начинает говорить первым, прерывая, наполненную эмоциями, тишину:

— Я не собираюсь врать тебе, Мэдди. Я злой — чертовски злой. Но, — он останавливается и делает глубокий вдох, — я люблю тебя. Не хотелось бы понимать, почему ты сделала такой вывод, но я понимаю. Я реально был придурком до того как встретил тебя, и изначально мое отношение к тебе было ужасным. Просто пообещай, что в следующий раз ты придешь ко мне со всеми вопросами.

Как только я собираюсь пообещать ему, его телефон опять вибрирует. Это невозможно не заметить сейчас, но я решаю не обращать внимания. Рид ничего не говорит — просто нажимает кнопку «отбой» и кладет его на консоль. Умолкнув на секунду, он тут же звонит вновь. Неприятный звук вибрации на пластике, кажется, возвращает напряжение, которое уже успело пропасть.

— Рид? Почему ты не отвечаешь?

Он смотрит на меня так, будто у меня у меня выросла вторая голова, отвечая на мой вопрос:

— Почему? Да потому что в том чертовом месте, которое я когда-то называл домом, нет ни одного человека, с кем бы я хотел поговорить.

Он очень пытается показать, что покончил с тем местом, но я слышу боль в его голосе — вижу боль в его глазах. Это не очень похоже на законченную страницу.

Когда телефон звонит в третий раз, я сама себе удивилась, когда предлагаю ответить на него. Это очень просто, действительно: если у него не хватает сил сделать что-то, тогда я сделаю это за него — вместе с ним. Я буду его светом во тьме.

— Зачем мне разрешать тебе это? Я даже не знаю, кто это и ничего хорошего из этого не получится, поэтому оставим все, как есть.

Возможно, узнав кто это, Рид поговорил бы с ней. Возможно, он бы ее вспомнил, назови я ее имя. Это же маленький город, в конце концов — все друг друга знали. Я должна была ему рассказать.

— Ее зовут Кейтлин Донаван. Она новенькая в Нью Палтс. Ее воспитывал отец, и с детства она жила в Деннинге. Мама бросила ее, когда та была еще маленькая, и больше никогда не возвращалась.

Он шокирован и испуган в тоже время, но ничего не говорит.

— Рид, пожалуйста, разреши мне сделать это. У нее точно есть что-то важное для тебя,

иначе она бы не звонила столько раз. Давай просто послушаем, что она хочет сказать, и решим, что с этим делать. Я буду рядом с тобой — обещаю. Я люблю тебя.

И телефон звонит снова, но в этот раз Рид берет его в руки. Он просто смотрит на него, раздумывая, стоит ли ему отвечать. Решившись, он проводит пальцем по экрану и отвечает.

Глава 18

Рид

Я безумно боюсь, но Мэдди права. Ясно, что звонки не прекратились бы. Фамилия «Донован» казалась очень знакомой, но это часто встречающаяся фамилия. Поэтому, готовя себя ко всему, я отвечаю на звонок.

— Здравствуйте? — голос дрожит, как же я не хочу показать свою слабость, но, увы.

— Здравствуйте. Это Рид Коннели? — ее мягкий и милый голос так же, как и мой, выражает сомнение и нервозность.

— Да, это я. Кто вы? — моя слабость прошла. Я готов ко всему, что она бы мне ни сказала.

— Меня зовут Кейтлин, — девушка делает паузу и добавляет свою фамилию.

— Что ты хочешь? Почему ты мне звонишь? — я груб, но, честно говоря, хотелось покончить со всем этим и продолжить жить своей жизнью.

— Эм... ладно... это по поводу твоей мамы, Рид.

Мой мир начинает вращаться. А телефон практически падает с рук, но я ловлю его в последний момент и опять прикладываю к уху.

Медленно и нарочито спокойным голосом я отвечаю:

— У меня нет матери. Она мертва для меня.

Я вешаю трубку и выключаю телефон. Заведя машину, вырulingиваю на дорогу и направляюсь в отель. Я не смотрю на Мэдди — не могу. Она заставит меня говорить об этом, а я не могу этого сделать прямо сейчас. Легче просто закопать это внутри себя и оставить там.

Пятнадцать минут пути в отель проходят в полной тишине.

Зайдя в нашу комнату, Мэдди обнимает меня сзади и кладет голову мне на спину.

— Ты хочешь поговорить об этом?

Я горько смеюсь, из-за нелепости ее вопроса.

— Нет, я точно не хочу говорить об этом. Мои родители мертвы для меня. Они выбросили Шейна из своей жизни и меня следом, из-за того, что я не последовал их примеру. Даже слышать ничего не хочу. Я в душ и спать. Хочу, чтобы этот день наконец-то закончился, — я выхожу из комнаты, не оглядываясь. Мне надо побыть в одиночестве.

Я принимаю душ дольше, чем обычно, хочу, чтобы вода смыла с меня всю боль и воспоминания — не работает.

Я вхожу в спальню и, надевая спортивки и футболку, слышу голос на балконе. Что за черт?

Я тихо вхожу в гостиную, чтобы Мэдди меня не заметила. Услышав отрывок разговора, я не верю своим ушам.

— Я все понимаю, Кейтлин...

Я не слышу конец предложения. Мои кулаки непроизвольно сжимаются, а кровь быстрее бежит по венам, злость буквально душит меня. Как она могла?

Но девушка продолжает говорить, и я фокусируюсь на том, чтобы услышать ее слова.

— Я попробую поговорить с ним. Но я не могу ничего обещать, ему больно. Ладно, я позвоню тебе завтра. Пока, — она кладет трубку и кладет телефон в карман. Возвращаясь в комнату, через большую стеклянную дверь, Мэдди замечает меня и ахает от шока.

Я даже не могу описать, что чувствую в тот момент.

— Ох... привет... я просто говорила с Мел.

Она запинается на каждом слове. Врать она совсем не умеет, и сейчас я поймал ее на месте преступления, и отвертеться Мэдди не может. Она пытается обвести меня вокруг пальца, но в этот раз я не могу этого позволить. На лице у нее застывает маска испуга, и она смотрит в мои холодные и жесткие глаза.

— С кем ты разговаривала, Мэдди?

— Я уже говорила...

— Черт, даже не смей произносить имя Мел! — от того как я рычу это, Мэдди буквально отпрыгивает от меня, — Я слышал тебя, поэтому скажи мне чертову правду. С кем ты говорила?

Она трясется от паники, а голос дрожит, когда девушка начинает говорить:

— С Кейтлин...

Я продолжаю впиваться в нее взглядом. Я знаю — это слишком, но в этот раз она хотя бы говорит правду.

— Скажи мне на милость, какого черта ты с ней разговаривала?

— Прости меня, Рид, — слезы катятся с ее глаз, и, спустя несколько секунд, она начинает рыдать, но у меня уже нет сил выслушивать ее извинения. Меня затягивает в пучину гнева.

— Хватит рыдать, Мэдди, и скажи, какого черта ты ей звонила?!

Я нависаю над ней, не давая места для маневров, и понимаю, что ее трясет. Схватив девушку за руку, веду в гостиную. Повернув ее, чтобы она была лицом ко мне, я еще раз спрашиваю, что здесь происходит, на что Мэдди отвечает:

— Услышав, что она звонит из-за твоей мамы, я просто была обязана перезвонить ей и узнать, что произошло. Она твоя мама, Рид. Это тебя совсем не беспокоит?

— Это не твое дело! А тебя не беспокоит, что она выкинула двух своих сыновей из своей жизни — и ни разу не попыталась связаться со мной за последние три года?! *Это* тебя не беспокоит?

— Она больна! Она умирает! Ей нужна твоя помощь, Рид! Надежда только на тебя, — Мэдди практически кричит все это, но я не хочу ее слушать.

Я ору из последних сил:

— Меня не волнует, что ей надо! Ее не было рядом со мной и Шейном, когда она была нужна нам. Она была нашей матерью, а потом взяла и отвернулась от нас! Какая она после этого мать? Я больше никогда не хочу слышать о ней!

Мэдди выпрямляется и толкает меня в грудь.

— Ты — эгоистичный ублюдок! Ты хоть представляешь, что я готова отдать, лишь бы мои родители были рядом со мной? Но я не могу этого сделать, потому что они мертвы — по-настоящему мертвы! Да, твоя мама поступила неправильно, но она жива — возможно, ненадолго, но ведь жива. И ей нужна твоя помощь, а ты полный ублюдок, если собираешься

игнорировать ее. Если есть хотя бы маленькая возможность, спасти ее, тогда ты должен сделать это. Что будет, если она умрет?

— Для меня, она уже мертва.

— Нет, не мертва, Рид. Она — жива. Вот моя мама — мертва, и я уже не смогу вернуть ее, но ты можешь вернуть свою. Я знаю, что если ты не поможешь ей, и она умрет, то никогда не простишь себя.

Мой гнев уменьшается, и я уже хочу с ней согласиться, но не могу.

— Ни в коем случае я не поеду к ней. Ты поняла меня? То, что ты потеряла родителей, не дает тебе никакого права лезть в мою жизнь. Это хреново, что твои родители мертвы, но они никогда не причиняли тебе такую боль, какую причинили мне мои. И то, что я поговорю со своей мамой, ни вернет к жизни твоих родителей, поэтому сотри эту чертову маску Матери Терезы. Мир не вращается вокруг тебя и твоей боли, Мэдди. Только потому, что моя жизнь не такая, как твоя, не означат, что ты лучше меня. Так, что даже и не смей меня осуждать!

— Знаешь что? Нет, я никогда не пойму того, кто отворачивается от своей мамы, потому что я бы так *никогда* не поступила. И это неприемлемо для меня, и именно из-за этого я хочу, чтобы ты не поступал так. Я хочу, чтобы ты был настоящим мужчиной. Ты не прав, Рид, и, несмотря на то, как сильно я люблю тебя, я не смогу быть рядом с тобой, пока ты смотришь, как умирает твоя мама, и ничего не делаешь.

Мы наговорили друг другу кучу гадостей. Мое горло болит от этих криков и ругани, и Мэдди выглядит истощенной.

Она практически бежит к дверям и хватается ключи со стола.

— Я больше не могу находиться здесь. Вернусь позже, когда ты успокоишься и придешь в себя, — с этими словами она вылетает с номера.

После этого я достаю бутылку шампанского с холодильника, которую совсем недавно сам туда и поставил.

Уже и праздника никакого и нет.

Я выхожу на балкон и смотрю на звезды. Открыв шампанское, сажусь на стул и вытягиваю ноги на перила. Бутылку я приканчиваю за считанные минуты и иду к мини бару. Когда и тот пустеет, я спускаюсь вниз в лобби, чтобы утопить свою боль.

Но это не сработало, и, вернувшись в номер около трех ночи, я засыпаю, даже не осознавая, что Мэдди нет рядом со мной.

Глава 19

Рид

Где-то в отдалении я слышу стук, голова из-за алкоголя, словно в тумане. Свет из окна неприятно режет по глазам. Я никогда не напивался, и похмелье для меня в новинку.

Я оглядываюсь вокруг себя, но Мэдди нигде нет. Возможно, она на диване? Я не помню, как она вернулась вчера ночью, но опять-таки, после пятого шота, я вообще ничего не помню. Посмотрев на часы, понимаю, что уже полдень. Ее уже нет двенадцать часов! Я пытаюсь выбраться с кровати, но ноги не держат, а комната вращается. Когда я, наконец, добираюсь до дивана, то вижу, что он пуст. Я тут же трезвею, а внутренности скручивает.

Моя девушка не вернулась.

Когда я снова слышу стук, то волнение тут же вспыхивает с новой силой. Пытаюсь успокоиться, я уверяю себя, что это наверняка Мэдди. Я подхожу к двери и смотрю в глазок, и тут же мой мир затуманивается. Я открываю дверь и, практически, сползаю на пол, когда полицейский показывает свой жетон и представляется.

— Я — офицер Ривьера, а это мой напарник — офицер Мерфи. Мы можем войти?

Я просто поддвигаюсь, уступая им дорогу.

— Вас зовут Рид Коннели? — спрашивает офицер Ривьера, но становится понятно, что уже и так знает ответ, поэтому я просто киваю в ответ. — Черный Форд Мустанг 2008 — это ваша машина?

— Да, моя, офицер, но я не ездил на ней с прошлого вечера, — они смотрят меня. Естественно, выгляжу я, мягко сказать, не очень, и наверняка от меня несет виски.

— Это было до того как вы пили или после, молодой человек? — офицер Мерфи кивает в сторону столика, на котором стоит ряд пустых мини-бутылочек от ликера.

— Это было до того — клянусь. Мы с моей девушкой поругались прошлой ночью, после этого она взяла машину, чтобы остыть. Она... ох, Господи... пожалуйста, скажите мне, что с ней все в порядке. Где она? — слезы уже жгут глаза, а непонятный ком застревает в горле.

С ней все было в порядке. Я не мог потерять ее.

— Пожалуйста, скажите мне! Вы же здесь, чтобы сообщить мне о том, что она украла мою машину? Пожалуйста, пусть это будет так!

— Прости, сынок, но она попала в аварию прошлой ночью...

Остальные его слова проскакивают мимо меня, я падаю на колени. Я обхватываю голову руками и рыдаю. Нет! Нет! Нет! Этого не могло произойти. Только не с ней! Я чувствую, как буквально на части разрывается мое сердце.

Я чувствую руку, которая помогает мне подняться. Офицер Ривьера говорит:

— Она — жива, но в критическом состоянии. Она в больнице святого Францисса. Мы пытались дозвониться вам все утро. Когда мы позвонили ее ближайшей родственнице, Мелани Крейн, она дала нам ваш номер и сказала, что вы остановились здесь. Мы пытались дозвониться к вам в комнату и на мобильный телефон, но вы не отвечали. Если хотите, то мы отвезем вас к ней. Мисс Крейн тоже выехала.

Ничего не понимая, я натягиваю какие-то вещи и привожу себя в порядок, чтобы поехать с офицерами. Я не могу сделать этого; я не хочу даже думать о том, что она не выживет. Я был таким ублюдком прошлой ночью. Мне надо было увидеть Мэдди, извиниться перед ней и сказать, что я люблю ее. Она не могла оставить меня, это не возможно.

Я захожу в больницу, и тут же в нос ударяет тяжелый и противный запах антисептика. Он буквально обжигает мои ноздри и глаза, но я бы солгал, сказав, что только из-за этого в моих глазах слезы. Если я думал, что мне бывало больно раньше, то я сам себе врал. Моя Мэдди — она лучик света в моей темноте. Она нужна мне так, как нужно дыхание человеку, и если ее не станет, то мое сердце тоже перестанет биться.

Бездумно, я нажимаю кнопку вызова лифта и поднимаюсь на третий этаж в комнату ожидания возле отделения интенсивной терапии. Медсестра подходит ко мне, но я едва ли замечаю ее присутствие.

— Молодой человек? Чем я могу вам помочь? — ее голос прорывается сквозь туман

моей боли.

— Мэделайн Беккер. Моя Мэдди здесь. Мне надо ее увидеть.

— Вы ее родственник?

Нет, но она моя; она — мое все.

Я трясую головой, а слезы текут с моих глаз.

— Нет, я не ее родственник. Она — моя девушка. Мы здесь на отдыхе... — поток моих слов прекращается, а медсестра провожает меня к креслам.

— Подождите здесь, и я посмотрю, чем смогу вам помочь.

Она подходит к стойке медсестер и листает какие-то файлы. Через несколько минут, женщина уже идет ко мне, по ее лицу невозможно хоть что-то прочитать.

— Она находится в критическом, но стабильном состоянии. Тяжелое сотрясение привело к отеку мозга, поэтому сейчас Мэделайн без сознания, но, возможно, она услышит вас. Хотите увидеть ее?

Я не знаю, почему мне разрешили ее увидеть, ведь я не ее родственник, но возможно Мелани договорилась с ними. Я следую за медсестрой в маленькую, тускло освещенную комнату.

Я слышу стабильный писк какой-то машины, а глаза тут же натываются на побитое тело Мэдди. Какие-то иголки и трубки торчат из рук, ее голова перебинтована, но даже сквозь повязку проступает кровь. Левая рука в гипсе до локтя, а ее красивое личико всё в кровоподтеках. Новая порция слез тут же льется из моих глаз.

Я подхожу к кровати, и страх тут же заполняет мою грудь. Что если она не проснется? Что если она умрет?

Я слушаю, как медсестра начинает объяснять некоторые детали.

— Ее лицо сейчас выглядит хуже, чем на самом деле. В основном, оно в кровоподтеках из-за подушки безопасности, ее нос и правая орбитальная кость сломаны от сильного удара. Сейчас вам просто надо подождать, пока она проснется.

Я вытираю слезы, не стесняясь того, что кто-то видит мою боль.

— И когда это случится?

— Нам просто необходимо подождать, и мы все увидим. Будем надеяться, что это произойдет очень скоро. Поговорите с ней, это должно помочь.

Медсестра выходит, оставляя нас с Мэдди наедине. Я притягиваю стул к кровати и сажусь рядом с ней. Беру ее хрупкую ручку и притягиваю к губам. Я чувствую на своих губах соль от слез, я не могу так больше.

— Мэдди, солнце, пожалуйста, проснись. Прости меня, малыш. Я не хотел говорить тех слов, пожалуйста, пожалуйста, вернись ко мне. Мэдди... — мой голос пронизан болью, даже для меня он незнаком.

Спустя несколько минут, медсестра возвращается и говорит, что к Мэдди пришел еще один посетитель.

Когда я выхожу в комнату ожидания, Мелани тут же кидается ко мне в руки. Слезы текут по ее лицу.

— Рид, что произошло? Пожалуйста, скажи мне, что она в порядке! Я так испугалась, когда они позвонили. Где ты был, когда это произошло? И почему они не могли связаться с тобой? — девушка в панике, и мне тошно рассказывать, что во всем виноват только я.

Но боль и чувство вины буквально душат меня. Я, рухнув на пол перед ней, соскальзываю по стене. Мелани приседает передо мной и переплетает наши руки. Таким

образом, она подталкивает меня к откровенности, поэтому я собираю все силы в кулак и говорю:

— Мы поругались. Я наговорил ей кучу гадостей. И она ушла, потому что была очень зла на меня. А я напился, потому что тоже был очень злой. Я даже не понимал, что ее нет рядом со мной, пока копы не постучали в мою дверь этим утром.

Больше нет нужды что-либо рассказывать. И так ясно, что это полностью моя вина, так же как я виноват в том, что Шейн мертв. Почему я заставляю людей рядом со мной мучиться? Почему? Если бы я только послушал ее, и согласился принять ее поддержку, чтобы столкнуться со своим прошлым и помочь своей маме, тогда она была бы в порядке сейчас. Мы бы наверняка занимались любовью. Но вместо этого, мы с Мел находились здесь, ждали, пока она проснется и вернется к нам.

Я заплакал снова, или я даже и не прекращал, Мел подвигается ближе ко мне и кладет мне голову на плечо.

— Все будет в порядке, Рид. Она сильнее всех, кого я знаю, — Мел плачет. Мы сидим там оба, понимая, что можем потерять человека, который очень важен для нас.

Когда Мел чуть-чуть успокаивается она встает и тянет меня за собой. И только тогда я вижу, что Камми сидит на стульях пред нами и грустно улыбается.

— Я хочу ее увидеть, — Мел идет к стойке медсестер и начинает что-то спрашивать, а я растягиваюсь на кресле рядом с Камми.

Я уже проиграл битву со своими чувствами, и больше не могу их сдерживать. Камми обнимает меня и пытается успокоить, но это, на самом деле, бесполезно. Один единственный человек, который всегда мне помогал справиться с эмоциями, сейчас лежит без сознания в соседней комнате — и это моя вина.

— Кам, я сильно облажался. Я наговорил ей таких ужасных вещей. Ох, Господи, что будет, если она не проснется? Что если я потеряю ее? Я не могу... — меня бросает в пот от одной мысли, что я ее потеряю. Она — мой мир, и я осознаю, что без нее стану лишь тенью того человека, которым был с ней.

— Шшш, шшш, все будет в порядке, Рид, — она берет меня за плечи и отодвигает от себя, затем смотрит мне в глаза и говорит, — Рид, иногда мы говорим ужасные вещи тем, кого очень любим. И, в действительности, мы всегда делаем больно именно тем, кого любим больше всех в мире. Я не говорю, что Мэдди проснувшись, сразу простит тебя, но ведь ты любишь ее, поэтому сделай все, что в твоих силах, лишь бы она простила тебя. И только потому, что она любит тебя, она простит, — девушка игриво улыбается мне, стараясь хоть как-то подбодрить меня, но кроме Мэдди, никто не может этого сделать.

Спустя несколько часов приезжает миссис Крейн, вся в слезах и растрепанных чувствах. Мел рассказывает ей про состояние Мэдди, и они обе плачут. Мы все находились этой комнате ожидания, обнимая друг друга и поддерживая. Джек привез Камми и Мел, так как ни одна из них не были сейчас в состоянии сесть за руль. Лия и Логан уже на полпути домой, поэтому они не смогли приехать, как остальные. Но Камми постоянно с ними на телефоне, информируя их.

Наблюдая за тем, как Мел и миссис Крейн прижимаются друг к другу, я тут же вспоминаю Мэдди. Хотя каждая деталь наталкивает меня на мысль о ней, смотря на них, я думаю о том, что она говорила мне вчера про мою маму. Чувство вины начинает меня одолевать, когда я снова и снова обдумываю ее слова.

«Нет, твоя мать не мертва, Рид. Она — жива. Моя мама — мертва. Я уже не смогу вернуть ее, но ты можешь попытаться вернуть свою. Я уверена, что если ты не сможешь ей, и она умрет, то ты никогда не простишь себя».

Но суровая реальность была такова, что если Мэдди не проснется, если я потеряю ее, то никогда больше не смогу взять ее за руку, прижать к себе и сказать, что я ее люблю. Я больше не смогу просыпаться рядом с ней, и чувствовать, как она выводит замысловатые узоры у меня на груди.

Периферийным зрением я замечаю, как к нам приближается врач.

— Вы семья Мэдэлайн Бэккер?

Мы все поднимаются на ноги, ожидая услышать, что он нам скажет.

Миссис Крейн ответила за нас всех:

— Она в порядке? Когда она проснется, доктор?

— Отечность начинает спадать. Ее жизненные показатели очень хорошие так, как нам удалось их стабилизировать, когда она к нам попала. Если отечность продолжит уменьшаться, то велика вероятность, что она проснется завтра или послезавтра.

Мое сердце в тот момент начинает биться опять, а легкие втягивают в себя порцию воздуха для нормального функционирования.

— С ней все будет в порядке? Она не умрет? — я себя чувствую так, будто с меня подняли тяжелую плиту, и я снова могу нормально дышать.

— Нет, сынок. Похоже, что она будет в отличном состоянии. Ей просто нужно прийти в себя. Почему бы Вам всем не зайти к ней на пару минут, а потом отправиться домой, ночевать? Мы сообщим вам, если будут какие-то изменения.

Камми и Джек идут первыми и когда они возвращаются, то глаза девушки красные от слез. Она трясется, и Джек пытается успокоить ее. Они выходят с комнаты ожидания, сообщив, что будут в машине.

Мелани идет следующей. Ей потребовалось немного больше времени, чем Камми, но ее реакция идентичная — красные глаза и дрожь по всему телу. Миссис Крейн держит свою дочь, медленно поглаживая по спине, и тем самым успокаивая. Она передает Мел мне, чтобы пойти и пожелать спокойной ночи Мэдди.

Миссис Крейн выходит спустя несколько минут, опять притягивая Мел к себе. Ее глаза тоже на мокром месте, а дыхание сбивается. Она пытается справиться с эмоциями.

Я говорю им:

— Вы, ребята, идите. Я дал Джеку адрес гостиницы, вы можете переночевать там сегодня. Я собираюсь остаться здесь на всю ночь. А вам надо принять душ и поужинать после такой долгой дороги. Обещаю, что если что-то изменится, я тут же позвоню.

Мама Мел тепло обнимает меня и целует в щеку прежде, чем уйти.

— С ней все будет в порядке. По-другому просто не может быть.

Я обнимаю ее в ответ, целую в макушку и отпускаю.

Они не спорят, да и смысла в этом нет. Никакая армия не может сейчас оттащить меня от Мэдди. Они выходят с комнаты ожидания и идут к лифту, а я остаюсь один.

Я медленно иду в палату Мээди, молясь про себя, чтобы с ней все было в порядке, и чтобы она простила меня.

Глава 20

Рид

Я сижу на стуле, притянув ее руку к себе. Понимая, что должен был что-то сказать, хоть что-то, но слова не идут. Я просто держу ее руку и плачу от понимания, какую боль ей причинил раньше и продолжаю причинять. Сердце мое разрывается от тупой боли. Опираясь на ее внутреннюю силу, я еще раз думаю над ее словами.

Мне тяжело осознавать, что Мэдди может умереть, так и не услышав мои извинения. Впервые, с тех пор как умер Шейн, я рассматриваю возможность того, чтобы впустить родителей в свою жизнь. Что если у мамы точно такие же мысли? Если она в последний раз хочет сказать мне, что любит? Я знаю, что я себе никогда не прощу, если я не смогу рассказать Мэдди в последний раз о том, как сильно я ее люблю.

Я не готов полностью дать задний ход, но впервые, после того как родители отвернулись от меня, задумываюсь об этом.

Остаток ночи я провожу, блуждая между аппаратом с кофе и комнатой ожидания. Около двух часов ночи, медсестра аккуратно тормозит меня за плечо, чтобы разбудить. Моя спина и шея затекли от того, что я спал на этом неудобном стуле, но я бы с радостью провел так вечность, лишь бы Мэдди очнулась. И вдруг я паникую, думая, что произошло что-то плохое.

— Что случилось? Она в порядке? — я тут же просыпаюсь, откинув мысли о затекшей шее.

— Да, Рид. С ней все в порядке, — мы перестаем фамильярничать, когда она понимает, что я не собираюсь уходить.

— Я просто подумала, что тебе будет удобнее в кресле, в ее палате, — она улыбается мне и направляется в комнату Мэдди. Когда она доходит до кресла, про которое говорила, то продолжает, — Я принесу тебе подушку и плед. Конечно же, я должна тебя вышвырнуть, так как моя смена окончилась, но не могу.

— Спасибо, Керолайн. Это очень мило с твоей стороны, — я натягиваю на себя плед, пытаюсь устроиться удобнее, но непрекращающийся писк аппаратуры не дает мне уснуть.

Я притягиваю кресло ближе к Мэдди и начинаю говорить с ней.

— Мэдди, малышка. Это я, Рид. Просто хочу, чтобы ты знала — я здесь, жду, пока ты проснешься. Ради Бога, прости меня. Пожалуйста, проснись, я люблю тебя, — притянув ее руку к своему лицу, нежно целую.

И это происходит.

Будто показалось, но я это чувствую, чувствую движение ее руки, поэтому продолжаю говорить.

— Да, солнце — я здесь. Мама Крейн с Мел, Камми с Джеком тоже приехали. Мы все здесь ради тебя и очень тебя любим. Я люблю тебя, малышка, я безумно люблю тебя. Пожалуйста, проснись, ради нас.

Она сжимает мою руку снова и начинает шевелиться в кровати. Я не могу сдержать слезы радости и облегчения, которые катятся с моих глаз.

— Ты слышишь меня, детка? Пожалуйста, открой глазки. Пожалуйста, Мэдди, проснись!

Когда она перестает двигаться, мое сердце сжимается. Я кладу лицо на кровать рядом с ее рукой и рыдаю как ребенок.

Когда ее рука дотягивается до меня, а пальцы гладят по щеке, я перестаю дышать.

— Эй, зачем все эти слезы? — даже не смотря на то, что ее голос слабый и хриплый, он невероятно красивый.

Девушка кашляет, из-за того, что сказала несколько слов.

— Шшш... Все хорошо, это слезы счастья. Господи, как же я рад, что ты в порядке. Я так сильно люблю тебя, Мэдди, — я целую ее пальчики. — Малышка, я сейчас позову медсестру.

— Нет, не уходи. Пожалуйста, останься со мной и расскажи, что произошло.

На секунду проскакивает эгоистичная мысль о том, что она не запомнила нашу сору и те гадости, которые я наговорил.

— Ты попала в аварию, любимая. Ты собиралась повернуть налево, когда кто-то пересек дорогу на красный свет. Они старались свернуть в сторону, чтобы избежать удара, но им не очень это удалось. Ты была без сознания практически целый день.

Мэдди пытается устроиться удобнее в кровати, но тут я слышу, как она выдыхает от боли.

— Пожалуйста, Мэдди, давай я схожу за медсестрой. Она даст тебе обезболивающее средство, я быстро.

Керолайн возвращается и смотрит все показатели Мэдди. Когда доктор приходит, чтобы проверить ее, я выхожу из комнаты вместе с Кейролайн, чувствуя себя лучше, чем когда-либо в жизни.

Когда доктор выходит, он говорит мне, что даст ей обезболивающее и, скорее всего, она будет спать некоторое время. Прежде, чем вернуться к Мэдди, я звоню Мел, обрадовав ее, что Мэдди пришла в себя и все с ней будет хорошо. Она говорит мне, что приедет как можно скорее.

Договорив, я возвращаюсь в комнату к Мэдди и снова беру ее за руку, с намерением никогда не отпускать, если она позволит.

Она хочет поговорить, но я решаю, что ей лучше отдохнуть.

— Все хорошо, Мэдди. Я буду рядом, когда ты проснешься. Я никуда не собираюсь уходить, поспи, малыш, — я хочу погладить ее щеку, мягко поцеловать, но боюсь причинить ей боль. Вместо этого, я кладу свою голову рядом с ней и стараюсь заснуть.

Глава 21

Мэдди

Стук в дверь вытягивает меня с легкой дремоты. Я выпрямляюсь и разрешаю войти.

— Как Вы себя сегодня чувствуете, мисс Беккер? — доктор Намара хочет выписать меня сегодня, чему я, безусловно, рада. Я очень быстро восстанавливалась, но так как несколько лицевых костей и мой нос были сломаны, то мне необходимо было перенести пару операций, после того как я пришла в себя. Мое лицо до сих пор опухшее и болит, но меня несколько раз заверили, что шрамы будут практически незаметны.

— До сих пор немного болит, но я уже хочу выбраться отсюда. Неделя в больнице — это точно не мое заветное желание, — я стараюсь искренне улыбнуться. Это максимум, на который я сейчас способна. Я очень хочу домой.

Из всех врачей, которых я здесь повстречала, больше всех мне нравится доктор Намара.

Она очень молодая — ей точно не больше тридцати пяти. Ее карие глаза искрятся теплотой и заботой, когда она со мной разговаривает.

Когда она садиться на стул рядом с кроватью, взяв мои документы с анализами, то я замечаю, как тень беспокойства пробегает по лицу женщины. Она дотягивается до моей руки, которая без гипса.

— Сегодня с лаборатории прислали твой последний анализ крови, — она замолкает, когда начинает что-то проверять в документе.

— Супер. Это означает, что я уже сегодня могу отправиться домой? — я чувствую себя как ребенок на Рождество или в последний день школы.

— Кажется, да. Ты точно можешь выписываться, — доктор повторяет мне список лекарств, которые мне необходимо принимать — антибиотики, для того чтобы предотвратить инфекцию, противовоспалительные от отечности и крем для предотвращения появления шрамов.

— Спасибо. Я куплю все это по дороге домой, — несмотря на боль, я практически выпрыгиваю с кровати и собираю вещи.

— Кроме того, заполни этот бланк и обратись к гинекологу, когда обоснуешься дома.

Из-за всего этого хаоса после аварии и операции после этого, я совсем забыла про противозачаточные таблетки. Я смотрю на бланк у меня в руках, ожидая увидеть одно, а вижу совершенно другое.

— Я думаю, Вы дали мне не тот список лекарств, доктор Намара. В нем указаны витамины для беременных. А мне нужны противозачаточные таблетки.

Моя рука трясется, когда я отдаю ей бланк. Женщина опять смотрит на листок, а потом пододвигает стул ближе к кровати.

— Боюсь, это не так, мисс Беккер. Кроме обычного анализа крови, мы еще сделали тест на беременность, и он оказался положительным. Так как показатели еще достаточно низкие, я думаю, что Вы беременны около недели или двух. И смотря на Вашу реакцию, я уверена, что Вы об этом даже не догадывались.

— Но этого быть не может. Я на таблетках. Я принимала таблетки. Мне дали их в больнице кампуса, и я точно принимала их каждый день. Как это возможно? Я не понимаю, — я выхожу из себя. Беременна! Как, твою мать, это могло произойти?

— Как долго вы их принимали?

— Думаю, месяц или около того. Я должна была начать новую упаковку на следующее утро после аварии.

— Когда у Вас последний раз были критические дни? — она достает с кармана докторского халата телефон и что-то там нажимает, думаю, она смотрит в календарь.

— Эмм, думаю, когда была неделя финальных экзаменов, но месячные были незначительные. Врач говорила мне, что у меня они могут быть такими, поэтому я не придала особого внимания этому.

— Возможно, они говорили Вам использовать еще одну меру предосторожности в первый месяц, на всякий случай?

— Нет, они никогда не упоминали об этом, — мир перестает вращаться перед глазами. Как они могли забыть сказать о таком?

Доктор Намара еще что-то смотрит в телефоне, а потом в моих данных, прежде чем положить телефон назад в карман, а мои результаты на колени. Она наклоняется ближе ко мне и берет меня за руки. Включив режим «добрый доктор», она начинает объяснять, как

такое могло произойти.

— У некоторых женщин эти таблетки не срабатывают должным образом. И это происходит очень редко, но доктора все равно говорят пациентам использовать другие методы контрацепции на протяжении первого месяца, так как их тела приспосабливаются к новым гормонам.

Черт, черт, черт!!! Значит, это не может быть ошибкой.

— И я думаю, то, что Вы приняли за месячные — было незначительное кровоизлияние, которое случается на ранних сроках беременности. И учитывая ситуацию, Вам очень повезло, мисс Беккер.

Я не могу сдержать смешок, который срывается с губ. Простите, но она говорит, что мне повезло? Что, из всего, что произошло со мной, можно назвать «удачей»?

— Конечно. Я прям четырехлистный клевер.

Доктор Намара смотрит на меня с немим укором от моего легкомысленного отношения.

— Для начала — ты жива. И еще важнее — твой ребенок тоже, — она упрекает меня, но смягчается на последних словах.

Мой ребенок.

И вдруг, все становится более реальным для меня. Маленький человечек растет внутри меня. Наш с Ридом человечек.

Куча мыслей тут же взрывает мой мозг, но самая назойливая про Рида. Как он отреагирует? Мы только два месяца встречаемся, и я уже беременна! Он никогда не подписывался на такое — да и я тоже.

Потом я думаю о его ссоре с мамой, и всех тех ужасных вещах, которые он рассказал про нее. Я пытаюсь посмотреть на это со всех возможных сторон. Конечно, она не совсем заслуживает внимание Рида, после того как поступила по отношению к Шейну, а потом и к Риду, но нельзя закрывать глаза на то, что она его мама. Я просто не могу понять, как он может быть таким грубым и холодным по отношению к маме.

Если он смог так легко вычеркнуть ее из своей жизни — неважно насколько справедливо это было — что если он однажды сделает так же со мной? Что произойдет, когда он меня разлюбит? Я пытаюсь выкинуть эти мысли, но моя неуверенность вспыхивает с новой силой, возводя стены назад.

Как я смогу смотреть в глаза своему ребенку и передавать его Риду, зная, что он дал умереть своей маме, не помог ей бороться? Это будет невозможно. В этом мире и так достаточно боли. Я даже не могу себе представить, как мы справимся с таким грузом, зная, что умерла его мама, это зависнет надо мной, над нами, над нашим ребенком, Рид же может это исправить.

Если он способен игнорировать свою мать, когда она так нуждается в нем, не сделает ли он так же со мной и нашим ребенком?

Последняя мысль давит на меня, будто тонна кирпичей — наш ребенок. Несмотря на то, что ребенок в восемнадцать лет — это страшно, я не могу отрицать того, что мое тело наполнилось радостью. У меня наконец-то будет семья, которую я так долго хотела. Этот маленький человечек будет частью меня — никто не сможет этого поменять.

Если этот «кто-то» не Рид.

Я уверена, что на моем лице пробегает куча эмоций, пока я все обдумываю. Просто сейчас, это слишком для меня. Поэтому я благодарна, когда доктор Намара встает, чтобы

покинуть мою палату.

— Я быстро заполню все документы на выписку. И ты сможешь покинуть больницу в обед. И не забудь принимать витамины вместе с остальными лекарствами.

Стоя у двери, она останавливается, так и не нажав на ручку. Женщина опять поворачивается ко мне и подходит к моей кровати.

— Мэдди, я могу тебе что-то сказать? — ее голос выражает беспокойство, будто она не знает стоит ли говорить.

— Конечно. Говорите.

— Не волнуйся об этом — о беременности, я имею в виду. Ты, конечно, можешь волноваться, но это уже ничего не поменяет. Ты же не хочешь, чтобы первые мысли твоего ребенка были «сожаление» или «раскаянье»? Волнение не поменяет ситуацию, просто прими это и пойми как дальше двигаться по этой темной дороге — да, может быть страшно, темно и одиноко, но у тебя появится солнышко, которое осветит этот путь.

Я замечаю, как сожаление появляется в ее глазах, и она тут же начинает отступать.

— Прости меня. Я не должна была этого говорить. Это не мое дело, что ты будешь делать дальше со всем этим и как будешь себя чувствовать. Я просто... ну, я просто не хочу, чтобы ты чувствовала себя одиноко. Вот и все.

Я тут же чувствую вину.

— Нет, поверьте мне, все в порядке. Вы сделали все правильно, мне надо было это услышать. Ваш совет действительно помог мне.

— Хорошо. Тогда, я думаю, увидимся позже.

Когда она в этот раз подходит к двери, то легко улыбается мне и спокойно кивает. А потом выходит.

Я остаюсь в комнате одна, думая про Рида и нашего ребенка, про его умирающую маму и про наши умирающие отношения.

Жаль, что я не могу попросить какое-то обезболивающее. Оно бы помогло притупить боль, которую я сейчас чувствую, когда мою душу засасывает в темную бездну. Слезы вот-вот готовы сорваться с глаз, а в груди становится невыносимо больно, с каждым новым вдохом.

Ну и, конечно же, именно в этот момент должен был зайти Рид. Он практически подбегает ко мне, как только видит мои слезы. Аккуратно отводя мои волосы, которые лезут в глаза, и стараясь не дотрагиваться до моих ушибов, он нежно целует меня в лоб. Рид ничего не говорит; он и не должен. Не существует языка любви и поддержки. Когда одному из нас больно, второй просто крепко обнимает, передавая невероятный поток силы глубоко в тело, в душу. Но это никогда не делало нас слабее, потому что мы всегда отдавали что-то в ответ.

Когда он перебирает мои волосы, я думаю о том, каким невероятным Рид был, пока я была здесь и приходила в себя. Он приносил мне цветы практически каждый день, и на следующее утро, после того как я пришла в себя, первое, что я увидела, кроме его сияющих голубых глаз, был пузырек с песком с пляжа родителей. Рид сказал мне, что знал, что я захочу, чтобы они были со мной, пока я выздоравливаю.

Сейчас больше, чем когда-либо, я просто хочу, чтобы Рид услышал свои собственные слова и вновь впустил маму в свою жизнь, пока он еще может. Вдруг, какое-то неприятное грызущее чувство начинает подниматься изнутри.

Успокаивающий тембр голоса Рида прорывается сквозь мои мысли.

Он приподнимает мое лицо, чтобы заглянуть в глаза, и аккуратно целует меня в губы. Физически, я реагирую совсем не так, как ожидала. Я скучаю по нему, и прямо сейчас все внутри меня требует его внимания и заботы.

— Поговори со мной, малыш. Что случилось? — парень притягивает меня еще ближе, и я утыкаюсь в его плечо.

— Доктор Намара дала мне документы на выписку и сказала, что я могу уйти в ближайшее время, — ладно, я хожу вокруг да около, пытаюсь отстрочить неизбежное.

Рид морщит лоб в замешательстве.

— Это же хорошо, правда?

— Да, конечно, это хорошо. Но она еще кое-что сказала.

Он ничего не говорит. Рид просто продолжает смотреть, подталкивая меня рассказывать дальше. Но я не могу выговорить ни слова.

— И это...? Что она сказала тебе? Что тебе сказал доктор, Мэдди?

Я знаю, что как только скажу следующие слова, мой мир необратимо изменится.

— Я... я беременна, — последние слова я практически рыдаю. Я слышу, как Рид в шоке делает вдох — я ведь знала, что у него будет такая реакция. Кровать скрипит, когда он вскакивает с нее.

Рид начинает вышагивать вокруг меня.

— Как? Я имею в виду, ты же говорила, что принимаешь таблетки, — он пытается скрыть это, но нотки обвинений проскакивают в его голосе.

— Конечно, я принимала таблетки. Ты же видел, как я принимала их каждое утро, Рид. Доктор сказала, что стоило использовать еще дополнительные противозачаточные меры на протяжении первого месяца.

— Почему мы тогда не делали этого? Почему ты мне не рассказала об этом? Вот дерьмо! — он запускает руки в волосы и тянет за них.

— А ты не подумал, что я бы обязательно рассказала тебе об этом, если бы я только знала? Просто доктор в той клинике забыл рассказать об этой маленькой подробности, поэтому все так произошло.

Мне больно, и я не собираюсь этого скрывать. Рид думает, что я врала ему? Он не хочет этого ребенка — я знала, что он не захочет этой беременности. Знаю, это глупо, но, несмотря на то, что сейчас происходит, я очень сильно надеялась, что Рид улыбнется, поцелует меня и будет рад этой новости.

Наверно, все-таки услышать, что твоя девушка беременна — это не самая желанная новость для 21-летнего выпускника колледжа.

Рид опускается в кресло, выглядя убитым — плечи повисли, а голова невольно опустилась.

Взъерошив руками волосы, он спрашивает:

— И что мы собираемся делать со всем этим? У меня через несколько недель начинается интернатура, и я уже приложил невероятные усилия, чтобы отстрочить ее из-за аварии.

С таким же успехом он мог ударить меня.

Хотя, по правде говоря, даже пощечина не принесла бы такой боли, как его слова.

— В чем моя вина? Я виновата в том, что не следовала инструкциям, которые мне никто никогда не давал, а потом взяла и специально подстроила аварию, лишь бы испортить все твои планы? — я закатываю глаза, сейчас гнев полностью завладевает моими

мыслями. — А ты же совершенно не связан со всем этим, правильно я поняла? А ты не подумал, что все это со мной бы не случилось, если бы не ты? Если ты и хочешь винить кого-то, то вини себя и свою задницу.

Я больше не обращаю внимание на боль, которая тут же появляется, как только я соскакиваю с кровати и начинаю паковать вещи. Кидать вещи одной рукой в чемодан достаточно проблематично, но я не позволяю Риду помочь мне. Я не позволяю себе смягчиться к нему.

Рид встает между мной и чемоданом. Он возвышается надо мной, сверля меня взглядом.

— Скажи мне, какого черта, во всем этом виноват я?

Я никогда не боялась его телосложения и, не смотря на то, как он сейчас возвышается надо мной сейчас, и не собираюсь этого делать. Его это может взбесить, но я знаю, что Рид не сделает мне больно — физически, я имею в виду. Его слова, безусловно, и так уже порвали мое сердце в клочья.

— Повторяю, скажи мне, какого черта, во всем этом виноват я, — его голос сочится злостью, и я вздрагиваю.

Я смотрю в его глаза, которые когда-то были успокаивающим, голубым морем. Сейчас, кажется, что там бушует шторм, но мой гнев сейчас сильнее страха.

— В чем твоя вина? Ну, это все достаточно легко объяснить, — мой тон похож на тот, которым родители объясняют что-то своему ребенку; хотя именно это, я сейчас и делаю.

— Я сама с собой не занималась сексом. И если ты вспомнишь, то ты вообще первый, с кем я занималась сексом. Поэтому я невиновата, я этого не делала, — я указываю на свой плоский живот. — Это все ты.

Рид выше меня сантиметров на 30 и тяжелее килограмм на 45, но я приказываю себе не сдаваться, поэтому я подхожу еще ближе к нему, чтобы закончить то, что начала.

— И я сейчас в больнице и порчу твою интернатуру, потому что ты отказался сделать правильное и доброе дело — позвонить своей умирающей матери, — я не кричу. Мой спокойный и тихий голос и так передает всю мою злость.

Я разворачиваюсь и направляюсь в маленькую ванную комнату, чтобы забрать некоторые вещи. Когда я возвращаюсь в комнату, то Рид практически вибрирует от злости.

— Ну, мы собираемся возвращаться к тому вопросу? Когда ты наконец-то перестанешь бросать мне в лицо мое прошлое? Моя мать вообще никак не относилась ко мне последние пять лет. Так что всё — все кончено. Поэтому я надеюсь, что ты перестанешь совать туда нос и смиришься со всем этим. И кстати, почему это так тебя волнует?

— Почему это так важно для меня? Неужели ты настолько толстокожий, что не можешь понять этого?

— Возможно, я просто настолько тупой, Мэдди, что не понимаю этого. Поэтому, окажи мне одну услугу и просвети меня, пожалуйста, — его голос сочится сарказмом, и в этот момент я вспоминаю причину, по которой я когда-то запрещала себе приближаться к нему.

— Потому что моя мама мертва, и я никогда не смогу ей сказать, как сильно я ее люблю. У меня не было шанса попрощаться с ней. Но у тебя есть, и ты будешь полным ублюдком, если не воспользуешься этим шансом, — я сдерживаю свои слезы и каким-то образом все еще нахожу силы, чтобы продолжать. — И потому что я собираюсь стать мамой. Маленький человечек растет внутри меня, и я совершенно этого не планировала, но я уже ничего не могу поменить. И я не собираюсь скрывать то, что я буду любить этого малыша всем своим сердцем, и не думаю, что я смогу быть с тем, кто не испытывает такие же

чувства, как я. Что произойдет, когда тебе надоюм я, надоест наш ребенок? Ты просто уйдешь от нас, как сделал это в свое время, по отношению к своей маме?

— Это низко, Мэдди. Ты знаешь, как она поступила по отношению ко мне, к Шейну. Ты знаешь все про меня, и ты еще говоришь, что я неправ? Ты же знаешь, я люблю тебя и никогда не смогу отвернуться или уйти от тебя.

Я вижу, что он говорит правду, но он упускает одну важную деталь.

Нашего ребенка.

Рид подходит ко мне с протянутыми руками. Но я поднимаю свои руки в протесте, чтобы защититься, чтобы оборониться, так как я знаю, что если он обнимет меня своими сильными руками, то я сдамся; я сдамся в плен его любви, но я не могу сделать этого сейчас.

— Нет, Рид. Не прикасайся ко мне. Пожалуйста, просто уйди. Я хочу закончить складывать вещи и покинуть эту больницу.

Его лицо тут же сникает, кажется, будто я очень сильно ударила его.

— Ты бросаешь меня? Это правда? Ты говоришь мне, что все кончено? — в его голосе звучат недоверие и боль. На его лицо тут же опускается маска грусти, но мне так хочется ее сорвать. Я хочу закутаться в его объятия и спрятаться от всего мира, хочется сделать вид, будто мы в своем шарике, но я не могу поступить так. Больше нет нас двоих. Я не могу быть с ним и доверять ему, пока точно не буду знать, что он уверен в своих чувствах ко мне и нашему ребенку.

Слезы жгут мне глаза, но я не даю себе волю зарыдать. Я буду сильной, ради себя и ради нашего малыша. Этот ребенок заслуживает семью, которая будет любить его просто так, без причины, а на данном этапе, я вижу, что Рид не сможет сделать этого. Ему нужно еще время, чтобы справиться со своим прошлым, потому что, не смотря на то, что он уверен, что оставил его позади, оно все еще преследует его.

Мне невыносимо думать о том, что Рида больше не будет рядом, но я справлюсь. Я должна сделать это ради себя, ради моего ребенка — чтобы защитить нас.

Возведя все свои крепкие стены обратно, я готова опять почувствовать ту боль, которую чувствовала лишь однажды, когда мое сердце было разбито.

— Да, Рид. Я... я не могу быть с тобой. Этот ребенок заслуживает любви. — Рид открывает рот, чтобы сказать что-то, чтобы сказать мне, что он любит малыша, что он любит меня, но я догадываюсь, что в этот момент Рид готов сказать все, чтобы я не произнесла следующие слова. — Я заслуживаю любви, и пока ты не поймешь, что ты тоже заслуживаешь любви, что ты не виноват в смерти Шейна, и что твоя мама тоже заслуживает любви, я не могу быть с тобой.

В его глазах я вижу, как что-то рушится внутри него, умирает — я растоптала его сердце.

— Но я не могу быть без тебя. Ты можешь отталкивать меня, сколько хочешь, но я буду бороться за нас. Я буду бороться до последнего своего вдоха, чтобы доказать тебе свою любовь.

Мы смотрим друг на друга, Рид пытается найти в моих глазах хоть какую-то подсказку или намек, что я шучу. Он молча умоляет меня взять мои слова обратно, но я уверена, что Рид уже полностью осознает всю правду.

Стук в дверь вытягивает нас с нашего совместного ада. Мама Мел заходит в комнату.

— Угадайте, кто уже готов ехать домой? — ее бодрый голос невероятно контрастирует с ледящей атмосферой в палате. Потерявшись в радости, что я уже здорова и готова ехать

домой, она даже не замечает, что в этой комнате происходит.

Женщина стоит рядом со мной, притянув меня ближе к себе. Я кладу голову ей на плечо и пытаюсь сдержать слезы и рыдания, разбитое сердце невероятно болит и ноет.

— Я только что встретила доктора Намару в коридоре, и она дала мне это, — она машет какими-то бумажками, давая понять, что мне уже можно покинуть это место.

Я отворачиваюсь от Рида, потому что мне больно смотреть ему в глаза. В них отражается точно такие же чувства. Я тянусь вниз за сумкой, и нормальной рукой нажимаю на кнопку, чтобы выдвинуть ручку.

Мама Крейн обнимает меня, когда мы идем к двери. Она начинает понимать, что здесь происходит что-то неладное.

— Улыбайся, Мэдди. Ты едешь домой. У тебя есть я, Мел и Рид, мы позаботимся о тебе. Все будет в порядке. Ну, все будет в порядке, если мы выдержим эту пятичасовую поездку на машине.

Я так хочу, чтобы ее слова оказались правдой. В этот момент я готова отдать все, лишь бы только знать, что Рид позаботится обо мне и нашем ребенке.

Когда мы выходим с мамой Мел из палаты, Рид остается стоять на месте. Мама Крейн недоуменно смотрит на него.

— Ты не едешь с нами домой, Рид?

Он возвращает свое самообладание, проглатывая боль, и отвечает:

— Да, конечно, мисс. Мне просто надо заехать в отель и забрать от туда Камми и Джека. У меня его машина. И думаю, что будет лучше, если я поеду с ними, тогда в распоряжении Мэдди будет заднее сидение, она сможет там лечь. Думаю, увидимся позже.

Рид медленно подходит ко мне, я буквально впитываю последние секунды его присутствия рядом. Я хочу запомнить его грубую щетину на мужественном подбородке, его глубокие, синие глаза, которые смотрят с тоской, его мягкие, полные губы, густые карие волосы, которые такие шелковые на ощупь.

Он останавливается рядом со мной и легонько гладит мою щеку. Рид нежно проводит под глазами, стирая мои слезы, которые льются потоком. Наклонившись ближе, он шепчет мне на ухо:

— Прощай, Мэдди. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя, несмотря ни на что, и я это докажу тебе, — его губы аккуратно касаются моей щеки, а потом он уходит, уходит с комнаты и из моей жизни.

Когда я и мама Мел выходим в коридор, то Рид уже вдаль. Его темный силуэт светится на фоне солнца, которое пробивается сквозь двери.

Эта картина точно описывает его жизнь.

Рид, любовь всей моей жизни, он тот темный лучик, который ищет свет.

Я надеюсь, что ради себя, ради меня и ради нашего малыша, он наконец-то сможет его найти.

Конец первой книги!

Больше книг на сайте - Knigolub.net